

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск 3 (21)

2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2522-9788

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск № 3 (21)
2024

Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 4 раза в год.

Форма распространения: электронное периодическое издание

Включён в наукометрическую базу РИНЦ. Договор с РИНЦ № 425-07/2016 от 14.06.2016г.

Включён в электронную библиотеку и наукометрическую базу CYBERLENINKA. Договор № 33919-01 от 31 октября 2018 г.

В журнале публикуются научные статьи и материалы, освещающие философские и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет».

Редакция журнала:

Главный редактор – Т. Э. Рагозина, доктор философских наук;

Заместитель главного редактора – С. В. Дрожжина, доктор философских наук;

Ответственный секретарь – А. В. Гижа, кандидат философских наук.

Члены редакционной коллегии:

Г. В. Драч, д. филос. наук; В. П. Римский, д. филос. наук; С. П. Поцелуев, д. полит. наук; Каролус Виммер, д. полит. наук; А. И. Атоян, д. филос. наук; Т. В. Лугуценко, д. филос. наук; Андриенко Е. В., д. филос. наук; В. М. Шелюто, д. филос. наук; А. С. Армен, к. филос. наук; Б. И. Молодцов, к. филос. наук; Н. А. Басенко, к. полит. наук; С. И. Сулимов, д. филос. н.; И. В. Черниговских, к. филос. наук; М. М. Кухтин, к. полит. наук.

Адрес редакции: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ФГБОУ ВО «ДонНТУ», 3-й уч. корпус, кафедра философии. Тел.: +7-949-334-9416.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000143 от 20.06.2017.

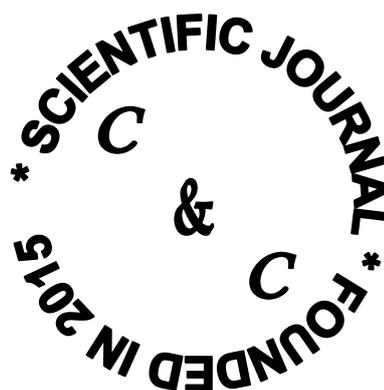
За содержание статей и их оригинальность несут ответственность авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подписано к печати по рекомендации Учёного Совета ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет». Протокол № 8 от 31.10.2024 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«DONETSK NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY»

ISSN 2522-9788

Culture

& CIVILIZATION (Donetsk)

Issue № 3 (21)
2024

Culture and Civilization (Donetsk). Scientific journal. Published since 2015. Published 4 per year.

Circulation type: online periodical magazine

Included into scientific database of Russian Index of Scientific Quotations (RISQ). Contract with RISQ no 425-07/2016 dd 14.06.2016.

Included into e-library and scientific database of CYBERLENINKA. Contract with CYBERLENINKA № 33919-01 dd 31.10.18

The Journal is devoted to publishing of scientific articles and materials in the field of philosophic and political sciences' problems of cultural and civilizational development of modern society, which has entered the stage of severe crisis of its basics.

Founded and published – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National Technical University".

Editorial Board of the Journal:

Editor-in-Chief – T. E. Ragozina, Dr. of Philosophical Science;

Deputy Editor-in-Chief – S. V. Drozhzhina, Dr. of Philosophical Science;

Executive Secretary – A. V. Gizha, Candidate of Philosophical Science.

Members of the editorial board:

G.V. Drach, Dr. of Philosophical Science; V.P. Rimsky, Dr. of Philosophical Science; S.P. Potseluev, Dr. Political Science; Karolus Wimmer, Dr. Political Science; A.I. Atoyán, Dr. of Philosophical Science; T.V. Lugutsenko, Dr. of Philosophical Science; Andrienko E.V., Dr. of Philosophical Science; V.M. Sheliuto, Dr. of Philosophical Science; A.S. Armen, Candidate of Philosophical Science; B.I. Molodtsov, Candidate of Philosophical Science; N.A. Basenko, Candidate of Political Science; S.I. Sulimov, Dr. of Philosophical Science; I.V. Chernigovskikh, Candidate of Philosophical Science; M.M. Kukhtin, Candidate of Political Science.

Editorial office's address: Donetsk People's Republic, 83001, Donetsk, Artema str., 96, Donetsk National Technical University, 3rd Campus, Philosophy Chair. Tel.: +7-949-334-9416.

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

The journal is registered by Ministry of Information of Donetsk People's Republic. The Certificate on registration of mass media № 000143 dd 20.06.2017

Contents and originality of the articles are of the authors' responsibility. The editors' opinion may differ from that of the authors'.

Signed to publishing according to recommendation of the Scientific Board of «Donetsk National Technical University». Protocol № 8 dd 31.10.2024.

**КУЛЬТУРА
И
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
(Донецк)**

Научный журнал
Основан в 2015 году
Выходит 4 раза в году
№ 3 (21) / 2024
ISSN 2522-9788

СОДЕРЖАНИЕ

Ф и л о с о ф и я		
Рагозина Т. Э.	Марксизм о феномене вульгарной науки и о «фуриях частного интереса»	7
Киссель Филипп	Миграция, рабочий класс и империализм	21
Армен А. С.	Правовая экспансия как характеристика современной западной цивилизации	48
Гижа А. В.	Хайдеггер и Гераклит: разница в попытках мыслить бытие	60
Безгусько Н. А.	Социокультурный контекст трансформации традиционных ценностей в обществе	71
П о л и т и ч е с к и е н а у к и		
Дрожжина С. В.	Политические векторы научного творчества М. И. Туган-Барановского (к 160-летию со дня рождения)	
Теория и история культуры, искусства		
Бартагариева И. И.	Эстетика мистического символизма в современном театральном искусстве	89
Философская антропология, философия культуры		
Цыбулевский А. В.	История возникновения и применения игровых технологий до конца XX века. Философские взгляды на геймификацию	
Приложения	Образец оформления статьи	104

CULTURE & CIVILIZATION (Donetsk)

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 per year

No. 3 (21) / 2024

ISSN 2522-9788

RESEARCH

Philosophy		
Ragozina T. E.	Marxism on the phenomenon of vulgar science and on the «furies of private interest»	7
Kissel Philippe	Migration, the working class and imperialism	21
Armen A. S.	Legal expansion as a characteristic of modern Western civilization	48
Gizha A. V.	Heidegger and Heraclitus: the difference in attempts to think being	60
Bezhusko N. A.	Sociocultural context of transformation of traditional values in society	71
Political sciences		
Drozhdzina S. V.	Political vectors of scientific creativity M. I. Tugan-Baranovsky (to the 160th anniversary of his birth)	71
Theory and history of culture, art		
Bartagariyeva I. I.	Aesthetics of mystical symbolism in contemporary theatre art	89
Philosophical anthropology, philosophy of culture		
Tsybulevskiy A. V.	A history of the emergence and application of game technology up to the end of the twentieth century. Philosophical views on gamification	97
Annexes	Examples of articles' design	104

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(доктор философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

МАРКСИЗМ О ФЕНОМЕНЕ ВУЛЬГАРНОЙ НАУКИ И О «ФУРИЯХ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА»

***Аннотация.** Статья посвящена анализу причин возникновения и развития вульгарных направлений в науке. На материале работ К. Маркса автор пытается воссоздать общую картину феномена «вульгарная наука», выясняя условия её закономерного возникновения и особенности функционирования. В связи с этим рассмотрению подлежит ряд вопросов, а именно: 1) какова действительная причина, вызывающая к жизни вульгарные направления внутри собственно научного знания; 2) какие социальные функции выполняет вульгарная наука; 3) как соотносится вульгарная наука с обыденным знанием, с одной стороны, и свободной научной мыслью – с другой.*

***Ключевые слова:** классическая школа, вульгарная наука, обыденное знание, иллюзии, заблуждения, классово мотивированный подход, частный интерес.*

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Science, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

MARXISM ON THE PHENOMENON OF VULGAR SCIENCE AND THE «FURIES OF PRIVATE INTEREST»

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the reasons for the emergence and development of vulgar trends in science. On the material of K. Marx's works the author tries to reconstruct the general picture of the phenomenon "vulgar science", finding out the conditions of its natural emergence and peculiarities of functioning. In this regard, a number of questions are to be considered, namely: 1) what is the real reason that causes vulgar trends within scientific knowledge proper; 2) what social functions does vulgar science fulfil; 3) how does vulgar science relate to everyday knowledge, on the one hand, and free scientific thought, on the other.*

***Keywords:** classical school, vulgar science, everyday knowledge, illusions, delusions, class-motivated approach, private interest.*

Феномен вульгарной¹ науки столь же древен, как и сама наука. В составе научно-теоретического мышления вульгарная точка зрения, как правило, обнаруживает себя в виде набора некритических представлений обыденного сознания о сущности явлений и процессов, происходящих в окружающем мире. И хотя данные представления облечены в наукообразную форму за счёт использования соответствующего языка науки, тем не менее, они своим содержанием в составе научно-теоретической мысли продолжают воспроизводить те *иллюзии* и *заблуждения*, которые свойственны массовому обыденному сознанию, разделяя с последним все его пороки и недостатки. Особый интерес в этом плане представляют вульгарные направления, возникающие в социально-гуманитарных науках.

Означает ли сказанное выше, что между обыденным сознанием и вульгарной наукой можно поставить знак равенства? Конечно же, нет. В чём состоит принципиальное различие данных феноменов – это будет видно из дальнейшего детального рассмотрения особенностей вульгарной науки. Пока же отметим, что наличие в составе вульгарной науки представлений обыденного сознания – далеко не самый главный её порок, ибо вовсе не само по себе обыденное сознание является *причиной*, обуславливающей появление и активное распространение вульгарных направлений в науке.

В связи с этим закономерно встаёт ряд вопросов, а именно: 1) какова действительная причина, вызывающая к жизни вульгарные направления внутри собственно научного знания; 2) какие социальные функции выполняет вульгарная наука; 3) наконец, почему в системе духовного производства отводится далеко не равноправное место и роль вульгарным доктринам и *свободной научной мысли*, в результате чего свободная научная мысль оказывается вытеснена на периферию общественного сознания и вынуждена пробивать себе дорогу в борьбе с широко тиражируемыми и щедро финансируемыми квазинаучными вульгарными направлениями? – Таков круг вопросов, на которые мы постараемся найти ответ в предлагаемой вниманию читателя статье.

Проблема вульгарной науки в качестве предмета теоретического анализа впервые в истории научной мысли ставится и начинает систематически разрабатываться Карлом Марксом. Эта проблема совсем не случайно попадает в его поле зрения в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, а в прямой связи с его критическим анализом буржуазной политической экономии и позитивной разработкой его собственной теории прибавочной стоимости. Более того, феномен вульгарной науки оказывается одной из ключевых тем на протяжении всего периода написания Марксом подготовительных работ к «Капиталу»: начиная с «Экономических рукописей 1857-1859 годов» (Первоначальный вариант «Капитала») и заканчивая руко-

¹ Вульгарный [< лат. *vulgaris* обыкновенный, простой] – упрощённый, пошлый, грубый. Соответственно, *вульгаризация в науке* – это чрезмерно упрощённое выражение в составе теории свойств и характеристик изучаемого явления или процесса, искажающего его действительную сущность.

писями, получившими название «Теории прибавочной стоимости», которые были написаны Марксом в период с января 1862 по июль 1863 г. и которые составили IV-й том «Капитала». Показательно, что этот том, в отличие от первых трёх, так называемых *теоретических* томов, сам Маркс называл *историко-критической* частью своего большого труда о капитале.

Начнём с «Экономических рукописей 1857-1859 годов». Написанный Марксом ещё летом 1857 г. небольшой очерк о взглядах вульгарных экономистов Бастиа и Кэри свидетельствует о том, насколько далеко уже в тот период он продвинулся в своей критике буржуазной политической экономии. Если в предыдущих работах деление Марксом буржуазных экономистов на два основных направления только ещё намечалось, то здесь уже совершенно чётко дана характеристика этих двух течений и проведено их разграничение, а именно: *классической школы* и *вульгарного направления*, демонстрирующего деградацию и разложение буржуазной экономической мысли.

В частности, говоря в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» о вульгарных экономистах, вышедших на сцену после Рикардо и Сисмондй, Маркс характеризует их сочинения следующим образом: «Это всецело литература эпигонов: воспроизведение старого, <...> отсутствие ярких и решающих фаз анализа, инвентаризация старого, с одной стороны, и прирост отдельных частных, с другой» [1, с. 3]. При этом показательно, что Маркс из всей этой многочисленной экономической литературы всё же выделяет сочинения двух авторов, на которые он обращает особо пристальное внимание, а именно: работы американца Кэри и француза Бастиа, которые, согласно Марксу, составляют определённое исключение из этой плеяды эпигонов. В чём же Маркс усматривает это исключение, что именно привлекло его внимание к сочинениям этих экономистов?

«И тот и другой, - говорит Маркс, - понимают, что противники [буржуазной] политической экономии – социализм и коммунизм – находят свою теоретическую предпосылку в трудах самой классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как её наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому и тот и другой *считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность*» (курсив наш – Т. Р.) [1, с. 4].

Вот она, главная причина возникновения феномена вульгарной науки – взгляд на существо происходящих в экономической сфере процессов *через призму частного интереса буржуазии*, то есть – *классово обусловленный подход* указанных теоретиков буржуазной политэкономии к анализу экономических реалий; – подход, заставляющий обоих экономистов (и Кэри, и Бастиа) совершенно *осознанно* отказываться от верных научных положений (поскольку эти положения *неизбежно ве-*

дут к социализму и коммунизму) и переходить на позиции вульгарного доктринёрства и апологетики, *осознанно плодя иллюзии и заблуждения* относительно сущности капиталистических производственных отношений и буржуазных форм собственности.

Именно это обстоятельство – *мотивированная частным интересом класса буржуазии* точка зрения и Кэри, и Бастиа (а вовсе не одни только реальные трудности, могущие иметь место в процессе научного исследования в виде ограниченного уровня достигнутых на данный момент знаний и проч.) – суть главная причина, заставляющая обоих экономистов объявлять ошибочными именно те положения классиков буржуазной политической экономии, которые как раз наиболее достоверно и объективно выражают в составе теории действительное положение вещей и которые фиксируют всю антагонистичность существующих производственных отношений, тем самым непосредственно подводя к социалистическим выводам о необходимости коренного преобразования общественного строя посредством изменения его экономической основы, то есть – посредством упразднения существующих форм собственности на средства производства.

Тот факт, что *классическая школа* как одно из направлений буржуазной политической экономии является теоретической предпосылкой и прямой предтечей Марксова учения о прибавочной стоимости, а потому также и одним из источников марксистского учения о необходимости социалистической революции, – этот факт общепризнан и не требует доказательств. Кстати, он свидетельствует о наличии такой закономерности в развитии всякой науки, как *преemptивность объективно-истинных идей и положений*, входящих в состав сменяющих друг друга научных теорий. Вместе с тем, та же самая история науки на примере взаимоотношений классической школы буржуазной политэкономии и вульгарных экономистов демонстрирует нам также и другую закономерность, свойственную социальным наукам, а именно: *неизбежное возникновение вульгарных направлений внутри и наряду с собственно научно-теоретическим знанием*.

Так, анализируя сходство экономических условий, породивших взгляды экономистов Кэри и Бастиа, проживавших в разных странах и даже на разных континентах, Маркс не без иронии отмечает следующую закономерность: «Совершенно различная, даже противоположная национальная среда, в условиях которой пишут Кэри и Бастиа, вызывает у них тем не менее одинаковые устремления» [1, с. 4]. Какие одинаковые устремления имеет в виду Маркс? А вот какие: «...*доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность*» [1, с. 4]. И в самом деле, «...что может быть естественнее того, - восклицает Маркс, - что те производственные отношения, в которых этот огромный Новый свет развивался так быстро, так поразительно и так успешно, рассматриваются у Кэри как *вечные нормальные отношения общественного производства и общения ...?*» (курсив наш – Т. Р.) [1, с. 4]. Иными словами, что может быть естественнее точки зрения вульгарного экономиста, выражающего

в теории интересы класса буржуазии, чем неприкрытая апология капиталистических производственных отношений?

В прямой связи с этим вспоминается ещё один образчик тонкой политической иронии К. Маркса и Ф. Энгельса, к помощи которой они прибегли за 10 лет до «Рукописей 1857-1859 гг.», а именно – в 1847 г. в «Манифесте коммунистической партии». Говоря о пристрастном характере взглядов буржуазии о себе самой и о капиталистическом способе производства, заставляющем адептов буржуазного общества «...превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума» [2, с. 443], Маркс и Энгельс указывают на то, что такие «пристрастные представления» буржуазия разделяет со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. При этом удивления достойное следующее: «Когда заходит речь о буржуазной собственности, - констатируют Маркс и Энгельс, адресуя свой упрек буржуазии, - вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной» [2, с. 443]. Вряд ли можно оспорить актуальность подобной политической иронии применительно к нынешним представителям крупного капитала и их идеологам, воспевающим эпоху позднего капитализма и пытающимся любыми путями остановить ход всемирной истории, перехитрив её и навязав ей «вечность капиталистического миропорядка».

Итак, уже в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» Маркс фиксирует размежевание и прямую противоположность *классической* научной мысли и мысли *вульгарной*, для которой характерен совершенно антиисторический и откровенно апологетический взгляд на действительность капиталистического общества. Бьющая в глаза вульгарность подобной точки зрения, старающейся изобразить капиталистическое производство вечным естественным идеалом гармоничного развития общества, состояла также в том, что она пыталась антагонистические противоречия буржуазного общества либо затушевать полностью, либо объяснить их наличием в нём феодальных пережитков².

Меж тем, Маркс в «Главе о деньгах» беспристрастно показывает, что развитая форма товарного производства в условиях частной собственности на средства производства неизбежно предполагает свойственные *именно капитализму* (а не феодализму) такие антагонистические отношения, которые тождественны с «разрывом между трудом и собственностью, так что труд будет создавать чужую собственность, а собственность – распоряжаться чужим трудом» [1, с. 184].

² Прямо скажем: ни дать ни взять – наши российские горе-идеологи и пропагандисты, которые сегодня пытаются либо оправдать и всячески затушевать обострившиеся в начале XXI в. противоречия позднего капитализма, либо объяснить их как пережитки *социализма и советской власти*, объявив советскую власть (В. И. Ленина и большевиков) причиной нынешних кровопролитных межнациональных военных конфликтов на постсоветском пространстве.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами феномен вульгарной науки продолжал оставаться в центре внимания и научного интереса Маркса также и в «Теориях прибавочной стоимости», образующих IV-й том «Капитала». В частности, Маркс посвящает этой проблеме такой раздел, которому он даёт говорящее о многом название, а именно: «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия». Здесь он осуществляет детальный критический анализ вульгарных учений буржуазных экономистов о таких наличных формах буржуазной экономики, как *прибыль, рента и процент*.

Причём, особенностью этого периода в сравнении с «Экономическими рукописями 1857-1859 годов» является то, что здесь главным средством критического анализа Марксом учений буржуазных экономистов оказывается положительная разработка новой, самим Марксом созданной, *теории прибавочной стоимости*, с позиций которой он и осуществляет критику иллюзий и заблуждений всех представителей буржуазной экономической мысли. Здесь Маркс в первую очередь вскрывает типичные для всех прежних экономистов-классиков *чисто теоретические причины и трудности*, порождавшие их ошибки, заблуждения и противоречия, параллельно при этом прослеживая, как возникает и оформляется *спекулятивная реакция вульгарных экономистов* на указанные теоретические трудности и противоречия классической школы, – реакция, продиктованная уже *причинами чисто политического свойства*.

Какого же рода ошибки теоретического свойства были характерны для всей домарксовской *классической школы* буржуазной экономической мысли и «...какие теоретические заблуждения с необходимостью должны были отсюда возникнуть», – об этом Маркс сообщает в самом начале «Теорий прибавочной стоимости», предваряя детальное изложение вопроса: «Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» [3, с. 6]. (То же самое касается и *процента* – Т.Р.)

Показательно, что и Энгельс, работая уже после смерти Маркса над вторым томом «Капитала» и готовя его в 1885 г. к изданию, выделяет эту же причину как главную теоретическую ошибку прежних экономистов-классиков в своём знаменитом «*Предисловии*», которое, кстати говоря, помимо изложения взглядов Маркса имеет также и самостоятельное теоретическое значение. Воспроизводя ключевые моменты Марксовой критики взглядов классиков буржуазной политэкономии, Ф. Энгельс следующим образом описывает *внутритеоретические причины* кризисной ситуации, сложившейся в экономической науке: «Однако, ... прибавочную стоимость как таковую Смит не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него – а ещё больше у Рикардо – много ошибок и недостатков в исследовании» [8, с. 14].

Что же касается теоретической позиции Маркса, ознаменовавшей собой преодоление кризиса буржуазной экономической мысли и положившей начало каче-

ственно новому этапу в развитии политэкономической теории, то описать её лучше, чем это сделал Ф. Энгельс, невозможно. Просто, лаконично и точно говорит он об одном из великих научных открытий, сделанных Марксом, благодаря которым *прибавочная стоимость* получила своё теоретическое обоснование в качестве *всеобщего закона*, являющегося глубинной сущностью капиталистических производственных отношений; – закона, который на поверхности экономических явлений обнаруживает себя в функционировании таких наличных форм буржуазной экономики, как *прибыль, рента, процент*. Вот как разъясняет Энгельс феномен раздвоения единой исходной формы прибавочной стоимости на обособленно друг от друга существующие экономические формы, которые начинают жить по своим специфическим (особенным) законам: «Напротив, - констатирует суть Марксова открытия Ф. Энгельс, - у Маркса прибавочная стоимость есть *всеобщая форма* той суммы стоимости, которую без всякого эквивалента присваивают собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на *особые, превращённые формы*³ *прибыли и земельной ренты*» (курсив наш – Т.Р.) [8, с. 14-15].

Иначе говоря, классическая буржуазная политическая экономия, решая проблему анализа источников дохода (источников общественного богатства) и рассматривая такие частные и особенные экономические формы, как *прибыль, рента, процент*, так и не смогла понять эти формы в качестве *производных от общей для них всех формы – от прибавочной стоимости*, по отношению к которой они выступают как её собственные *формы превращённые* (в которые прибавочная стоимость превращается в ходе своего развития). Соответственно, все прежние экономисты в силу указанной причины не смогли понять и саму прибавочную стоимость как *всеобщий закон* существования, функционирования и развития всех без исключения частных и особенных форм капиталистической экономики. Именно поэтому, завершая свою оценку кризисной ситуации, сложившейся в экономической науке в первой трети XIX века, Ф. Энгельс выносит следующий вердикт: «...школа Рикардо около 1830 г. потерпела крах на прибавочной стоимости. То, что она не могла разрешить, оставалось тем более неразрешимым для её преемницы, вульгарной политической экономии» [8, с. 22].

В приведённой выше характеристике обращает на себя внимание данная Энгельсом расстановка акцентов, согласно которой теоретические трудности в решении проблемы прибавочной стоимости, вызвавшие крах классической экономической мысли, оказывались «тем более» неразрешимыми для вульгарной политиче-

³ Категория «*формы превращённой*» в теории Маркса является главным методологическим средством, с помощью которого ему удаётся преодолеть противоречие между *видимым на поверхности явлений* движением буржуазной экономической системы и её *действительным движением на уровне сущности*. Раскрытию понятийного содержания категории «*форма превращённая*» нами были посвящены следующие работы: 1) Рагозина, Т. Э. «К вопросу о становлении категории «форма превращённая»» [6]; 2) Рагозина, Т. Э. «О «философской родословной» категории форма превращённая» [7].

ской экономии. То, что такие акценты расставлены отнюдь не случайно, это не вызывает никаких сомнений. Ответ на вопрос «почему?» мы, вслед за Энгельсом, находим у Маркса всё в тех же «Теориях прибавочной стоимости», которые увидели свет благодаря подвижнической деятельности Энгельса⁴.

Искомый ответ напрямую связан с решением задачи выявления принципиальных различий между двумя направлениями экономической науки – классическим и вульгарным. Эту задачу Маркс даже специально формулирует в качестве заголовка одного из подразделов большого по своему объёму *Приложения*, целиком посвящённого вульгарной политэкономии, а именно: «Существенное различие между классической и вульгарной политической экономией» [4, с. 524]. Суть этих различий состоит в следующем.

Несмотря на то, что классическая буржуазная политическая экономия, рассматривая в качестве форм общественного богатства *прибыль, ренту, процент*, в итоге так и не смогла понять их как частные и особенные формы проявления общего закона, то есть, не смогла понять их в качестве *превращённых форм*, производных от одного-единственного, *общего для них всех источника – от прибавочной стоимости*, она по крайней мере всё же ставила перед собой такую задачу и стремилась её разрешить. Поэтому, несмотря на все ошибки и противоречия, свойственные классике, она обладает целым рядом несомненных достоинств и может служить образцом научной мысли, ибо «...классическая политическая экономия, - говорит Маркс, - старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с ними ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять *внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 525].

Оценивая на этом фоне взгляды вульгарных экономистов, Маркс констатирует нечто прямо противоположное: «Совершенно иначе обстоит дело с *вульгарной политической экономией*» [4, с. 526]. В прямой связи с этим он не в первый раз обращает внимание на такой характерный признак всякого вульгарного направления в науке, который состоит в том, что вульгарная точка зрения, как правило, занята только тем, что «...переводит обыденные представления на доктринёрский язык» [4, с. 529]. Обыденный характер представлений является следствием того, что вульгарные экономисты «застревают» на уровне *явлений*, не идя дальше и не пыта-

⁴ Благодаря осуществлённой Ф. Энгельсом сложнейшей теоретической реконструкции рукописи 1862-1863 гг. (известной под названием «Теории прибавочной стоимости» – 4-й том «Капитала»), которую не успел завершить в своё время сам Маркс, была сохранена суть Марксовой мысли и подлинная логика содержания этой важнейшей работы. Опираясь на содержание «Теорий прибавочной стоимости», Энгельс как раз и расставляет указанные теоретические акценты в *Предисловии ко 2-му тому «Капитала»*, обрисовывая будущим читателям общую панораму научной революции, совершённой Марксом в экономической науке.

ясь проникнуть в их сущность, на что вполне определённо указывает Маркс: «Только после того, как политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчивые формы, – т. е. после А. Смита, – от неё отделяется, как особый вид политической экономии, *тот элемент в ней*, который есть всего лишь *воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нём*, – отделяется её *вульгарный элемент*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 526].

Чем же так неприемлема для подлинно научно-теоретического исследования указанная вульгарная процедура «перевода обыденных представлений на доктринёрский язык»? В чём её принципиальная порочность? В том, что в результате происходит фактический отказ от собственно теоретического анализа действительности, благодаря чему оказывается расчищено место для апологии существующих производственных отношений и отношений собственности; в том, что вместо теоретического анализа, достоверно рисующего картину действительности, общественности преподносится не критическое принятие на веру наличной реальности «как она есть». В итоге такое не критическое воспроизведение в составе научной мысли наличных форм действительности неизбежно приводит к кризису и разложению теории. Кроме того, это оказывает апологетические услуги господствующему классу благодаря тиражированию от имени науки и закреплению в массовом сознании обывателя самых нелепых заблуждений, скрывающих антагонистическую природу существующих производственных отношений.

Наиболее полное своё выражение этот вульгарный элемент как раз и получает в представлениях экономистов о происхождении и сущности таких наличных форм буржуазной экономики, как *промышленная прибыль*, *банковский процент на капитал* и *земельная рента*, понимание которых не шло дальше «воспроизведения внешнего явления». Согласно таким представлениям вульгарных экономистов, *прибыль* трактовалась как «заработная плата капиталиста за его труд» (на манер заработной платы рабочего), *процент* – как «самовозрастающая стоимость», источником которой выступал капитал, никак не связанный с процессом производства и с образующейся в этом процессе производства прибавочной стоимостью, а *земельная рента* – как дар природы.

Меж тем, действительное происхождение и сущность указанных явлений капиталистической экономики – будь то *промышленная прибыль*, *банковский процент* или *земельная рента* – на деле состояли в том, что они все оказывались частными случаями, особенными формами существования *прибавочной стоимости*, то есть формами, *производными* от прибавочной стоимости, которая образуется за счёт неоплаченной части труда рабочего и присвоения этой части труда капиталистом.

Маркс не без сарказма указывает на *фетишизм* подобных представлений вульгарных экономистов и о *ренте*, и о *капитале*, *приносящем проценты*. Фетишизм такого рода взглядов заключается в том, что «*капитал ...* выступает здесь как самостоятельный источник стоимости, как творец стоимости, подобно тому как

земля выступает как источник ренты» [4, с. 524]. Поэтому Маркс совершенно справедливо квалифицирует указанные приёмы вульгарных экономистов как попытки «придать рациональную видимость иррациональным формам процента и ренты» [4, с. 524].

Иными словами, вульгарно-обывательский характер их представлений состоял в следующем: *во-1-х*, они не только не видели *действительного (единого) источника происхождения* указанных форм общественного богатства, но даже и не ставили перед собой такой задачи, оставляя без всякого внимания вопрос о природе и сущности лежащей в их основе *прибавочной стоимости*, которая образуется за счёт неоплаченной части труда рабочего, то есть – за счёт эксплуатации его труда и присвоения этой части труда капиталистом; *во-2-х*, в силу этого они рассматривали *прибыль, процент и ренту* как формы совершенно индифферентные друг другу, существующие самостоятельно и независимо друг от друга и – самое главное – как такие явления буржуазной экономики, которые *никак генетически не связаны с исходной для них всех формой – прибавочной стоимостью*. Благодаря этому оказывался полностью затушёван и окончательно стёрт с облика данных форм общественного богатства лежащий в их основе антагонизм между трудом и капиталом (когда «труд создаёт чужую собственность, а собственность – распоряжается чужим трудом»), ибо природа прибавочной стоимости в таких вульгарных доктринах оказывалась «...представлена как нечто совершенно потерявшее само себя». [4, с. 524].

Это принципиальное различие между классическим и вульгарным направлениями имеет для Маркса настолько важное теоретическое значение, что он периодически возвращается к нему, с каждым разом давая ему всё более развёрнутую характеристику и всё глубже вскрывая действительную причину, которая движет вульгарной наукой: «Понятно поэтому, почему вульгарная политическая экономия предпочитает формулу: «земля – рента, капитал – процент, труд – заработная плата» <...> В прибыли, - разъясняет Маркс, - ещё содержится стеснительная [для вульгарной политической экономии] связь с процессом [производства] и более или менее ещё распознаваема истинная природа прибавочной стоимости и капиталистического производства в отличие от их *внешнего проявления*. Это прекращается, когда процент изображается как в собственном смысле продукт капитала и тем самым другая часть прибавочной стоимости, промышленная прибыль, совершенно исчезает и попадает в категорию заработной платы» [4, с. 525].

Как видим, дело здесь заключается отнюдь не только в том, что вульгарной мысли куда проще скользить по поверхности экономических явлений, чем пытаться обнаружить всеобщий закон их возникновения и функционирования. Главная пикантная деталь всех вульгарных упрощений экономической действительности заключается в другом, а именно: «Кроме того, - констатирует Маркс, - *это оказывает очень большие услуги апологетике*. Ибо, например, в формуле «земля – рента, капитал – процент, труд – заработная плата» различные формы прибавочной стои-

мости и различные персонажи [Gestalten] капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденно, а как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, *без антагонизма*. Различные доходы проистекают из совершенно различных источников, один – из земли, другой – из капитала, третий – из труда. *Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 529].

Вот главный мотив и причина всех упрощений, иллюзий и заблуждений, *осознанно производимых* таким типичным для буржуазной науки персонажем, как *вульгарный экономист*, который, по словам Маркса, «сам ничего не производит», а только «препарирует на свой лад» материал, добытый и развитый классической экономической мыслью. Поэтому вполне понятна та научная безгливость, с которой Маркс характеризует Бастиа, говоря, что ему остаётся лишь заниматься плагиатом и «стараться устранить своими рассуждениями *неприятную* сторону классической политической экономии» [4, с. 527].

Вот он, неизбежно обнаруживающий себя всякий раз апологетический аспект вульгарной науки, её отнюдь не побочный, а вполне *закономерный результат* и продукт, призванный играть роль «научного прикрытия» для обоснования нужных господствующему классу политико-идеологических конструкций. Повторяем, феномен вульгарной науки – это *закономерный продукт* развития социально-философской, экономической и политической мысли в условиях капиталистической формации, который неизбежно возникает по мере вызревания системы антагонистических противоречий капитализма. Маркс на материале буржуазной политической экономии с точностью естествоиспытателя выявляет и фиксирует указанную закономерность развития всяких социальных наук: «По мере того, как политическая экономия идёт вглубь, она не только сама изображает противоречия и противоположности, но против неё выступает её собственная противоположность – одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная политическая экономия сознательно становится все более *апологетической* и всячески старается отделаться путём болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия» [4, с. 527].

Словом, как ни крути, а всегда получается одна и та же «триада»: вульгарная наука – *закономерный продукт капитализма*; апологетика – *закономерный продукт вульгарной науки*, а выработанный ею набор обыденных представлений – *суть осознанно используемое средство порождения иллюзий и заблуждений*, призванных затушевать и скрыть существующий антагонизм общественных отношений. Именно поэтому всякая вульгарная наука есть надёжный и эффективный инструмент в руках политики: тем более эффективный, чем «ближе она к стихии обыденных представлений», то есть – чем ближе и понятнее такая наука обывателю, к

очевидности обыденных представлений которого она всегда апеллирует⁵.

Спустя ровно четыре года, 25 июля 1867 г. в Лондоне Карл Маркс завершит написание *Предисловия* к первому изданию «Капитала», подведя итог своей многолетней работе. Тема вульгарной науки и её связи с апологетикой, выражающей классовые интересы буржуазии, прозвучит в нём вновь как одна из самых главных тем великого научного исследования: «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса» [5, с. 10]. Этот обвинительный приговор, беспристрастно вынесенный Марксом в адрес вульгарных направлений в науке, содержит ответы на все поставленные нами выше вопросы.

Анализ феномена вульгарной науки позволяет сделать ряд выводов.

1. Иллюзии и заблуждения, возникающие в области социальных наук и обретающие в массовом сознании прочность предрассудков, тем отличаются от обычных ошибочных представлений (могущих иметь место в том числе и в естествознании и прикладных технических науках), что имеют *двойственную природу*. Двойственность их природы заключается в том, что содержание заблуждений и теоретических противоречий, возникающих в рамках *классических направлений* научной мысли, как правило обусловлено достигнутым уровнем развития соответствующего вида социального знания, в то время как иллюзии и заблуждения, свойственные *вульгарным направлениям*, всегда обусловлены также ещё и *классово, идеологически*.

Иначе говоря, иллюзии и заблуждения, возникающие в составе социальных наук в рамках вульгарных направлений, выступают одновременно и как нечто *естественно возникшее* на почве ограниченности имеющегося на данный момент знания, и как нечто *искусственно сформированное*, то есть – как *идеологический продукт*, призванный затушевать и завуалировать действительную суть происходящих в обществе процессов. Поэтому апология существующего строя – одна из главных социальных функций вульгарной науки.

Поскольку все иллюзии и заблуждения вульгарной науки, все её представления о сущности происходящих в обществе процессов формируются и культивируются осознанно, отражая существующее положение вещей *через призму частного интереса* экономически господствующего класса, постольку вся эта совокупность заблуждений вульгарной науки с помощью искусно разработанных социально-политических механизмов выводятся из-под прицела научной критики, получая

⁵ Все политтехнологии современного капиталистического общества построены с учётом этого обстоятельства.

всестороннюю политическую, финансовую и организационную поддержку в виде грантов, международных и национальных премий и призов. Они не только тиражируются посредством широкой сети научных изданий, форумов, конференций, индексов научного цитирования, но и усиленно насаждаются широким слоям населения, навязываясь массовому сознанию обывателя с помощью самых различных медийных технологий.

2. Несмотря на то, что вульгарная наука (как и обыденное знание) есть *знание на уровне явлений, а не на уровне сущности* изучаемых процессов, между ней и обыденным знанием всё же нельзя ставить знак равенства. Более того, вульгарную науку вне всякого сомнения следует отличать от обыденного знания и не смешивать одно с другим хотя бы потому, что обыденное знание есть нечто такое, что возникает стихийно и естественно в ходе повседневной практической жизни людей, в то время как вульгарная наука – это искусственно формируемый продукт, *осознанно и преднамеренно* создаваемый «фуриями частного интереса» в целях сохранения таких общественных отношений, когда «труд создаёт чужую собственность, а собственность распоряжается чужим трудом».

3. Поскольку вульгарная наука выступает как такая социальная сила, которая движима «фуриями частного интереса» – этими самыми яростными, самыми низменными и самыми отвратительными страстями человеческой души – и которая преднамеренно деформирует научный разум посредством действий многочисленных «персонажей», выходящих на арену борьбы против свободного научного исследования, постольку *вульгарная наука абсолютно враждебна свободной научной мысли*.

Не допустить торжества объективно истинного научного взгляда на сущность происходящих социальных процессов; не допустить понимания широкой общественностью действительных причин социально-экономических кризисов; не допустить распространения в общественном сознании учений, сколько-нибудь достоверно отражающих подлинные законы общественного развития и указывающих путь к изменению существующего положения вещей – вот главная задача, негласно поставленная перед ней господствующими классами современного капиталистического общества. Поэтому вульгарная наука призвана не только выполнять функцию апологии существующего общественного строя, но и вести неустанную борьбу со свободной научной мыслью, вытесняя её на периферию общественного сознания и не давая ей овладеть сознанием широких масс людей. Это – её главная и основная социальная функция, осуществлению которой как раз и служит апологетика.

Библиографический список:

1. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46. Ч. I. – 559 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419-459
3. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
4. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26. Ч. III. – 674 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
6. Рагозина, Т. Э. К вопросу о становлении категории «форма превращённая» / Т. Э. Рагозина // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2018 года / Отв. редактор Рагозина Т. Э. – Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. – С. 45-57.
7. Рагозина, Т. Э. О «философской родословной» категории форма превращённая / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДОННТУ». – Донецк, 2018. – Выпуск № 1 (7). – С. 15-27.
8. Энгельс, Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24.

References:

1. Marks, K. Ekonomicheskie rukopisi 1857-1859 godov (Pervonachal'nyj variant «Kapi-tala») / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1968. – T. 46. CH. I. – 559 s.
2. Marks, K., Engel's, F. Manifest kommunisticheskoy partii / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 4. – S. 419-459
3. Marks, K. Teorii pribavochnoj stoimosti. V 3-h ch. / K. Marks, F. Engel's // Soch. – Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1962. – T. 26. CH. I. – 476 s.
4. Marks, K. Teorii pribavochnoj stoimosti. V 3-h ch. / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1964. – T. 26. CH. III. – 674 s.
5. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom pervyj / K. Marks, F. En-gel's // Soch. – Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1960. – T. 23. – 907 s.
6. Ragozina, T. E. K voprosu o stanovlenii kategorii «forma prevrashchyonnaya» / T. E. Ragozina // Marksizm i sovremennost': al'ternativy XXI veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 27 aprelya 2018 goda / Otv. redaktor Ragozina T. E. – Doneck: GOUVPO «DONNTU», 2018. – S. 45-57.
7. Ragozina, T. E. O «filosofskoj rodoslovnoj» kategorii forma prevrashchyonnaya / T. E. Ragozina // Kul'tura i civilizaciya (Doneck). Nauchnyj zhurnal. – GOU VPO «Don-NTU». – Doneck, 2018. – Vypusk № 1 (7). – S. 15-27.
8. Engel's, F. Predislovie ko II-mu tomu «Kapitala» / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1961. – T. 24. – S. 3-24.

УДК 325.1

Филипп Киссель

(докторант)

Университет им. Гёте

(Франкфурт-на-Майне, Федеративная Республика Германия)

МИГРАЦИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ИМПЕРИАЛИЗМ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена миграции, её причин и особенностей в условиях капиталистической империалистической экономики. Также автор вскрывает противоречия в государственной миграционной политике Германии, специфику подхода правозащитных и общественно-политических организаций к данной проблеме, а также позиции самого рабочего класса.

Ключевые слова: миграция, капитализм, империализм, рабочий класс, эксплуатация.

Philippe Kissel

(PhD student)

Goethe University Frankfurt

(Frankfurt am Main, Federal Republic of Germany)

MIGRATION, THE WORKING CLASS AND IMPERIALISM

Abstract. The article is devoted to understanding the phenomenon of migration, its causes and features in the conditions of a capitalist imperialist economy. The author also reveals contradictions in the German state migration policy, the specifics of the approach of human rights and socio-political organizations to this problem, as well as the position of the working class itself.

Key words: migration, capitalism, imperialism, working class, exploitation.

Миграция – одна из главных тем текущих политических дебатов. Большинство «аргументов» не новы, а скорее являются повторением кампании 1990-х годов под названием «Лодка переполнена». В левом движении существует, с одной стороны, либеральное течение, поддерживающее империалистическую стратегию миграции якобы правозащитными аргументами, и, с другой стороны, растущие настроения в пользу ограничения миграции и принятия многочисленных аргументов, которые выдвигает политический мейнстрим.

Здесь будут рассмотрены предпосылки миграции и дискурса об ее ограничении. Во-первых, мы проанализируем функцию миграции при капитализме и особенно при империализме. Во второй и третьей частях на этом фоне мы опишем меры и центральные моменты текущих дебатов. В четвертом разделе будет кратко обсуждаться позиция рабочего класса.

Допуск беженцев, миграции и одновременная травля мигрантов – это не противоречие, а выражение цели капитала: эксплуатация как можно большего числа шантажируемых и незащищенных дешевых рабочих. И притворная гуманность, и целенаправленные расистские кампании являются средствами достижения этих целей в обществе. Реакцией рабочего класса может быть только осознание себя как международного класса, отстаивание подлинной гуманности и классовой солидарности, совместная борьба за права и против империалистической политики войны и эксплуатации.

I. Причины миграции?

Причины бегства и миграции изначально очевидны: разрушение целых стран и экономик, продолжающееся угнетение значительных частей мира, навязанные им голод и отсталость. Однако миграция является не только следствием угнетательской политики империалистических стран, но и выполняет важную функцию для экономики этих стран. Приток дешевой и незащищенной рабочей силы элементарно необходим по разным причинам. Эту сторону миграции можно охарактеризовать как ограбление производственного потенциала слаборазвитых стран.

Резервная армия промышленности и паразитизм богатых стран

Возникновение капитализма связано с отделением труда от феодальных условий, снятием оков феодального правления и появлением множества «свободных» наемных рабочих, т.е. тех, кто был одновременно и свободен, и не владел средствами производства. Огромное количество работников либо насильно перевозили туда, где их должны были угнетать (работоторговля), либо вынуждали эмигрировать по необходимости (европейцы в Америку), либо нанимали с помощью регулируемого контрактом принуждения и использовали в качестве крайне низкооплачиваемых наемных рабочих в широких масштабах (китайцы, без которых, например, американская железнодорожная система никогда бы не появилась). Для XIX века были характерны более масштабные волны миграции, чем сегодня.

На империалистической стадии капитализма миграция имеет центральное значение для поддержания империалистической системы эксплуатации. Она является «(...) характерным элементом государственно-монополистического развития. В соответствии со своими эксплуататорскими потребностями капитал разрушает национальные границы; он преодолевает барьеры роста населения в своей стране и создает трудовой потенциал, необходимый для его экономической экспансии, посредством «регулирования свободы передвижения» в рамках капиталистической интеграции и контролируемого государством найма рабочей силы из других стран» [5].

Ленин так сформулировал эпохальный характер этого «переселения народов особого рода»: «Как раз для империализма такая эксплуатация труда хуже оплачиваемых рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан, в известной степени, паразитизм империалистских, богатых стран, подкупающих и

часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «Дешевых» иностранных рабочих» [1, с. 371].

Два фактора, связанные с растущим спросом на рабочую силу, имеют огромное значение для империалистических стран в их постоянном кризисе: стремление к количественному росту доступной массовой рабочей силы любой ценой и в той же степени желание повысить ее шантажируемость и незащищенность. Поэтому капиталу необходимо создать постоянное предложение дешевой рабочей силы, так называемую резервную армию промышленности. Она состоит из доступной рабочей силы, которая может быть, как быстро брошена в процесс, так и снова изгнана. Ее функция – поддерживать давление на заработную плату, поддерживая постоянный высокий уровень предложения труда [2]. Эта резервная армия – прямой результат циклического процесса расширения и сжатия капитала. В фазах процветания спрос на труд увеличивается, а вместе с ним растет заработная плата – прибыль падает. В эти фазы актуально добиваться «коррекции» за счет большого количества рабочих вне производственного процесса, которые готовы согласиться на любую работу из-за своего бедственного положения. Во время кризиса резервная армия сильно возрастает.

С точки зрения капитала, резервная армия должна быть как можно более диверсифицированной, т.е. состоять как из более квалифицированных, так и из неквалифицированных работников. К мигрантам, составляющим резервную армию, различные законы и статусы пребывания относятся по-разному. В то время как иммиграция квалифицированной рабочей силы должна быть облегчена, иммиграция неквалифицированной рабочей силы должна быть усложнена. Однако квалифицированные работники не так охотно едут в Германию, поскольку заработная плата сравнительно низка (например, в области ухода за больными).

В большинстве случаев именно неквалифицированные работники обречены бежать из своих стран, и на них следует оказывать давление. В резервную армию также входят немцы, которые (временно или надолго) остались без работы. Самые большие части резервной армии должны функционировать как буфер: В пиковые моменты они втягиваются в производственный процесс, а во время кризиса их снова вытесняют. Они должны быть всегда готовы, мобильны и доступны для шантажа. Тот факт, что они не в равной степени подвержены шантажу – немцы в меньшей степени, чем беженцы – с точки зрения капитала раздражает, но в этом есть и свои преимущества, поскольку их можно разыгрывать друг против друга, и немцам всегда можно сказать, что есть ведь те, кому еще хуже. Однако ухудшение условий труда мигрантов всегда направлено и против немецких рабочих, хотя и не всегда сразу и напрямую. Например, введение «общественных работ», мягкой версии принудительных работ, сначала было реализовано для беженцев, а затем распространилось на всех безработных с так называемыми «работами за 1 евро».

В связи с усилением эксплуатации труда следует упомянуть общий фон экономического кризиса. Он состоит не только из циклических кризисов, но и из по-

стоянной тенденции падения нормы прибыли. В этом контексте снижение заработной платы имеет огромное значение, поскольку это один из способов противодействия тенденции к падению нормы прибыли. Снижение заработной платы при одновременном повышении производительности труда - постоянная задача капитала и государства. Поэтому инфляция, увеличение резервной армии и ухудшение существования всего рабочего класса не случайны, даже если их часто представляют как естественные явления.

Положение капитала нестабильно, поскольку проблема нормы прибыли уже приобрела такие масштабы, что становится ясно: правящий класс больше не в состоянии обеспечить существование угнетенного класса. Капитал уже давно не может сделать это «своими силами», а только за счет дополнительных выплат заработной платы со стороны государства (детские пособия, социальные выплаты различных видов) и, таким образом, из фонда воспроизводства самих рабочих. Это означает, что нормы прибыли больше не хватает для покрытия расходов на воспроизводство рабочей силы из-за перепроизводства и перенакопления. Одним из примеров является пособие на ребенка, де-факто дополнение к зарплате, выплачиваемое государством, поскольку затраты на воспроизводство рабочей силы должны включать уход за детьми. Без государственных детских пособий заработная плата должна была бы резко возрасти, что еще больше снизило бы норму прибыли.

Поэтому ухудшение условий труда иностранных работников имеет особое значение, и поэтому существует прямая связь между миграционной политикой и внешней политикой империалистов. С точки зрения империалистов, необходимо не допустить развития производительных сил в угнетенных странах. Ведь такое развитие ведет к увеличению стоимости рабочей силы, а также спроса на саму рабочую силу, которая в результате перестает эмигрировать. Военная политика – это, помимо прочего, политика закупки рабочей силы, и, наоборот, завоз рабочей силы является необходимым условием для активного развития оружейной промышленности.

Обречь многие страны на несчастье и регресс важно с точки зрения империалистических стран для того, чтобы иметь возможность эксплуатировать появившуюся дешевую рабочую силу и таким образом получать сверхприбыли. Это может быть достигнуто за счет эксплуатации в империалистических центрах, но также и в самих угнетенных странах.

Иностранные рабочие, подневольные работники, гастарбайтеры

Приток рабочей силы всегда был важным вопросом для немецкого капитала, чтобы расширить и поддерживать экспортную промышленность. При фашизме миллионы подневольных рабочих были депортированы и подвергались эксплуатации. После 1945 года стали привлекать «гастарбайтеров», а после 1990 года наблюдалось огромное привлечение и эксплуатация рабочей силы. Страны Восточной Европы, которые были деиндустриализованы контрреволюцией и имели хорошо подготовленную рабочую силу, которая теперь была полностью в их вла-

сти, стали жертвами немецких компаний, в дополнение к рабочим из аннексированной ГДР.

Ханнес Хофбауэр объясняет в своей в целом информативной, хотя и отчасти спорной книге «Критика миграции»: «Уровень заработной платы играет роль, которая неоднократно преуменьшается в западных СМИ, но на самом деле является решающей. Если в середине 1990-х годов средняя почасовая брутто-зарплата в западных землях Германии составляла 44 DM, а в восточной Германии – 26,50 DM, то в Польше, Венгрии, Словакии и Чехии она составляла от 3 до 4 DM, а в Румынии – 1,40 DM» [3]. В то же время сотни тысяч восточноевропейцев (и восточных немцев), выброшенных из производственного процесса, хлынули на немецкий рынок труда. Многие из них были нелегалами, поскольку страны их происхождения еще не входили в ЕС. Компании были рады смириться с этим, поскольку это позволяло им экономить на социальных расходах и платить чрезвычайно низкую заработную плату. Западногерманская строительная индустрия, бурно развивавшаяся после аннексии ГДР, никогда бы не смогла так сильно расшириться без этих нелегальных восточноевропейских рабочих.

В то время как право на убежище было де-факто отменено в 1993 году, чему предшествовала кампания «Лодка переполнена», корпорации с радостью принимали сотни тысяч нелегалов и других восточноевропейцев с неустойчивым статусом. Позже реформы Харц сыграли центральную роль в значительном ухудшении условий жизни резервной армии и низших слоев рабочего класса. Кроме того, центральную роль сыграло сокращение прав беженцев и одновременно увеличение трудовой мобильности внутри ЕС. Наплыв беженцев в 2015-2016 гг. был полезен как для немецких монопольных корпораций в плане приобретения дешевой рабочей силы, так и для оказания дальнейшего давления на внешние государства ЕС с целью заставить их принять беженцев.

Возникает вопрос, следует ли, с точки зрения капитала, сокращать миграционную квоту, т.е. удерживать резервную армию в определенных рамках. Расширение капитала является барьером для размера резервной армии. Если наступит кризис и многие работники в любом случае будут сокращены, а часть резервной армии в обозримом будущем уже не сможет быть включена в производственный процесс, существует риск, что расходы на обеспечение средств к существованию этой части станут слишком высокими, поэтому уровень прожиточного минимума придется снизить и/или сократить количество получателей.

Большинство иностранных работников в Германии – выходцы из стран ЕС (4,9 млн. человек на конец 2019 года). Из них 863 000 приезжают из Польши, 748 000 – из Румынии, 415 000 – из Хорватии, 360 000 – из Болгарии и 212 000 – из Венгрии [4]. Это очень высокие цифры для этих стран, часть из которых невелика. Чистая иммиграция (иммиграция минус эмиграция) составила 662 964 человека в 2023 году. Это меньше, чем в 2022 году, когда было принято более миллиона украинцев. Но даже в 2022 году большинство иммигрантов (после Украины) приехали

из Румынии и Польши, за которыми следовали Сирия и Болгария, еще одна страна ЕС. Наибольшая доля мигрантов, проживающих в Германии, имеет семейные связи с Турцией, за которой следуют Польша и Румыния [6]. В 2022 году 92 291 человек иммигрировали из Сирии и чуть более 68 000 – из Афганистана.

Наиболее важным источником рабочей силы для немецкого капитала является Восточная Европа, Юго-Восточная Европа и Турция. Рабочая сила из Африки и других стран, не входящих в ЕС, играет подчиненную, но немаловажную роль, в частности, потому, что они находятся в худшем правовом положении.

В общем и целом, это тот контекст, в который следует поместить текущие дебаты и ужесточение мер против миграции.

II. Ограничение и поощрение одновременно

Дискуссия, разжигаемая СМИ и правительством, кажется противоречивой: с одной стороны, разворачивается кампания в пользу «ограничения» и вводятся соответствующие меры, а с другой стороны, миграция поощряется и стимулируется. Но здесь нет никакого противоречия, поскольку цель состоит в том, чтобы обеспечить предложение рабочей силы, из которой можно выжимать как можно больше. Необходимо принять меры, которые ухудшат условия жизни иммигрантов, и в то же время донести до других слоев рабочего класса, что это делается в их пользу, хотя и ухудшает их условия жизни. Для этого необходимо разделить, правильно сориентировать и провести пропагандистскую кампанию.

Расизм исходит от верхов общества. Это одна из самых важных, хотя и банальных истин, которую необходимо осознать. Особенно когда расистские взгляды широко распространены и среди рабочего класса, это необходимо подчеркнуть и выделить: расизм подпитывается правящим классом, его правительствами и средствами массовой информации и используется очень целенаправленно.

В то же время часть правящего класса выставляет себя космополитами и антирасистами. Бизнес стремится к «разнообразию», а крупные демонстрации («против расизма») проходят под знаменами партий, которые значительно ухудшили условия жизни мигрантов. Это методическое лицемерие. Потому что с одной стороны, нужно принудительное разделение и ухудшение условий, и в то же время приток дешевой рабочей силы должен сохраняться.

Кампания по легитимизации и требованию ужесточенных мер со стороны СМИ и общественности, особенно осенью прошлого года, была срежиссированной и спланированной – не АдГ (правая партия Альтернатива для Германии – прим. пер.), а правительством и СМИ. В течение нескольких недель только и разговоров было, что о перегруженных расходами муниципалитетах, мэриях, районных советах и неправительственных организациях. Они высказывали свои мнения во всех подробностях. Это напоминало кампанию «Лодка переполнена». Волна «Мы больше не можем» прокатилась по всей стране, и любого, кто ставил это под сомнение, изображали далеким от реальности или просто идиотом. При этом совер-

шенно упускалось из виду, что это ложь: такая богатая страна, как Германия якобы страшно перегружена сравнительно небольшим количеством беженцев.

Жилья не хватает, бассейнов нет, школы старые и обветшалые – но это происходит без всяких беженцев. Однако если правительство заявляет, что эти проблемы не решаются из-за наплыва беженцев, оно может продолжать вливать деньги в военную промышленность и содержание чиновников. Простой Ганс должен верить душераздирающим историям о беженцах, которым якобы дают все – и в то же время этих самых беженцев лишают последней рубашки и ставят в безвыходные ситуации. Любой, кто серьезно изучит цифры нехватки жилья, поймет, что сотен тысяч домов не хватало еще до начала периода большой иммиграции (2015 г.), и что причина этого кроется в простой нерентабельности жилищного строительства.

Кампания была сосредоточена на одной цели – на кажущемся теперь неизбежным ужесточении: проверках документов на границах ЕС, ускорении депортации, усложнении воссоединения семей и использования платежных карт.

Требование ограничения миграции

Все партии призывают ограничить иммиграцию. Это лицемерно в двух отношениях: во-первых, потому что иммиграция уже и так ограничена и невозможна для сотен тысяч людей. Во-вторых, потому что это требование предполагает некое решение проблем.

Многие избиратели находят эту идею привлекательной: границы должны быть закрыты, тогда наша ситуация улучшится. Иллюзия на радость тем, кто ответственен за царящий здесь хаос. За все эти проблемы ответственны не беженцы или неконтролируемая миграция, а правительство, компании и их интересы.

Для капитала важен не только приток большого количества рабочих, но и тот факт, что они оказываются в беспомощности и в нестабильной ситуации. Главная цель мер по «сдерживанию» – создать такую ситуацию. Люди будут продолжать бежать от войны и разрушений или будут вынуждены покинуть свои страны, потому что там у них больше нет перспектив на будущее. Поэтому вряд ли удастся выполнить «обещание» по ограничению. На это можно возразить, что для достижения этой цели необходимо принять правильные меры, т.е. последовательно закрыть границы. В контексте империалистической агрессии, исходящей от Германии (как в политическом, так и в экономическом плане), это требование может означать только сохранение этих условий эксплуатации и, очевидно, является бесчеловечным.

С другой стороны, идеология «открытых границ» также служит интересам капитала. Это касается границ угнетенных стран, которые империалистические страны, естественно, хотят разрушить, чтобы они могли наводнить рынки, определять политику и захватывать землю и сырье. Вся концепция «открытого общества» – это империалистическая идеология. Но, правда, то же самое можно сказать и о концепции «ограниченной и регулируемой миграции».

Таким образом, дебаты об ограничениях являются частью ухудшения положения рабочей силы, поскольку каждое препятствие для въезда и проживания увеличивает давление на этих и без того угнетенных людей. Отправившись в путешествие, они знают, что такое тяготы и муки. Они не будут делать ничего, что может поставить под угрозу их пребывание в новой стране, и они уже привыкли к тому, что им приходится терпеть суровые обстоятельства. Те, у кого нестабильное положение, согласятся на любую работу. Тот, кто получил эту работу, не сделает ничего, что могло бы поставить ее под угрозу. Они согласятся на любое ухудшение, потому что в противном случае семья в их родной стране будет страдать, так как сможет получать меньше доходов. Наверное, нет необходимости описывать ситуацию с беженцами дальше, чтобы понять, почему каждое усиление увеличивает давление и как это давление выгодно только капиталистам.

Рабочие из Восточной Европы находятся в несколько лучшем положении, но их уязвимость перед шантажом также высока, поскольку в их странах нет никаких перспектив на улучшение ситуации. В рамках ЕС также существует множество возможностей ущемления прав и давления на этих работников. Они часто находятся за пределами правовых норм защиты и профсоюзных организаций. Забастовка восточноевропейских водителей грузовиков в Графенхаузене, Гессен, была впечатляющим примером этого. Хотя большинство из них приехали из стран, не входящих в ЕС, многие польские или румынские рабочие страдают от аналогичных ужасных условий.

На темной стороне

Здесь следует кратко остановиться на аргументации ССВ (Союз Сары Вагенкнехт – прим. пер), поскольку, будучи социал-демократической партией, она имеет отдельную аргументацию по миграции. Ее основная программа гласит: «Однако это (увеличение иммиграции – прим. Ф.К.) справедливо лишь до тех пор, пока приток остается ограниченным до уровня, не перегружающего нашу страну и ее инфраструктуру, и пока интеграция активно поощряется и успешно осуществляется. Мы знаем следующее: за усиление конкуренции за доступное жилье, за рабочие места с низкой зарплатой и за неудачную интеграцию платят, прежде всего, те, кто не находится на солнечной стороне жизни. Каждый, кто подвергается политическим преследованиям в своей стране, имеет право на убежище. Но миграция не является решением проблемы бедности в нашем мире. Вместо этого нам нужны справедливые глобальные экономические отношения и политика, которая стремится создать больше перспектив в родных странах».

Это правда, что цену за усиление конкуренции платят те, кто не находится на «солнечной стороне жизни». Если не задаваться вопросом, почему это не касается беженцев, то в этой логике ответом на усиление конкуренции является депортация и более строгие требования к проживанию. Таким образом, конкуренция должна быть ослаблена не путем общей борьбы за равные права всех тех, кто не находится на «солнечной стороне», а путем давления на некоторых из тех, кто находится на

изнанке, на темной стороне жизни. А это, соответственно, усиливает конкуренцию. На самом деле это простой трюк, который можно признать глубоко нелогичным. Упоминание о «справедливых» глобальных экономических отношениях – пустая фраза, которая не имеет шансов воплотиться в жизнь. Напротив, ведь, согласно программе ССВ, Германия должна сохраняться и развиваться как центральный экономический субъект. Ухудшение положения значительной части рабочей силы оправдывается пустыми обещаниями.

Преднамеренный произвол

В дебатах доминирует идея о том, что существует «нелегальная» и «легальная» миграция и что с первой необходимо бороться. Это означает, что политически преследуемым людям предоставляется убежище, в то время как «экономические мигранты» не имеют права оставаться, разве что они остро востребованы на нашем рынке труда – тогда им разрешается иммигрировать в качестве «квалифицированных работников». Это тот же аргумент, что и в начале 1990-х годов. Лишь очень небольшое число людей может претендовать на политическое убежище. Несколько большее число – это признанные военные беженцы, включая украинцев, до недавнего времени сирийцев и югославов в 1990-х годах. Афганцы, с другой стороны, таковыми не являются. Это произвольное решение Министерства внутренних дел, и оно больше связано с политическими соображениями. Если ФРГ хочет добиться влияния в стране, вынашивает планы по свержению правительства или создает и поддерживает политические силы, то правила въезда значительно смягчаются.

Когда люди бегут в Германию, просят убежища, их прошение отклоняется, и они получают вид на жительство после многих лет изнурительных процедур, это называется «нелегальной» миграцией. Это просто означает, что такие причины бегства, как голод, страдания и отсутствие перспектив, не учитываются. Эта система – часть плохих условий и шантажа.

Право на убежище не для жителей колоний

Включение права на убежище в Основной закон Германии стало результатом урока фашизма и преследования политических оппонентов и евреев. В то время очень немногие страны принимали еврейских беженцев из Германии, фактически обрекая их на попадание в лагеря смерти. Таким образом, европейская система предоставления убежища стала следствием уроков Второй мировой войны и, следовательно, достижением. Но она также была договором между колониальными державами и другими империалистическими государствами Западной Европы и Северной Америки, и поэтому никогда не предназначалась для колонизированных народов Африки, Азии и Латинской Америки. Тем не менее, прежде всего, именно миллионы людей из стран Триконтинентала, были вынуждены отстаивать право на убежище и право на пребывание за последние 75 лет или около того – и боролись за это право против воли властей. Сотни тысяч людей заплатили за это своими жизнями [7].

Деление на «правильных» и «неправильных» беженцев служит для разжигания ненависти и не имеет ничего общего с «законностью». С точки зрения прав человека и международного рабочего движения, голод, безработица и несчастья – очевидные причины покинуть страну. Столь же очевидно бесчеловечной является политика пограничных заборов, оттеснений и лагерей, которая также является выражением той же власти, которая разрушает и угнетает страны и экономики. С точки зрения власти имущих, такая категоризация вполне целесообразна: «нелегалы» должны приезжать и оставаться «нелегалами», чтобы можно было оказывать еще большее давление на всех.

III. Чьи социальные системы?

Сверхэксплуатация рабочей силы угнетенных стран имеет другую сторону медали – подкуп части рабочего класса в империалистических центрах. Это обеспечивает политическое господство капитала и раскалывает рабочий класс в национальном и международном масштабе. Именно в связи с ростом сверхэксплуатации, а также борьбы против нее, подобный подкуп очень важен. И одновременно модель этого подкупа, похоже, оказалась в политическом и экономическом кризисе. Но хотя экономические возможности подкупа постепенно снижаются, он все же еще действует. Расизм, как и либеральные идеологии не только не исключают друг друга, но могут становиться частью социал-демократической интеграции определенных слоев рабочего класса.

Именно для коммунистов центральным является вопрос, каким должно быть отношение рабочего класса империалистических центров к международному рабочему классу.

Несправедливость, выданная за справедливость.

Рассмотрим отношение более внимательно на примере: как ХСС (Христианско-социальный союз, правоцентристская партия, часть ХДС-ХСС – прим. пер), так и ССВ заявляют о своем стремлении «ограничить въезд мигрантов в наши социальные системы». Но что это, собственно говоря, значит? Значит ли это, что въезжать имеют право только полностью здоровые и хорошо функционирующие рабочие, которые не могут ни заболеть, ни состариться, ни потерять работу? Или только такие, которые платят больше налогов, чем получают социальных отчислений? Это очевидная чепуха, и ясно, что речь не об этом. Речь идет о том, чтобы сократить социальные выплаты мигрантам, а может быть, и вовсе их отменить.

С мигрантами из стран ЕС так дело и обстоит, им довольно сложно получить при необходимости пособие по длительной безработице. Предлагают «ограничения», чтобы набрать очки в предвыборной гонке, эта идея – обычный лозунг, и кажется, что она апеллирует к чувству справедливости. Но если мы посмотрим более внимательно, она как раз чудовищно несправедлива: люди, которые бегут от войны и нищеты, довольно часто не сразу в состоянии бодро трудиться и нуждаются в определенных социальных вложениях. Конечно, с точки зрения капитала это довольно серьезный недостаток: как мы показали выше, количественная доля рабочей

силы, необходимой для маневров при колебаниях рынка, не должна быть слишком велика. Поэтому ограничение социальных выплат должно, во-первых, поддерживать прожиточный минимум и, следовательно, нижнюю границу расходов на воспроизводство на низком уровне, а во-вторых, экономить расходы.

Но есть и еще один аспект: трудящиеся, которые приезжают из угнетенных стран, уже оплатили «наши социальные системы», то есть богатство нашей страны, которая разграбила их собственные государства. Поэтому у них есть полное право на получение части этого богатства. Международный рабочий класс заинтересован в улучшении условий жизни и труда, то есть также увеличении социальных выплат для всех рабочих одинаково, за счет капитала. Наши братья и сестры по классу должны получать те же права, завоеванные здесь, и то же богатство, которое было выкачано из их народов. Ведь речь идет о правах, которые рабочий класс завоевал на международном уровне – вместе, солидарно, при участии рабочего движения империалистических центров, антиколониальных освободительных движений и социалистических стран. Эти виды борьбы тесно связаны друг с другом и вместе способны усилить натиск на империалистов. Взаимодействие и взаимное усиление этих движений в 1970-е годы для многих было очевидным. Но сегодня эта связь разорвана из-за идеологической лжи.

Бесплатное воспроизводство рабочей силы

Когда мы рассматриваем иностранные части резервной армии труда, нужно упомянуть еще один аспект: обучение и воспитание, то есть воспроизводство рабочей силы при этом происходит, как правило, в другой стране, империалистический центр не несет при этом никаких расходов. Это позволяет еще более снизить зарплаты в империалистических центрах, поскольку оплачивать здесь на месте воспроизводство и обучение рабочей силы обходится дороже.

Когда одна из депутатов парламента Тюрингии с гордостью заявляет, что «цифровая платежная карточка» должна предотвратить переводы денег беженцев своим родственникам на родину, это простая подлость, ведь легко представить, что это такое, когда семья живет далеко и в тяжелых условиях. Но это также выражает расчет капиталистов, которые не желают платить за воспроизводство этой угнетенной рабочей силы. Они желают, чтобы другие страны и семьи как-нибудь вырастили детей, обучили чему-то, а потом этих детей можно будет эксплуатировать здесь.

IV. Империализм и правозащитная деятельность.

В этой последней части мы коснемся ситуации в левом движении и сделаем необходимые выводы. В течение многих лет существует активное антирасистское движение, которое боролось против высылки мигрантов из страны, расизма и ухудшения законов об убежище. Это движение обладало определенными достоинствами, но у него было и множество недостатков.

Караван за права беженцев и мигрантов – организация политических беженцев – подчеркивала роль империализма и выступала активно с позицией: мы здесь, потому что вы разрушаете наши страны! Караван протестовал против империали-

стической агрессии и эксплуатации, и это очень не нравилось и вызывало протесты многих либеральных антирасистов. Последние в начале 2000-х объявляли миграцию отчасти позитивным явлением, считали, что ее нужно поддерживать – в то время, как самостоятельно организованные беженцы и мигранты прямо обозначали бесчеловечную систему, стоящую за миграцией (при этом не имеются в виду подпольные «проводники», но правительства и предприятия, которые разрушают страны). Либеральная идеология и НКО во многом разрушили антиимпериалистические позиции, хотя в последние годы они снова переживают подъем, пусть и противоречивый.

Борьба правозащитников была направлена как раз на то, чтобы исключить антиимпериалистический аспект и принимала логику империалистической миграции как должное. Угнетатели, эксплуататоры и система эксплуатации практически не упоминались, оставался лишь эмоциональный лозунг «человеческого достоинства», который власть имущие могли использовать даже для того, чтобы придать своим махинациям более привлекательный вид. Это видно по таким карьерным подъемам, как, например, у Каролы Ракете, которая поддерживала империалистическую военную политику, и при этом бороздила Средиземное море, прославившись как спасительница беженцев. В конце концов, поверхностная правозащитная риторика может оправдать даже создание лагерей беженцев на внешних границах ЕС, ведь это более гуманная мера, чем те, что предлагают правые. Это лживое и авторитаристское движение в итоге дискредитирует саму человечность и гуманизм.

К либеральной идеологии относится и легенда лживого мультикультурализма. За фасадом мульти-культы скрывается то, что мигранты нанимаются на тяжелые и низкооплачиваемые работы, что в школах их детей сознательно удерживают на низком уровне, чтобы они получили квалификацию, достаточную лишь для таких работ. Точно так же это относится и к немецким ученикам «гауптшULE» (низшей из возможных ступеней школьного образования – прим. пер) – их немецкая школьная система и общество так же «интегрирует», но мигрантов это касается особенно часто.

Средства массовой информации эксплуатируют человеческие катастрофы в своих политических целях. Кто-то реагирует, полностью отвергая любую человечность и солидарность. Это способствовало развитию определенного экономизма, который рассматривал в первую очередь экономические аспекты миграции и фокусировался на экономических недостатках для угнетенных стран. Некоторые противопоставляли политическому поощрению миграции и «открытых границ» понимание ограничений, утверждая, что это также лучше для людей в их родных странах.

Позиция, которая в результате представляет собой элегантный переход к правому дискурсу. Гуманность и отказ от невежества были высмеяны и заклеены как лицемерная «зеленая» политика. Закрытие границ, капсулирование здешнего уровня благосостояния, и таким образом полное завершение разделения международного рабочего класса теперь пропагандируется как «разумная политика». Но,

однако мировоззрение и позиция международного рабочего класса, разумеется, включает в себя гуманизм и солидарность, это сущностно важные составные части классовой борьбы.

Разжигание ненависти и раса господ

Есть и еще один аспект дебатов о миграции, в особенности поддерживаемый АдГ, и классически также ХДС или либеральными партиями, как СвДП, хотя их риторика направлена к различным целевым группам. Для либеральных господ как раз вполне желателен приток закаленной испытаниями рабочей силы беженцев, которые будут трудиться на них, и притом совершенно безропотно. Социалдарвинизм присущ и типичен для либерализма.

Разжигание ненависти у местных жителей с помощью открытого обесценивания жизни рабочих и оправдания смертей на границах – это просто более открытый вариант той же идеологии расы господ. У населения вырабатываются установки в диапазоне от невежества до ненависти. Банды нацистов, созданные и финансируемые спецслужбами (например, Комитетом Защиты Конституции), создают нужную властям атмосферу страха. В контексте подготовки войны с Россией эту идеологическую накачку нельзя недооценивать. Если мы собираемся снова напасть на чужую страну, необходимо воссоздать самоощущение расы господ, при этом совершенно неважно, носят ли эти господа радужную униформу, зеленую или классически коричневую.

Международный рабочий класс

Рабочий класс носит международный характер, пусть условия борьбы и определяются национальными особенностями. Это значит, что у рабочего класса есть единый противник – капиталистический класс, в особенности, это класс империалистических центров – и стратегия борьбы рабочего класса должна быть единой. Это также означает, что они находятся в общих отношениях экономической эксплуатации со стороны империалистов. Деградация одной части рабочего класса призвана служить подкупу другой части и в то же время усилению их общей эксплуатации.

Мы вместе боремся против «брейн дрейн» (утечки умов), переманиванию или изгнанию рабочей силы из зависимых стран, и жестокой эксплуатации беженцев империалистами. Мы прекрасно понимаем, что эта миграция наносит вред зависимым странам. Но это не означает, что мы хотя бы на йоту верим демагогии «ограничения миграции». Наши братья и сестры по классу из угнетенных стран должны пользоваться упрощенными и хорошими условиями, а не жить в условиях незащищенности и беззастенчивого вымогательства. Вот почему мы выступаем против ужесточения, ограничения и лишения прав мигрантов, которые явно бесчеловечны и жестоки.

Наша задача – вести совместную борьбу против угнетения и вымогательства и добиться общей организации беженцев, мигрантов и немцев. При этом необходимо преодолеть множество трудностей. Нам нужно политически понять и осознать эту

борьбу и, соответственно, вести её против господства и войн империалистических государств – США, ЕС и их союзников. Таким всегда был ответ революционного рабочего движения, которое уже очень давно выработало правильную позицию по вопросу закрытия границ и ограничений миграции.

Библиографический список:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1969. – Т.34. Июль-октябрь 1917. – 584 с.
2. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
3. Hannes Hofbauer: Kritik der Migration, Wien : Promedia Verlag, 2018, 113.
4. Jochen Oltmer. Osteuropäische Arbeitskräfte in Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalprofile/deutschland/328520/osteuropaeische-arbeitskraefte-in-deutschland-vom-spaeten-19-jahrhundert-bis-in-die-gegenwart/#node-content-title-3>
5. Rüdiger Bech, Renate Faust, Die sogenannten Gastarbeiter, 1981, Verlag Marxistische Blätter, S. 12.
6. <https://mediendienst-integration.de/migration/wer-kommt-wer-geht.html>
7. <https://kommunistische-organisation.de/stellungnahme/solidaritaet-mit-zaid-heisst-kampf-dem-imperialismus-und-dem-kolonialen-asyllregime/>

References:

1. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – 5-e izd. / V.I. Lenin. – М.: Politizdat, 1969. – Т.34. Ijul'-oktyabr' 1917. – 584 s.
2. Marks K. Kapital / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – М.: Politizdat, 1960. – Т. 23. – 907 s.
3. Hannes Hofbauer: Kritik der Migration, Wien : Promedia Verlag, 2018, 113.
4. Jochen Oltmer. Osteuropäische Arbeitskräfte in Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalprofile/deutschland/328520/osteuropaeische-arbeitskraefte-in-deutschland-vom-spaeten-19-jahrhundert-bis-in-die-gegenwart/#node-content-title-3>
5. Rüdiger Bech, Renate Faust, Die sogenannten Gastarbeiter, 1981, Verlag Marxistische Blätter, S. 12.
6. <https://mediendienst-integration.de/migration/wer-kommt-wer-geht.html>
7. <https://kommunistische-organisation.de/stellungnahme/solidaritaet-mit-zaid-heisst-kampf-dem-imperialismus-und-dem-kolonialen-asyllregime/>

УДК 325.1

Von Philipp Kissel

(doctorand)

Goethe-Universität Frankfurt am Main

(Frankfurt am Main, Bundesrepublik Deutschland)

MIGRATION, DIE ARBEITERKLASSE UND DER IMPERIALISMUS

Abstract. Der Artikel befasst sich mit dem Verständnis des Phänomens der Migration, ihrer Ursachen und Merkmale unter den Bedingungen einer kapitalistischen imperialistischen Wirtschaft. Der Autor offenbart auch Widersprüche in der staatlichen Migrationspolitik Deutschlands, die Besonderheiten des Ansatzes von Menschenrechtsorganisationen und gesellschaftspolitischen Organisationen zu diesem Problem sowie die Position der Arbeiterklasse selbst.

Schlüsselwörter: migration, kapitalismus, imperialismus, arbeitervklasse, ausbeutung.

Philippe Kissel

(PhD student)

Goethe-University Frankfurt am Main

(Frankfurt am Main, Federal Republic of Germany)

MIGRATION, THE WORKING CLASS AND IMPERIALISM

Abstract. The article is devoted to understanding the phenomenon of migration, its causes and features in the conditions of a capitalist imperialist economy. The author also reveals contradictions in the German state migration policy, the specifics of the approach of human rights and socio-political organizations to this problem, as well as the position of the working class itself.

Keywords: migration, capitalism, imperialism, working class, exploitation.

Migration ist eines der Hauptthemen in der aktuellen politischen Debatte. Die meisten «Argumente» sind nicht neu, sondern eine Wiederauflage der «Das Boot ist voll» - Kampagne der 1990er Jahre. In der linken Bewegung gibt es auf der einen Seite eine liberale Strömung, die mit vermeintlich menschenrechtlicher Argumentation die imperialistische Strategie der Migration unterstützt und auf der anderen Seite eine zunehmende Stimmung, die für Begrenzung eintritt und zahlreiche Argumentationen der herrschenden Politik übernimmt.

Hier soll dargelegt werden, was die Hintergründe der Migration und des Diskurses über Begrenzung sind. Zunächst wird herausgearbeitet, welche Funktion Migration im Kapitalismus und insbesondere im Imperialismus hat. Im zweiten und dritten Teil sollen vor diesem Hintergrund Maßnahmen und zentrale Punkte der aktuellen Debatte einge-

ordnet werden. Im vierten Teil soll kurz auf den Standpunkt der Arbeiterklasse eingegangen werden.

Das Antreiben von Flucht und Migration und das gleichzeitige Unterdrucksetzen der Geflohenen ist kein Widerspruch, sondern Ausdruck des Ziels des Kapitals: die Ausbeutung von möglichst vielen erpressbaren und in Unsicherheit lebenden, billigen Arbeitskräften. Geheuchelte Humanität und gezielte rassistische Kampagnen sind jeweils Mittel, um diese Ziele in der Gesellschaft durchzusetzen. Die Antwort der Arbeiterklasse kann nur sein, sich als internationale Klasse zu verstehen, für wirkliche Humanität und Klassensolidarität einzustehen und gemeinsam für mehr Rechte und gegen die imperialistische Kriegs- und Ausbeutungspolitik zu kämpfen.

I. Warum Migration?

Warum es Flucht und Migration gibt, ist zunächst offensichtlich: die Zerstörung ganzer Länder und Ökonomien, die anhaltende Unterdrückung großer Teile der Welt, ihre Fesselung an Hunger und Unterentwicklung. Migration ist aber nicht nur Folge der Unterdrückungspolitik der imperialistischen Länder, sondern hat auch eine wichtige Funktion für die Ökonomien dieser Länder. Der Zufluss von billigen und erpressbaren Arbeitskräften ist aus verschiedenen Gründen elementar. Diese Seite der Migration kann man als Raub an den Produktionspotentialen der unterentwickelten Ländern bezeichnen.

Industrielle Reservearmee und Parasitismus der reichen Länder

Mit der Entstehung des Kapitalismus ist die Lostrennung der Arbeitskraft von den feudalen Verhältnissen, den Fesseln der Feudalherrschaft und die Schaffung vieler «freier», also sowohl frei verfügbarer und als auch frei von Produktionsmitteln existierender Lohnarbeiter, verbunden. Eine riesige Anzahl an Arbeitskräften wurde entweder durch rohe Gewalt dorthin transportiert, wo man sie auspressen wollte (Sklavenhandel), war durch Not gezwungen auszuwandern (Europäer nach Amerika) oder durch vertraglich geregelten Zwang angeworben und als extrem niedrig bezahlte Lohnarbeiter in großen Massen eingesetzt (Chinesen, ohne die beispielsweise das amerikanische Eisenbahnsystem niemals entstanden wäre). Das 19. Jahrhundert war von größeren Wanderungswellen geprägt als dies heute der Fall ist.

Im imperialistischen Stadium des Kapitalismus hat die Migration eine zentrale Bedeutung für die Aufrechterhaltung des imperialistischen Ausbeutungssystems. Es handelt sich dabei um «... ein charakteristisches Element der staatsmonopolistischen Entwicklung. Seinen Verwertungsbedürfnissen entsprechend sprengt das Kapital die nationalen Grenzen; es durchbricht die Schranken der Bevölkerungszunahme im eigenen Land und schafft sich durch, Freizügigkeitsregelungen‘ im Rahmen der kapitalistischen Integration sowie durch staatlich gelenkte Anwerbung von Arbeitskräften aus anderen Ländern das für seine ökonomische Expansion notwendige Arbeitskräftepotenzial» [5].

Den Epochencharakter dieser «Völkerwanderung der besonderen Art» hat Lenin so formuliert: «Gerade für den Imperialismus ist eine solche Ausbeutung der Arbeit schlecht bezahlter Arbeiter aus rückständigen Ländern besonders charakteristisch. Gerade darauf basiert in einem gewissen Grade der Parasitismus der reichen imperialistischen Länder,

die auch einen Teil ihrer eigenen Arbeiter durch eine höhere Bezahlung bestechen, während sie gleichzeitig die Arbeit der billigen‘ ausländischen Arbeiter maßlos und schamlos ausbeuten» [1, с. 371].

Zwei Faktoren haben eine große Bedeutung für die imperialistischen Länder in ihrer andauernden Krise: Die Zahl der verfügbaren Masse Arbeitskraft muss unbedingt erhöht werden und in gleichem Maße auch ihre Erpressbarkeit und Unsicherheit, was mit der gesteigerten Nachfrage nach Arbeitskraft zusammenhängt. So muss ein permanenter Nachschub von billigen Arbeitskräften stattfinden, der sogenannten industriellen Reservearmee. Diese setzt sich aus verfügbaren Arbeitskräften zusammen, die sowohl schnell in den Prozess geworfen als auch wieder ausgestoßen werden können. Sie hat die Funktion, den Druck auf die Löhne aufrechtzuerhalten, indem das Angebot an Arbeitskräften stets hoch gehalten wird [2]. Diese Reservearmee ist direktes Resultat der Expansion und Schrumpfung des Kapitals. In den Boomphasen steigt die Nachfrage nach Arbeitskräften und mit ihr die Löhne - die Profite gehen zurück. In diesen Phasen ist es relevant, eine «Korrektur» durch eine große Anzahl außerhalb des Produktionsprozesses stehender Arbeiter zu erreichen, die aufgrund ihrer elenden Lage bereit sind, jede Arbeit anzunehmen. In Zeiten der Krise wächst die Reservearmee stark an.

Die Reservearmee sollte aus Sicht des Kapitals möglichst diversifiziert sein, also sowohl aus besser qualifizierten als auch aus ungelerten Arbeitern bestehen. Der migrantische Teil der Reservearmee wird durch verschiedene Gesetze und Aufenthaltsstatistiken unterschiedlich behandelt. Während die Zuwanderung von Fachkräften erleichtert werden soll, soll die von Ungelernten erschwert werden. Fachkräfte kommen jedoch nicht so gerne nach Deutschland, weil die Löhne beispielsweise im Pflegesektor vergleichsweise niedrig sind. Meistens sind es die Ungelernten, die dazu verdammt sind, zu fliehen und unter Druck gesetzt werden sollen. Zur Reservearmee zählen auch Deutsche, die (vorübergehend oder längerfristig) arbeitslos sind. Die größten Teile der Reservearmee sollen wie ein Puffer funktionieren: In Hochzeiten werden sie in den Produktionsprozess eingesogen, in Krisenzeiten wieder ausgestoßen. Sie sollten jederzeit bereit, beweglich und erpressbar sein. Dass sie nicht gleichermaßen erpressbar sind – Deutsche weniger als Flüchtlinge – ist aus Sicht des Kapitals teilweise ärgerlich, hat aber auch Vorteile, weil man sie gegeneinander ausspielen und den Deutschen stets vorhalten kann, dass es noch schlechtere Bedingungen gibt. Allerdings richtet sich eine Verschlechterung der Bedingungen der Migranten immer auch gegen deutsche Arbeiter, wenn auch nicht immer sofort und unmittelbar. So wurde die Einführung von «gemeinnütziger» Arbeit, eine sanfte Variante des Arbeitsdienstes, beispielsweise zunächst bei Flüchtlingen durchgeführt und später bei allen Arbeitslosen mit den sogenannten «Ein-Euro-Jobs» angewandt.

In Zusammenhang mit der gesteigerten Ausbeutung der Arbeitskraft muss der allgemeine Hintergrund der ökonomischen Krise erwähnt werden. Diese besteht aus zyklischen Krisen, aber auch aus einer anhaltenden Tendenz der sinkenden Profitrate. In diesem Zusammenhang ist die Herabsenkung der Löhne von großer Bedeutung, da diese eine Möglichkeiten darstellt, der sinkenden Tendenz entgegen zu wirken. Die Senkung

der Löhne bei Erhöhung der Produktivität ist dauerhafte Aufgabe für Kapital und Staat. Inflation, Aufstockung der Reservearmee sowie Verschlechterung der Existenz der gesamten Arbeiterklasse sind daher nicht zufällig, auch wenn sie gerne als Naturereignis dargestellt werden.

Die Lage des Kapitals ist prekär, da die Profitraten-Problematik bereits Dimensionen angenommen hat, die verdeutlichen, dass die herrschende Klasse nicht mehr in der Lage ist, die Existenz der unterdrückten Klasse abzusichern. Das Kapital schafft das schon lange nicht mehr «allein», sondern nur durch Zusatzlohnleistungen durch den Staat (Kindergeld, Kombilöhne verschiedenster Art) und damit aus dem Reproduktionsfonds der Arbeiter selbst. Das bedeutet, dass die Profitraten aufgrund von Überproduktion und Überakkumulation nicht mehr dazu ausreichen, die Reproduktionskosten der Arbeitskraft zu decken. Ein Beispiel ist das Kindergeld, eine de facto Lohnzusatzleistung des Staates, denn zu den Reproduktionskosten der Arbeitskraft gehört die Versorgung der Kinder dazu. Ohne staatliches Kindergeld müssten die Löhne stark ansteigen und damit die Profitrate weiter schmälern.

Das Herabdrücken der Bedingungen der internationalen Reservearmee kommt daher eine besondere Bedeutung zu und so ergibt sich ein direkter Zusammenhang zwischen der Migrationspolitik und der imperialistischen Außenpolitik. Aus Sicht der Imperialisten muss verhindert werden, dass sich die Produktivkräfte in den unterdrückten Ländern entwickeln. Darunter fällt die Steigerung im Wert der Arbeitskraft sowie die eigene Nachfrage nach Arbeitskraft, die in der Folge nicht mehr abwandert. Kriegspolitik ist u.a. Arbeitskräftebeschaffungspolitik und umgekehrt ist die Zufuhr von Arbeitskraft eine Voraussetzung für die starke Expansion der Rüstungsindustrie.

Die Fesselung vieler Länder an Elend und Rückschritt ist aus Sicht der imperialistischen Länder wichtig, um die dadurch billig gehaltene Arbeitskraft ausbeuten zu können und so Extraprofite erzielen zu können. Das kann durch die Ausbeutung in den imperialistischen Zentren, aber auch in den unterdrückten Ländern selbst erzielt werden.

Fremdarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter

Für das deutsche Kapital war die Zufuhr von Arbeitskraft stets eine wichtige Frage, um die Exportindustrie expandieren und aufrechterhalten zu können. Im Faschismus wurden Millionen Zwangsarbeiter verschleppt und ausgebeutet. Nach 1945 wurden «Gastarbeiter» angeworben und nach 1990 setzte eine enorme Anziehung und Auspressung von Arbeitskraft ein. Die osteuropäischen Länder, die durch die Konterrevolution deindustrialisiert wurden und über gut ausgebildete und nun völlig ausgelieferte Arbeitskräfte verfügten, fielen den deutschen Unternehmen zum Opfer, zusätzlich zu den Arbeitern aus der annektierten DDR.

Hannes Hofbauer führt in seinem insgesamt informativen, wenn auch zum Teil kritikwürdigen Buch «Kritik der Migration» aus: «Die Lohnhöhe spielt dabei eine in westlichen Medien immer wieder kleingeschriebene, in Wahrheit jedoch entscheidende Rolle. Während Mitte der 1990er-Jahre der durchschnittliche Bruttostundenlohn in den westlichen deutschen Bundesländern bei 44 DM und in Ostdeutschland bei 26,50 DM lag,

betrug er in Polen, Ungarn, der Slowakei und Tschechien zwischen 3 und 4 DM, in Rumänien 1,40 DM» [3]. Zugleich strömten hunderttausende aus dem Produktionsprozess geworfene Osteuropäer (und Ostdeutsche) auf den deutschen Arbeitsmarkt. Darunter waren viele Illegalisierte, da die Herkunftsländer noch nicht in der EU waren. Dies wurde von den Unternehmen gerne hingenommen, da man sich so Sozialausgaben sparte und extrem niedrige Löhne zahlen konnte. Die nach der Annexion der DDR boomende westdeutsche Bauindustrie hätte ohne diese illegalisierte osteuropäische Arbeitskräfte niemals so stark expandieren können.

Während 1993 das Asylrecht de facto abgeschafft wurde und dem eine «Das Boot ist voll»-Kampagne vorausging, freuten sich die Konzerne über hunderttausende illegalisierte und weitere Osteuropäer mit prekärem Status. Im weiteren Verlauf waren sowohl die Hartz-Reformen zentral, um die Bedingungen der Reservearmee und unterer Teile der Beschäftigten massiv zu verschlechtern. Daneben war auch der Abbau der Rechte der Geflüchteten und zugleich die Erhöhung der Mobilität der Arbeitskraft innerhalb der EU zentral. Die Fluchtbewegungen von 2015/ 16 waren sowohl nützlich für die deutschen Monopolkonzerne zur Beschaffung billiger Arbeitskraft als auch zur weiteren Unterdrückung der EU-Außenstaaten zur Flüchtlingsaufnahme.

Es stellt sich die Frage, ob auch aus Sicht des Kapitals die Migrationsquote tatsächlich reduziert werden müsste, also die Reservearmee in einem bestimmten Rahmen gehalten werden soll. Die Expansion des Kapitals ist eine Schranke für die Größe der Reservearmee. Wenn es zur Krise kommt und damit ohnehin viele Arbeitskräfte freigesetzt werden sowie Teile der Reservearmee auf absehbare Zeit gar nicht mehr in den Produktionsprozess genommen werden können, besteht die Gefahr, dass die Kosten für die Existenzsicherung dieser Teile zu hoch werden und die Höhe des Existenzminimums deshalb abgesenkt und/ oder die Zahl der Empfänger reduziert werden muss.

Die meisten ausländischen Arbeiter in Deutschland stammen mit Ende 2019 4,9 Millionen aus EU-Ländern. Davon kommen 863.000 Personen aus Polen, 748.000 aus Rumänien, 415.000 aus Kroatien, 360.000 aus Bulgarien und 212.000 aus Ungarn [4]. Das sind für die teils kleinen Länder sehr hohe Zahlen. Die Nettozuwanderung (Zuzüge abzüglich Wegzüge) betrug 2023 662.964 Personen. Sie lag damit niedriger als 2022, als mehr als eine Million Ukrainer aufgenommen wurden. Aber auch 2022 stammten (nach der Ukraine) die meisten Zuwanderer aus Rumänien und Polen, darauf folgte Syrien und mit Bulgarien wiederum ein EU-Land. Der größte Anteil von in Deutschland lebenden Migrantinnen hat Familienbezüge in die Türkei, gefolgt von Polen und Rumänien [6]. Aus Syrien waren 2022 92.291 Personen eingewandert, aus Afghanistan knapp über 68.000.

Das wichtigste Arbeitskräftereservoir für das deutsche Kapital ist Osteuropa, Südosteuropa und die Türkei. Arbeitskräfte aus afrikanischen oder anderen Nicht-EU-Ländern spielen eine zwar untergeordnete, aber ebenfalls nicht unwichtige Rolle, insbesondere weil sie rechtlich schlechter gestellt sind.

Das ist – grob skizziert – der allgemeine Kontext, in den man die laufende Debatte und die verschärften Maßnahmen einordnen muss.

II. Begrenzen und anfeuern zugleich

Die von Medien und Regierung angefeuerte Diskussion ist scheinbar widersprüchlich: Auf der einen Seite wird eine Kampagne für die «Begrenzung» gestartet und entsprechende Maßnahmen eingeleitet, auf der anderen Seite wird Migration befördert und angetrieben. Doch darin besteht kein Widerspruch, da es darum geht, die Zufuhr möglichst erpressbarer Arbeitskräfte sicherzustellen. Es müssen Maßnahmen getroffen werden, die die Bedingungen der Einwanderer verschlechtern und zugleich den anderen Teilen der Arbeiterklasse vermitteln, dies geschehe zu ihren Gunsten, obwohl es ihre Lebensbedingungen ebenfalls verschlechtert. Dafür braucht es Spaltung, Irreführung und Kampagnen.

Rassismus kommt von oben. Das ist eine der wichtigsten, wenn auch banalen Feststellungen, die man treffen muss. Gerade dann, wenn rassistische Einstellungen auch in der Arbeiterklasse verbreitet sind, muss man betonen und herausarbeiten: Rassismus wird von der herrschenden Klasse, ihren Regierungen und Medien geschürt und sehr zielgerichtet eingesetzt.

Gleichzeitig geben sich Teile der herrschenden Klasse weltoffen und antirassistisch. Unternehmervverbände wollen «Vielfalt» und große Demos laufen unter den Fahnen der Parteien, die gerade die Bedingungen für Migranten massiv verschlechtert haben. Es ist Heuchelei mit Methode. Denn die Spaltung und Verschlechterung soll durchgesetzt werden, während gleichzeitig der Zustrom an billiger Arbeitskraft aufrechterhalten werden soll.

Die Kampagne, die v. a. im Herbst letzten Jahres zur Legitimation und Durchsetzung der verschärfenden Maßnahmen durch Medien und Öffentlichkeit lief, war eine orchestrierte und geplante Kampagne – und zwar nicht von der AfD, sondern von Regierung und Medien. Wochenlang war nur noch von völlig überforderten Kommunen, Bürgermeistern, Landräten und NGOs die Rede. Sie kamen ausführlich zu Wort. Das erinnerte an die «Das Boot ist voll» - Kampagne. Die «Wir können nicht mehr» – Welle ging durchs Land und wer das in Frage stellte, wurde als realitätsfremd oder abgehoben dargestellt. Völlig aus dem Blick geriet, dass es eine Lüge ist, dass ein reiches Land wie Deutschland mit der vergleichsweise geringen Zahl von Flüchtlingen überfordert sei.

Wohnungen fehlen, Schwimmbäder fehlen, Schulen sind alt und marode – und das ganz ohne Flüchtlinge. Wenn die Regierung allerdings behaupten kann, das alles sei wegen der Flüchtlinge nicht stemmbar, kann sie das Geld weiter ins Militär und in die Unternehmenskassen stecken. Der deutsche Michel soll die Schauermärchen der Flüchtlinge, denen alles geschenkt werde, glauben – während gleichzeitig genau diesen das letzte Hemd abgenommen wird und sie in verzweifelte Situationen gebracht werden. Wer die Zahlen der fehlenden Wohnungen ernsthaft untersucht, wird feststellen, dass bereits vor den Jahren mit hoher Einwanderungsquote (2015) hunderttausende Wohnungen gefehlt haben und der Grund dafür ganz einfach die mangelnde Rentabilität des Wohnungsbaus ist.

Die Kampagne lief auf ein Ziel, die nun unvermeidlich erscheinenden Verschärfungen, hinaus: Asylprüfungen vor den EU-Grenzen, schnellere Abschiebung, erschwerter Familiennachzug und Bezahlkarte.

Die Forderung der Begrenzung

Alle Parteien fordern eine Begrenzung der Zuwanderung. Das ist in doppelter Hinsicht heuchlerisch: Zum einen weil die Zuwanderung bereits jetzt begrenzt ist und für hunderttausende Menschen nicht möglich ist. Zum anderen weil diese Forderung suggeriert, sie würde das Problem lösen.

Viele Wähler finden das Bild attraktiv: Die Grenzen müssen geschlossen werden, dann verbessert sich unsere Situation. Eine Illusion zur Freude der Verantwortlichen für das hiesige Chaos. Für Verunsicherung der Lebensverhältnisse, Verarmung, Vernachlässigung der öffentlichen Infrastruktur, Kriegspolitik, Verrohung der öffentlichen Diskussion, der Medien und die anhaltende Entvölkerung in manchen Landesteilen, insbesondere im Osten – für all diese Missstände sind nicht Flüchtlinge oder eine außer Kontrolle geratene Migration verantwortlich, sondern Regierung, Unternehmen und deren Interessen.

Für das Kapital ist nicht nur der Zustrom vieler Arbeitskräfte wichtig, sondern auch, dass diese sich in einer prekären und erpressbaren Lebenslage befinden. Der Hauptzweck der Maßnahmen der «Begrenzung» ist, diesen Zustand herzustellen. Denn Menschen werden weiterhin vor Krieg und Zerstörung fliehen oder ihre Länder verlassen müssen, weil sie dort keine Zukunftsperspektive mehr haben. Das «Versprechen» der Begrenzung wird daher kaum erfüllt werden können. Nun könnte man entgegnen, dass dafür eben die richtigen Maßnahmen getroffen werden müssten, also konsequentes Schließen der Grenze. Im Kontext der imperialistischen Aggression, die von Deutschland ausgeht (sowohl politisch als auch ökonomisch) kann diese Forderung nur eine Absicherung dieser Ausbeutungsverhältnisse bedeuten und ist offensichtlich unmenschlich.

Die Ideologie der «offenen Grenzen» auf der anderen Seite dient ebenfalls der Kapitalseite. Das gilt für die Grenzen der unterdrückten Länder, die die imperialistischen Länder natürlich einreißen wollen, damit sie Märkte fluten, Politik bestimmen und sich Land und Rohstoffe unter den Nagel reißen können. Das ganze Konzept von «offener Gesellschaft» ist eine imperialistische Ideologie. Das Konzept der «begrenzten und geregelten Migration» allerdings auch.

Die Begrenzungsdebatte ist also Teil der Verschlechterung der Situation der Arbeitskräfte, denn jede Erschwernis bei Einreise und Aufenthalt erhöht den Druck auf diese bereits Bedrückten. Wer einmal den Weg geschafft hat, kennt Härten und Qualen. Er wird nichts tun, was den Aufenthalt gefährden könnte und er ist bereits daran gewöhnt, harte Umstände ertragen zu müssen. Wer einen prekären Aufenthalt hat, der nimmt jede Arbeit an. Wer diese Arbeit bekommen hat, wird nichts unternehmen, was sie gefährden könnte. Er wird jede Verschlechterung hinnehmen, denn sonst wird die Familie im Heimatland leiden, weil weniger Einkommen geschickt werden kann. Man muss wohl nicht weiter die Situation von Geflüchteten beschreiben, um zu verstehen, warum

jede Verschärfung den Druck erhöht und wie dieser Druck einzig und allein den Kapitalisten nutzt. Arbeitskräfte aus Osteuropa sind zwar etwas besser gestellt, aber ihre Erpressbarkeit ist ebenfalls hoch, da keine Aussicht auf Besserung in ihren Ländern existiert. Innerhalb des EU-Rahmens gibt es zudem zahlreiche Angriffspunkte, die diese Arbeitskräfte stärker unter Druck setzen. Sie sind oftmals außerhalb der rechtlichen Schutzregelungen und gewerkschaftlichen Organisationen. Die Streiks der osteuropäischen LKW-Fahrer im hessischen Gräfenhausen war ein eindrückliches Beispiel dafür. Die meisten von ihnen kamen zwar aus Nicht-EU-Ländern, viele polnische oder rumänische Arbeiter leiden allerdings unter kaum weniger kriminellen Verhältnissen.

Auf der Schattenseite

Hier soll kurz auf die die Argumentation von BSW eingegangen werden, da sie als sozialdemokratische Partei eine gesonderte Argumentation zur Migration vertritt. Im Grundsatzprogramm heißt es: «Das (der Zugewinn von Zuwanderung, Anmerkung PK) gilt aber nur, solange der Zuzug auf eine Größenordnung begrenzt bleibt, die unser Land und seine Infrastruktur nicht überfordert, und sofern Integration aktiv gefördert wird und gelingt. Wir wissen: Den Preis für verschärfte Konkurrenz um bezahlbaren Wohnraum, um Jobs mit niedrigen Löhnen und für eine misslungene Integration zahlen in erster Linie diejenigen, die nicht auf der Sonnenseite des Lebens stehen. Wer in seiner Heimat politisch verfolgt wird, hat Anspruch auf Asyl. Aber Migration ist nicht die Lösung für das Problem der Armut auf unserer Welt. Stattdessen brauchen wir faire Weltwirtschaftsbeziehungen und eine Politik, die sich um mehr Perspektiven in den Heimatländern bemüht».

Richtig ist, dass der Preis für die verschärfte Konkurrenz von denen bezahlt wird, die nicht auf der «Sonnenseite des Lebens» stehen. Abgesehen davon, warum dazu nicht auch die Geflüchteten zählen, ist in dieser Logik die Antwort auf die verschärfte Konkurrenz die Ausweisung und Verschärfung des Aufenthalts. Die Konkurrenz soll also nicht durch gemeinsamen Kampf aller nicht auf der Sonnenseite Stehenden für gemeinsame gleiche Rechte abgeschwächt werden, sondern durch die Unterdrucksetzung eines Teils der im Schatten stehenden und damit – durch die Verschärfung der Konkurrenz. Das ist eigentlich ein einfacher als zutiefst unlogisch erkennbarer Trick. Der Verweis auf «faire» Weltwirtschaftsbeziehungen ist eine hohle Phrase, die nicht Gefahr läuft, einzutreten. Im Gegenteil, denn der Standort Deutschland soll laut Programm erhalten und gefördert werden. Die Verschlechterung der Lage großer Teile der Arbeitskraft wird mit einem leeren Versprechen begründet.

Mit Absicht willkürlich

Die Debatte ist davon bestimmt, dass es „irreguläre“ und „reguläre“ Migration gebe und die erstere bekämpft werden müsse. Damit ist gemeint: Asyl bekommen politisch Verfolgte, «Wirtschaftsflüchtlinge» haben dagegen kein Anspruch auf Aufenthalt, außer sie entsprechen unseren Vorgaben des Arbeitsmarkts und dürfen dann als «Fachkräfte» zuwandern. Das ist die identische Argumentation wie zu Beginn der 1990er Jahre. Politisches Asyl kann nur eine verschwindend kleine Zahl beanspruchen. Eine etwas größere

Zahl sind anerkannte Kriegsflüchtlinge, dazu zählen Ukrainer, bis vor kurzem Syrer, in den 1990er Jahren Jugoslawen. Afghanen dagegen nicht. Es handelt sich dabei um eine willkürliche Entscheidung des Innenministeriums und hängt eher mit politischen Erwägungen zusammen. Wenn man in einem Land Einfluss gewinnen will, Umsturzpläne verfolgt oder politische Kräfte aufbauen und unterstützen will, dann werden die Einreisebestimmungen massiv erleichtert.

Wenn Menschen nach Deutschland fliehen, Asyl beantragen, ihr Antrag abgelehnt wird und sie über langjährige zermürbende Verfahren zu einem Aufenthalt kommen, wird das «irreguläre» Migration genannt. Damit wird nur zum Ausdruck gebracht, dass Fluchtgründe wie Hunger, Elend und Perspektivlosigkeit nicht zählen. Dieses System ist Teil der schlechten Bedingungen und Erpressbarkeit.

Asylrecht nicht für Kolonisierte

Die Aufnahme des Asylrechts in das Grundgesetz resultiert aus der Erfahrung des Faschismus und der Verfolgung von politisch Oppositionellen und der Juden. Diese wurden damals von den wenigsten Ländern aufgenommen und waren damit den Todeslagern ausgeliefert. Das europäische Asylsystem war also eine Konsequenz aus dem Zweiten Weltkrieg und somit eine Errungenschaft. Aber es war auch ein Vertrag zwischen den Kolonialmächten und den anderen imperialistischen Staaten Westeuropas und Nordamerikas, und daher nie im Sinne der kolonisierten Völker Afrikas, Asiens und Lateinamerikas gedacht. Trotzdem sind es vor allem Millionen Menschen aus den Ländern des Trikonts, die das Recht auf Asyl und Bleiberecht in den letzten rund 75 Jahren in Anspruch nehmen mussten – und die es sich auch gegen den Willen der Herrschenden erkämpft haben. Dafür haben Hunderttausende mit ihrem Leben bezahlt [7].

Die Einteilung in «echte» und «falsche» Flüchtlinge dient der Aufhetzung und hat nichts mit «Rechtmäßigkeit» zu tun. Aus Menschenrechtsperspektive und der Perspektive der internationalen Arbeiterbewegung sind Hunger, Arbeitslosigkeit und Elend offensichtlich Gründe, das Land zu verlassen. Ebenso offensichtlich unmenschlich ist die Politik von Grenzzäunen, Pushbacks und Lagern, die dabei auch Ausdruck der selben Macht ist, die Länder und Ökonomien zerstört und unterdrückt. Aus Sicht der Herrschenden dient diese Einteilung einem Zweck: Die «Irregulären» sollen kommen und «irregulär» bleiben, damit so umso mehr Druck auf alle ausgeübt wird.

III. Wessen Sozialsysteme?

Auf der anderen Seite der Ausplünderung der Arbeitskraft der unterdrückten Länder steht die Bestechung von Teilen der Arbeiterklasse in den imperialistischen Zentren. Diese soll die politische Herrschaft des Kapitals absichern sowie die nationale und internationale Arbeiterklasse spalten. Gerade angesichts der gesteigerten Ausplünderung und der zunehmenden Widerstände dagegen spielt diese Bestechung eine wichtige Rolle. Zugleich scheint dieses Modell der Bestechung in einer politischen und ökonomischen Krise zu stecken. Doch auch wenn das ökonomische Potential zur Bestechung langsam nachlässt, wirkt es noch. Der Rassismus ebenso wie liberale Ideologien schließen sich

nicht nur nicht aus, sondern können Teil der sozialdemokratische Integration bestimmter Schichten der Arbeiterklasse sein.

Gerade für Kommunisten ist die Frage zentral, in welches Verhältnis sich die Arbeiterklasse in den imperialistischen Zentren zur internationalen Arbeiterklasse stellen sollte.

Ungerechtigkeit als Gerechtigkeit

An einem Beispiel soll dieses Verhältnis kurz genauer betrachtet werden: CSU wie BSW wollen die «Einwanderung in die Sozialsysteme» verhindern. Was soll das eigentlich heißen? Sollen nur voll funktionstüchtige Arbeiter, die nie krank, arbeitslos oder alt werden, einwandern dürfen? Oder nur solche, die mehr einzahlen als sie selbst brauchen? Das ist offensichtlich Unsinn und daher kann es darum nicht gehen. Es geht allerdings darum, die Leistungen für die Eingewanderten zu kürzen oder teilweise ganz zu streichen. Das gilt bereits bei Einwanderern aus EU-Ländern, für die der Bezug von Arbeitslosengeld II erschwert ist. Die Losung der Begrenzung hat wahltaktische Gründe, sie ist plakativ und scheint dem Gerechtigkeitsinn zu entsprechen. Dabei ist sie bei genauerer Betrachtung klar ungerecht: Menschen, die vor Krieg und Elend fliehen sind oftmals nicht sofort arbeitsfähig und daher auf Sozialleistungen angewiesen. Aus Sicht des Kapitals ist das allerdings nicht unwichtig, denn wie oben angedeutet darf die Menge der manövrierbaren Masse Arbeitskraft nicht zu groß werden. Die Beschränkung der Sozialleistungen soll zum einen das Existenzminimum und damit das untere Limit der Reproduktionskosten niedrig halten, zum anderen die Kosten reduzieren.

Es gibt aber noch einen weiteren Aspekt: Die Arbeiter, die aus den unterdrückten Ländern hierherkommen, haben mit der Ausplünderung ihrer Länder schon viel für den Reichtum hierzulande bezahlt und haben einen Anspruch darauf, einen Teil dieses Reichtums zu bekommen. Im Interesse der internationalen Arbeiterklasse ist die Verbesserung der Lebens- und Arbeitsbedingungen für alle und damit auch die Erhöhung der Sozialleistungen für alle Arbeiter und zwar auf Kosten des Kapitals. Unsere Klassengeschwister sollen an den hier erkämpften Rechten und an dem aus ihren Ländern und Völkern ausgepressten Reichtum teilhaben. Denn es handelt sich um gemeinsam erkämpfte Rechte – gemeinsam von der Arbeiterbewegung in den Zentren und von den antikolonialen Befreiungskämpfen in den unterdrückten Ländern und sozialistischen Ländern. Diese Kämpfe hängen zusammen und können gemeinsam den Druck auf die Imperialisten erhöhen. Die gegenseitige Stärkung dieser Bewegungen war in den 1970er Jahren vielen bewusst. Doch dieser Zusammenhang soll durch viele ideologische Lügen zerrissen werden.

Kostenlose Reproduktion

Es gibt einen weiteren ökonomischen Aspekt in der Betrachtung der ausländischen Teile der Reservearmee: Deren Ausbildung und Reproduktion findet meist in einem anderen Land statt und fällt daher nicht als Kosten an. Das ermöglicht eine weitere Lohnsenkung in den imperialistischen Zentren, denn die Bezahlung der dortigen Reproduktion und Ausbildung ist teurer.

Wenn eine Thüringer Landrätin stolz verkündet, dass die Bezahlkarte verhindern soll, dass Asylbewerber ihre Sozialleistungen in die Heimat überweisen, ist das eine Überzeugung aus Gemeinheit, denn jeder Mensch kann sich denken, dass die Familien in schlechten Bedingungen leben müssen. Aber es drückt zugleich auch das Kalkül der Kapitalisten aus, eben nichts für die Reproduktion dieser bedrückten Arbeitskräfte zahlen zu wollen. Sie wollen, dass andere Länder und Familien Menschen großziehen, teilweise ausbilden und sie dann hier ausgebeutet werden können.

IV. Imperialismus und Menschenrechts-Aktivismus

Im letzten Teil soll kurz auf die Entwicklung der linken Bewegung in dieser Frage und notwendige Schlussfolgerungen eingegangen werden. Viele Jahre gab es eine aktive antirassistische Bewegung, die gegen Abschiebung, Asylverschärfung und Rassismus kämpfte. Sie hatte ihre Stärken, aber auch sehr viele Schwächen.

Die Karawane für die Rechte der Flüchtlinge und Migranten, ein Zusammenschluss von politischen Flüchtlingen, betonte die Rolle des Imperialismus und vertrat offensiv: Wir sind hier, weil ihr unsere Länder zerstört. Die Karawane wendete sich gegen die imperialistische Aggression und Unterdrückung und stieß dabei auf großen Widerstand und Unwillen seitens vieler liberaler Antirassisten. Anfang der 2000er wurde Migration von diesen zum Teil als etwas positives verklärt, was es zu fördern gelte, während die selbstorganisierten Flüchtlinge und Migranten das brutale System hinter der Migration (damit sind nicht «Schleuser» gemeint, sondern die Regierungen und Unternehmen, die Länder zerstören) benannten. Die liberale Ideologie und NGOs haben weitestgehend antiimperialistische Positionen zersetzt, auch wenn diese in den letzten Jahren wieder einen Aufschwung erleben, der sich allerdings widersprüchlich äußert.

Der Menschenrechts-Aktivismus wollte genau die antiimperialistischen Aspekte ausklammern und war bereit, die Logik der imperialistischen Migration zu akzeptieren. Ausbeuter, Unterdrücker und das System der Ausbeutung wurden immer weniger benannt, übrig blieb ein emotionaler Anschein von «Menschenwürde», den die Herrschenden sogar nutzen konnten, um ihren Machenschaften einen besseren Anstrich zu verpassen. Das drücken Karrieren wie die von Carola Rackete aus, die die imperialistische Kriegspolitik befürwortend als Flüchtlingshelfer über das Mittelmeer fuhr. Letztlich konnte man mit der oberflächlichen Menschenrechtsrhetorik sogar die EU-Asyllager an den Außengrenzen rechtfertigen, denn sie seien ja eine humanere Maßnahme, als die die von Rechten gefordert werden. Diese verlogene und autoritäre Bewegung hat die Menschlichkeit verächtlich gemacht.

Zu der liberalen Position gehört auch die Mär eines verlogenen Multikulturalismus. Die Fassade der «Multikulturalität» soll verdecken, dass Migranten die schweren und schlecht bezahlten Arbeiten machen, dass sie gezielt in den Schulen auf niedrigem Niveau gehalten werden, damit sie nur für diese Arbeiten «qualifiziert» sind. Das gilt für deutsche Hauptschüler ganz genau so – auch sie werden vom deutschen Schulsystem und gesellschaftlich entsprechend «integriert», aber Migranten sind überdurchschnittlich davon betroffen.

Die Medien schlachteten menschliche Katastrophen für ihre Politik aus. Manch einer reagierte mit einer allgemeinen Ablehnung von Menschlichkeit und Solidarität. So wurde ein gewisser Ökonomismus befördert, der vor allem die ökonomischen Aspekte der Migration sah und die ökonomischen Nachteile für die unterdrückten Länder in den Fokus rückte. Der identitätspolitischen Verklärung von Migration und «offenen Grenzen» setzten einige Verständnis für die Begrenzung entgegen mit dem Argument, dass diese ja auch für die Menschen in den Heimatländern besser sei. Eine Position, die im Ergebnis eine scheinbar elegante Anbietung an den rechten Diskurs darstellte.

Humanität und Ablehnung von Ignoranz wurde lächerlich gemacht und als heuchlerische grüne Politik beschimpft. Eine Schließung der Grenzen, die Eingrenzung des hiesigen Wohlstands und damit die Vollstreckung der Spaltung der internationalen Arbeiterklasse wurde als vernünftig propagiert. Aber die Weltanschauung und der Standpunkt der internationalen Arbeiterklasse beinhaltet selbstverständlich Humanität und Solidarität, sie ist ein essenzieller Bestandteil im Klassenkampf.

Verhetzung und Herrenrasse

Es gibt einen weiteren Aspekt der «Migrationsdebatte», der besonders von der AfD, klassischerweise auch von der CDU oder von liberalen Kräften wie der FDP befördert wird, wenn auch in unterschiedlicher Rhetorik angesichts verschiedener Zielgruppen. Liberale Herren sehen gerne die durch Flucht abgehärteten Arbeitskräfte für sie schuften - und zwar ohne Murren. Der Sozialdarwinismus ist dem Liberalismus innewohnend.

Die Verhetzung der hier lebenden Menschen durch die offene Abwertung des Lebens Anderer und das Eintreten für den Tod an den Grenzen ist nur die offenere Variante desselben Herrenmenschentums. Die in der Bevölkerung bezweckten Einstellungen reichen von Ignoranz bis Hass. Die Nazi-Banden, von Verfassungsschutz und Co aufgebaut und finanziert, sorgen für die notwendige Portion Angst. Im Kontext der «Kriegserzüchtigung» gegen Russland ist diese ideologische Ertüchtigung nicht zu unterschätzen. Wer andere Länder wieder überfallen soll, muss sich als Herrenmensch fühlen, ganz unabhängig davon, ob regenbogenfarben und grün oder eben in klassischem braun.

Internationale Arbeiterklasse

Die Arbeiterklasse ist eine internationale Klasse, auch wenn ihre Kampfbedingungen national bestimmt sind. Das heißt, dass sie einen gemeinsamen Gegner hat – die kapitalistische Klasse insbesondere der imperialistischen Zentren – und dass sie mit einer gemeinsamen Strategie kämpfen sollte. Das heißt auch, dass sie in einem gemeinsamen ökonomischen Ausbeutungsverhältnis durch die Imperialisten steht. Die Herabdrückung der einen soll der Bestechung der anderen und zugleich auch deren verschärfter Ausbeutung dienen.

Wir kämpfen gemeinsam gegen den Brain Drain, die Abwerbung bzw. Vertreibung der Arbeitskräfte aus den abhängigen Ländern und die brutale Ausnutzung der Flucht durch die Imperialisten. Uns ist völlig klar, dass diese Migration zu Lasten der abhängigen Länder läuft. Das heißt aber nicht, dass wir nur einen Zentimeter ihrer «Begrenzungs»-Demagogie glauben. Unsere Klassengeschwister aus den unterdrückten Ländern

sollen einfachere und bessere Bedingungen haben und nicht noch erpressbarer und unsicherer leben müssen. Deshalb sind wir gegen eine Verschärfung, Begrenzung und Entrechtung von Migranten, die offensichtlich unmenschlich und brutal sind.

Aufgabe ist es, den Kampf gemeinsam gegen Ausbeutung und Erpressung zu führen und gemeinsame Organisation von Flüchtlingen, Migranten und Deutschen zu erreichen. Dabei müssen viele Schwierigkeiten überwunden werden. Wir müssen diesen Kampf politisch begreifen und ihn folglich gegen die Herrschaft und Kriege der imperialistischen Staaten, also der USA, der EU und ihrer Verbündeten, führen. Dies war auch stets die Antwort der revolutionären Arbeiterbewegung, die sich bereits vor langer Zeit mit der richtigen Position zu Grenzschießungen und Migrationsbegrenzung auseinandergesetzt hat.

Das Literaturverzeichnis:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1969. – Т.34. Июль-октябрь 1917. – 584 с.
2. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
3. Hannes Hofbauer: Kritik der Migration, Wien : Promedia Verlag, 2018, 113.
4. Jochen Oltmer. Osteuropäische Arbeitskräfte in Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalprofile/deutschland/328520/osteuropaeische-arbeitskraefte-in-deutschland-vom-spaeten-19-jahrhundert-bis-in-die-gegenwart/#node-content-title-3>
5. Rüdiger Bech, Renate Faust, Die sogenannten Gastarbeiter, 1981, Verlag Marxistische Blätter, S. 12.
6. <https://mediendienst-integration.de/migration/wer-kommt-wer-geht.html>
7. <https://kommunistische-organisation.de/stellungnahme/solidaritaet-mit-zaid-heisst-kampf-dem-imperialismus-und-dem-kolonialen-asyllregime/>

References:

1. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – 5-e izd. / V.I. Lenin. – М.: Politizdat, 1969. – Т.34. Ijul'-oktyabr' 1917. – 584 s.
2. Marks K. Kapital / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – М.: Politizdat, 1960. – Т. 23. – 907 s.
3. Hannes Hofbauer: Kritik der Migration, Wien : Promedia Verlag, 2018, 113.
4. Jochen Oltmer. Osteuropäische Arbeitskräfte in Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalprofile/deutschland/328520/osteuropaeische-arbeitskraefte-in-deutschland-vom-spaeten-19-jahrhundert-bis-in-die-gegenwart/#node-content-title-3>
5. Rüdiger Bech, Renate Faust, Die sogenannten Gastarbeiter, 1981, Verlag Marxistische Blätter, S. 12.
6. <https://mediendienst-integration.de/migration/wer-kommt-wer-geht.html>
7. <https://kommunistische-organisation.de/stellungnahme/solidaritaet-mit-zaid-heisst-kampf-dem-imperialismus-und-dem-kolonialen-asyllregime/>

УДК: 008.340.128

А. С. Армен

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

г. Донецк, Донецкая Народная Республика - РФ

ПРАВОВАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье автор обращается к проблеме абсолютизации юридической нормы как единственного регулятора общественных отношений в пространстве современной западной капиталистической цивилизации. Акцентируется внимание на том, что попытки правового регулирования приватной сферы жизни человека не только малоэффективны, но и представляет угрозу общественной стабильности.*

***Ключевые слова:** капитализм, правовая экспансия, правовой идеализм, фетишизация права, ювенальная юстиция, правовое государство.*

A. S. Armen

(Candidate of Philosophical Science, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic – Russian Federation

LEGAL EXPANSION AS A CHARACTERISTIC OF MODERN WESTERN CIVILIZATION

***Annotation.** In the article, the author addresses the problem of the absolutization of the legal norm as the only regulator of public relations in the space of modern Western capitalist civilization. Attention is focused on the fact that attempts to legally regulate the private sphere of human life are not only ineffective, but also pose a threat to social stability*

***Keywords:** capitalism, legal worldview, legal idealism, juvenile justice, Fetishization of law, law-based state.*

Нравственный релятивизм, идеологический и культурный вакуум, характерный для современной позднекапиталистической цивилизации, обусловил тенденцию абсолютизации и идеализации права как универсального регулятора общественных отношений. Категория права становится ключевой в пространстве западной цивилизации, стремясь подменить собой иные регуляторы: мораль, религию, несмотря на очевидность того факта, что правовые механизмы не могут обеспечить должного регулирования в сфере частной жизни человека и поддержании его нравственных ориентиров.

Современная западная правовая культура, корнями уходящая в римское право, сформировалась в Новое время, когда были заложены основы новой философии

права, базирующейся на реалиях поднимающегося буржуазного общества и десакрализованной картины мира.

На этапе становления капиталистических отношений, религия как многовековой конституирующий общество фактор, наравне с традиционной культурой номинально присутствуя в обществе, больше не отражала его субстанциональной сути. Образование классов сделало невозможным функционирование универсальных для всех индивидов и групп нравственных правил поведения. Новая сила, способная стать авторитетной с одной стороны, должна была соответствовать внутренним характеристикам западной цивилизации как культурного типа, а с другой, – новой стадии её развития, обусловленной стремительной динамикой развития и потребностями капиталистической экономики. Таким институтом, обладающим потенциальной до известной степени предотвратить возвращение общества в его естественное состояние «войны всех против всех», и явилось формальное право. И нужно сказать, что на этапе становления капитализма некоторое культивирование права было оправдано и целесообразно.

Секулярное сознание, освободившись от сверхестественных аргументов веры и церкви как её транслятора, находилось в поиске иных ориентиров, способных сообщить консолидацию обществу и способствовать его прогрессу. В виде таких институализированных идей мыслителями Нового времени – Т. Гоббсу, Дж. Локку, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо являются государство, частная собственность и право [1]. Причем, в качестве первоисточника мыслится именно частная собственность, порождающая институциональность государства и права, в качестве своего защищенного ареала обитания.

Локк полагал, что индивиды передают полномочия государству с главной целью – защитить собственность. Для Гоббса – люди в догосударственном положении находились в состоянии войны «всех против всех», когда ни один индивид или собственник не застрахован от нападения такого же собственника. Пожертвовав частью своих свобод взамен защиты государства и заключив таким образом «общественный договор», люди получают надежду (иллюзию), относительную реальность защиты, которую государство воплощает в реализации диалектического взаимодействия закона и права [1].

При этом в капиталистическом обществе действуют законы свободного рынка, конкуренции, скрытые закономерности экономической эксплуатации, не совпадающие с декларациями прав, часто им противоречащие и, в результате, отчуждающие частично право от закона, а человека – от реалий права. Последнее часто существует только в идеальном виде – не работает или претерпевает искажения в реальном мире. Можно привести множество примеров подобных искажений, яркий пример заключается в случае с прецедентным правом или системой ювенальной юстиции.

Проблематика правовой экспансии получила достаточно широкое осмысление в рамках российской юридической науки. Так, В. Д. Зорькин, Н. И. Матузов, А. Н.

Зрячкин, говоря о сущности и возможных последствиях правовой экспансии сходятся во мнении, что последствия эти могут быть весьма драматичны на самых разных уровнях общественного устройства – как для отдельных индивидов, так и для семьи, общества, государства [3; 4]. Как правило, представители правовой науки используют термин «правовой идеализм», «который употребляется не в строго философском смысле (определенное мировоззрение), а в значении слов «идеализация», «идеалист», «идеальный», то есть, в качестве отрыва от действительности, наивности, непрактичности, прекраснотушных мечтаний о совершенном, но не реальном» [6, с. 8]. Также для описания такой идеалистической системы взглядов на право в советской науке использовался термин «юридическое мировоззрение» [9, с. 815].

Переводя исследование данного феномена в плоскость философской науки, мы соглашаемся с их доводами, одновременно отмечая, что тотальная идеализация или даже фетишизация права представляет собой одно из противоречий современной западной капиталистической цивилизации.

Сегодня юридическое мировоззрение отражает этико-правовое состояние позднекапиталистического общества: в перевёрнутом и смещённом виде выражая действительные закономерности общественного развития, оно ведёт к правовому идеализму (фетишизму), когда реальное социальное содержание общественных отношений скрывается за юридической формой (например, за формальным равноправием – фактическое неравенство, за свободой договора – экономическое принуждение, и т. д.) [9, с. 815]. Очевидно, что право опирается на формальную логику, строится на ней, ею оперирует. Право выражает, пусть и объективные, но строго формализованные, обезличенные требования, игнорируя моральный закон, категорический императив И. Канта, выражающего способность и склонность к этическому выбору каждого человека как такового, вне зависимости от внешнего принуждения [5].

Процессы секуляризации, затронувшие европейское общество в XVII в. и к началу XXI века, практически полностью нивелировавшие значение религиозной догмы, а также торжество либеральной идеи прав человека во многом обусловили разрушение тех внутренних оснований, которые определяют ценностные ориентиры человека и поддерживают чувство ответственности в человеке как существе общественном. Поскольку традиционная мораль представлена, конечно же, религиозной системой ценностей, не только девальвировалась, но и объявлена в современной общественной и философской доктрине устаревшей и противоречащей идее абсолютной свободы индивида, то такие ценности социального взаимодействия как долг, ответственность, и т.п. перестают быть регуляторами общественных взаимоотношений. Поэтому, в сложившейся ситуации единственно возможное регулирование всех социальных коммуникаций и конфликтов – только правовое регулирование, которое поглощает собой и подменяет традиционные базовые институты – этику и мораль.

Итак, правовой идеализм (здесь термин используется в контексте юридической науки – А.А.) есть не что иное как переоценка возможностей права, стремление ко всеобщей урегулированности общественных отношений правовыми средствами. Сегодня на право возлагаются непомерные, несбыточные ожидания, когда общество силой законодательства пытается разрешить противоречия в самых разных сферах социальной жизни.

Проблема правового идеализма заключается именно в идеализации права, придании ему мифологического статуса абсолютной нормы, оптимального социокультурного решения. Однако, как известно, право формально является, с одной стороны, результатом формализации рациональных заключений утилитарного характера, а с другой – оно обеспечивает лишь овнешнённую, законодательно освоенную и превращённую форму морали без учёта этического выбора и нравственных убеждений, воспроизводящихся культурой каждый раз в сознании каждого конкретного человека. Иными словами, право – это то, что привносится извне, тогда как, пусть привнесённая, но освоенная человеком мораль становится частью его личности, его выбора, его внутреннего мира, руководя личностными принципами, отношением к себе и другим и являясь основой рефлексии. Именно поэтому формальное право без устойчивой морали, когда нравственные законы в обществе начинают восприниматься как нелепые и устаревшие, представляет собой «непрочные костыли», которые не могут быть долгосрочной опорой для рассыпающегося общественного организма. Право формализовано и обездушено. В этом, собственно, его рациональное зерно – в логически выверенной справедливости, в этом его универсальность и равновеликость для всех членов общества. Однако без подкрепления правовой нормы согласным ей моральным законом в духе кантовского категорического императива, право предельно овнешняется и, как следствие, отчуждается от человека. Подчиняясь тотально духу закона, члены общества коммуницируют только на уровне закона, а не на уровне внутренних моральных принципов, обязательств и ценностей.

Результат парадоксален: призванные обеспечить социальную справедливость и свободы демократические правовые государства продуцируют духовный упадок, социальное равнодушие, конфликт интересов, потребительский образ жизни и устойчивую погоню за развлечениями – в качестве средства бегства от мира. При этом, зачастую в условиях устойчивого правопорядка и высокой правовой культуры общества (которые демонстрируют современные западные демократии) правовые средства часто оказываются неадекватны практическим потребностям социального организма и его членов. De Facto правовые механизмы не в состоянии обеспечить, например, нравственное здоровье граждан, защиту институтов брака и семьи, не являются достаточными для обеспечения уважения к религиозным чувствам верующих и истинного равенства представителей различных социальных общностей. Так, например, идея толерантности и агрессивное лоббирование прав трансгендерных общностей не является толерантной по отношению к религиозным

группам (причем, представителей всех традиционных конфессий). Так как, по сути, даже самые мягкие из гендерных трансформаций наносят удар по самим основам религий, причём как традиционного для Европы христианства, так и ислама.

Вместе с тем, выскажем предположение о том, что по сравнению с длительным периодом влияния религиозных догматов и церковной экспансии в феодальном средневековом обществе, формальное право, все же не сможет достичь того градуса влияния, который имела религия, исходя из онтологической сущности и свойств одного и другого.

Кроме того, право не сможет претендовать на то, чтобы стать доминирующей формой общественного сознания, коим на протяжении столетий была религия, поскольку интенсивность общественно-политических процессов и трансформаций в XXI веке существенно возросла по сравнению с периодом Средневековья. Это означает, что право, представляя собой сущностно ограниченную, рамочную структуру неизбежно столкнется со стагнацией, в то время как общественные потребности будут изменяться. Право будет подвержено многочисленным внутренним и внешним толчкам и вызовам, обречено на критику: на конфликт между имманентно присущей ему силлагичностью и динамичностью общественной жизни.

Кроме того, у права, зародившегося вместе с капитализмом, национальными государствами и идеалом и реальностью гражданского общества, сегодня появился новый конкурент влияния, стремительно институализирующийся и плохо подлежащий правовому регулированию и при этом обладающий беспрецедентными силой и возможностями воздействия. Речь идет об информационных системах, быстро изменяющих мир технически, экономически, социально и психологически. И уже сейчас можно ставить вопрос об информатизационном сознании как разновидности общественного сознания.

Как было отмечено выше, спонтанность и непредсказуемость общественной жизни является серьезным испытанием для жизнеспособности правовой системы, а тем более, права, отчужденного от традиционной повседневной морали. В этом смысле как в роли категоричного регулятора и отвлечённого идеала право подходит для регулирования лишь определенного пласта социальных отношений. Чрезмерная идеализация права и абсолютизация его авторитета приводит не только к атрофии иных социальных регуляторов, сложившихся в культуре еще в доправовой период, долгое время имеющих высокий аксиологический статус и сохраняющих на протяжении веков способность к влиянию и регулированию общественных отношений, а и дискредитирует саму правовую систему, возлагая на неё непосильный груз ответственности.

Более того, во времена социальных катаклизмов (войн, революций, экономических кризисов и т.п.) с сопровождающей эти деструктивные процессы анархией право теряет свой авторитет и возможности управлять общественным взаимодействием между людьми. Образовавшийся регулятивный вакуум достаточно быстро заполняется высвободившимися из бесконтрольной со стороны морали, опусто-

шенной сферы общественного сознания и общественного мнения первичными инстинктами; в результате общество может быть отброшено в полудикое состояние.

Правовое государство видится, безусловно, привлекательным и с точки зрения государственного построения, ведь оно предполагает наличие эффективных механизмов контроля за функционированием государственной власти, развитое гражданское общество, демократическую политическую систему, свободную от политической цензуры, идеологического диктата, злоупотребления властью и коррупции. Вместе с тем, абсолютизировать ценность такого государственного образования не следует. Господство права, в определенных пределах, безусловно, может способствовать повышению уровня жизни и благосостояния населения (именно это и было ключевой целью его формирования). Разумеется, правовые основы и гарантии социальной защиты должны присутствовать в реализации государственной политики равновелико, дабы право обеспечивало социальную защиту населения, а гражданское общество регулировало правовую систему, исходя из объективно существующих в государстве нужд, потребностей и проблем. Но общественно-политическая практика наглядно демонстрирует, что сам институт права и правовое государство провозглашаются как некий тотем, в жертву которому приносят иные достижения человечества – духовность, интеллект, религию, искусство, традиции и пр.

Как уже было отмечено выше, правовое государство тесно взаимосвязано с гражданским обществом, по сути, являясь его фундаментом и опорой. Под гражданским обществом сегодня принято понимать целостную совокупность неполитических и неполитизированных духовных и экономических отношений в обществе. Гражданское общество представляет собой область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде добровольных их объединений в качестве граждан), защищенную соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов [8, с. 180]. Таким образом, ключевыми для осмысления феномена гражданского общества характеристиками являются автономия в отношении государства, универсальный характер права, гражданская активность и способность отстаивать свои интересы, противостоя давлению государственной институтов, приоритет социальных связей над личными.

Однако, правовое государство, в силу своей сущности располагая определенными полномочиями и механизмами, как показывает современная политическая практика, вполне способно подчинить или даже «расчленил» гражданское общество. Прикрываясь идеей о верховенстве индивидуальных прав и свобод и их защиты, по сути, правовые режимы раздробили его на локальные противоречивые сообщества с собственными частными правами (или же чаяниями, стремящимися закрепиться в права). Происходит следующее искажение: право, декларируемое в качестве ключевого фактора достижения общественного консенсуса, начинает играть ровно противоположную роль. Оно создает пространство деконсолидации,

индивидуализации и антагонизма между различными социальными общностями (этническими, религиозными, гендерными), становясь мощным рычагом для манипуляций со стороны политических сил отнюдь не с правовыми мотивами, методами и сущностью. В то время, как гражданское общество становится более неспособным выполнять свое предназначение – защищаться от насилия и произвола со стороны государственных и надгосударственных политических институтов.

Новоевропейская идея права как всеобщего равенства перед лицом государства и равенства возможностей трансформируется в идею приоритета и защиты прав меньшинств. Таким образом, категория «права человека» необоснованно отождествляется с правами меньшинства, что ущемляет или даже отрицает права большинства, что представляет собой весьма антидемократическую тенденцию.

Как уже было отмечено выше, тотальная идеализация права неизбежно приведёт к разочарованию в гражданском праве, в юридической системе, в механизмах их социального бытия, а, следовательно – к разочарованию в государственном институте (как гаранте права и закона), в самом обществе как субъекте коллективной безопасности. Возникает ситуация укрепленности граждан в крайнем индивидуализме, когда каждый «сам за себя» и не испытывает иллюзий по отношению к государству, обществу, корпорации, то есть, к любому коллективному образованию. Последняя, в свою очередь, выхолацивает из сознания граждан ценности политического участия, сотрудничества, самоорганизации, солидарности и социальной ответственности.

При всей своей объективности и многовековой социокультурной корректировке, европейское право оказалось неспособным к продолжительному противостоянию меняющейся деморализованной социальной среды и согласилось на существенные трансформации самого себя. Феномен фетишизации права представляет собой двоякий дуалистически направленный процесс. С одной стороны, он явился результатом секуляризации, а с другой, в десакрализованном пространстве освобождается место для определенных дезинтегративных идей, которые используются конкретными политическими силами для насаждения новой перевернутой морали. В свою очередь, эта новая перевернутая мораль легализуется в юриспруденции нового образца под влиянием идей абсолютизации права (меры позитивной дискриминации в отношении различного рода меньшинств, программы планирования семьи, легализация транспереходов, ювенальная юстиция).

Последняя понимается как сложившаяся в западных традициях «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения с участием несовершеннолетних и направленных на обеспечение их прав и интересов» [2, с. 39]. Иными словами, правовая система, выступающая в защиту интересов детей и объявляющая приоритет прав ребенка над правами взрослого. Система ювенальной юстиции тесно связана с институтами семьи и брака. Ювенальная юстиция законодательно закреплена во многих государствах Западной Европы в Греции, США, Канаде, Франции, Германии, Швейцарии и других. Ювенальная юстиция имеет длитель-

ную историю становления, но сегодня она представляет собой не просто институт, а идеологию, основанную на подмене семьи и её социальных функций по воспитанию детей деятельностью государственных органов и учреждений. Очевидна крайняя аксиологическая девальвация под прикрытием юридических норм, которые должны опираться на нормы этические. Однако этическая норма из них выхолащивается, и они остаются пустыми, формально-логическими.

Провозглашается защита прав ребенка, что активно декларируется соответствующими правовыми органами, но в свою очередь, на практике она же зачастую оборачивается уничтожением прав семьи – прав ребенка и его родителей. Вмешательство государства в частную сферу не только является тоталитаризацией социального пространства, но и полем для манипуляций и маневров со стороны органов государственной власти и политических элит. По сути, продвижением ювенальной юстиции занимаются те же политические структуры, что претворяют в жизнь политику планирования семьи, обеспечивают сексуальное просвещение детей, декларируя нормативность сексуальных перверсий, и лоббируют интересы ЛГБТ-сообщества. В союзе с транснациональным капиталом эти политические элиты, в качестве долгосрочных целей видят как раз уничтожение национальных экономик, разложение национальных культур и депопуляцию. Вместо суверенных государственных структур проглобалистски настроенным политическим силам выгодно существование исключительно атомизированных, социально безответственных, страдающих от депопуляции квазиобществ, неспособных к борьбе против транснационального капитала. Так подвергаются переформатированию родственные, внутрисемейные отношения, самые крепкие по своей природе.

Семейная сфера, в отличие от многих других, является тем приватным пространством, в котором наряду с юридическими факторами соседствуют в равной степени семейные традиции, психологические связи, психологические особенности членов конкретной семьи, культурные/религиозные и иные специфические характеристики. Таким образом, ювенальная система является попыткой выхолащивания жизни из семьи и абсолютной стандартизации внутри семьи. Поведение членов семьи в подобной модели регламентировано действием юридической нормы, а не естественной потребностью и стремлением человеческой личности. Во внутрисемейных личных отношениях проявляются, прежде всего, биологические свойства человека как объекта живой природы, в том числе его инстинкты (продолжения рода, материнский и т.д.). Любовь супругов, родительская любовь, привязанность членов семьи друг к другу, альтруизм, доверительность – это виды социального поведения индивида в сфере его частной жизни, обусловленные витальными потребностями, сопровождающиеся специфическими эмоциями, которые определяют природу личных отношений в семье и браке, часто, исключая возможность их правового регулирования. Более того, многочисленные судебные процессы вызывают напряжение в обществе и страх перед ювенальной системой как тоталитарной, обладающей механизмами и ресурсами по разрушению семьи. Таким образом, кон-

ституирование семьи держится на страхе, а не на сложной системе эмоций и принципов, на которой ранее строились семейные отношения, что неминуемо приводит к социальным деформациям и отклонениям.

Детское сознание лабильно, а ценностно-нормативная система ребенка ещё не сформирована в силу возраста. Ювенальная юстиция буквально извратила идею проступка и наказания, оправдывая детский беспредел и безнаказанность, по сути, становясь источником потребительского отношения к окружающим (в первую очередь, к родителям), и поощряя манипуляцию как доминирующий тип поведения. Такие понятия, как «родительский авторитет», «сыновий/дочерний долг» перестают быть основополагающим в системе ценностей, перед детьми открываются безграничные рычаги давления, включая предательство и шантаж. Личные связи подростка с окружающими его людьми целиком перемещаются в сугубо материальное бездуховное пространство. Очевидно, что индивид, ориентированный лишь на разнообразные выгоды и льготы сам становится идеальным объектом для манипуляций. Претендуя на то, чтобы создать пространство социальной справедливости, ювенальная юстиция создает поле жестокости, вседозволенности и личностного разложения.

Выдающийся американский антрополог М. Мид отстаивала идею о том, что «...именно культура является тем главным фактором, что учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе» [7, с. 48]. Исследуя проблему влияния культуры на характер мужских и женских ролей и социализацию детей вообще, в своей работе «Иней на цветущей ежевике» (1972) Мид, обращаясь к идеям другой исследовательницы Р. Бенедикт пишет о том, что «та или иная культура выбирает различные проявления человеческой личности, отвергая другие» [7, с. 49]. Следовательно, самоидентичность, в том числе, и гендерная, во многом обусловлена влиянием этнического, религиозного и культурного факторов.

Семья является ключевым агентом социализации личности в этом смысле, однако проглобалистские силы в своем стремлении к нивелировке культур стремятся стереть их уникальность и этническую национальную сущность. Поэтому, устранив, в известной мере, родителей (носителей национальных идеалов, ценностей) от процесса воспитания, возможно достаточно быстро сформировать космополита нового образца, человека без собственной причастности к культурной памяти своего народа. Как результат, подобные тенденции провоцируют разрыв связей на уровне межличностного взаимодействия. Причем, как в синхронном, так и в диахронном плане – ведь потеря авторитета родителями – носителями ценностей, опыта, знания опасна тем, что и сами ценности со временем будут преданы забвению. Разрушаются детерминанты самой культурной памяти человечества, что вызывает опасения в характере дальнейшего движения культурно-исторического процесса и сомнения в самом его будущем. В общественной практике система ювенальной юстиции зарекомендовала себя как не знающий жалости и сострадания механизм трансформации базовых принципов взаимодействия семьи и государства. Институт государ-

ства наделяется абсолютным правом «фильтровать» граждан по их способности воспитывать своих собственных детей. При этом противников ювенальной системы рассматривают не как несогласных с утверждением детской вседозволенности, культа прав детей, а как нетолерантными к правам детей, что есть ни что иное, как манипулятивная подмена понятий.

Сегодня система ювенальной юстиции внедрена в большинстве стран Запада, но это ведёт не к оздоровлению человеческих отношений, а к размножению общественного зла. Как уже было сказано выше, семья является специфическим институтом, в котором личные, интимные отношения, внутреннее устройство и весь спектр внутрисемейных эмоций никогда в истории человечества не определялись правовым вторжением. Именно поэтому социологическая наука придерживается мнения о том, что семья как некая система обладает свойством саморегуляции, следовательно, не нуждается в юридическом вмешательстве.

Отнюдь не ведёт к оздоровлению межличностных отношений и вмешательство юриспруденции в сферу взаимоотношений супругов. Так интимное общение супругов не считается более супружеским правом и долгом, поэтому принуждение к нему может классифицироваться как наказуемое преступление. Например, в Швеции эту сферу внутрисемейных отношений регулирует так называемый Закон «О согласии» (2018). Подобный опыт имеют еще десять европейских государств и принятием подобного закона приводят государственную законодательную базу в соответствие со Стамбульской конвенцией против домашнего насилия, принятой в 2011 году и подписанной 46 странами и Европейским союзом.

Очевидно, что императивные правила интимной этики формировались и развивались вместе с человеческим обществом и во многом были производны от религиозных и нравственных догм. И если на определённых этапах общественного развития женщина рассматривалась в категории собственности, что отвечало существующим нравам и нормам, происходящим из законов соответствующего общественно-экономического строя, то с развитием цивилизации ситуация изменилась. Процессу преодоления неравенства и эмансипации, становлению женщины полноценным участником общественных процессов, безусловно, способствовало повсеместное законодательное закрепление некоторых женских прав и свобод. Однако появление в XXI веке в юридической практике категорий, регламентирующих внутрисемейные и даже интимные стороны жизни, указывает на тенденцию движения человечества к стадии дикости, когда лишь страх наказания за нарушение юридической нормы может регулировать взаимоотношения между супругами. Сомнительным видится убеждение, что обеспечить поддержание таких составляющих брака как супружеская солидарность, взаимная забота, моральная поддержка невозможно путём правового регулирования. Вместе с тем, новая трактовка брака как взаимовыгодного партнёрства предусматривает юридическое закрепление прав и обязанностей сторон путём заключения брачного договора, вплоть до регламентации интимной стороны жизни супругов. Очевидно, что подобное формализованное

взаимодействие не способствует на самом деле ни свободе выбора и желаний, многократно декларируемым западной концепцией прав человека, ни, тем более, гармонизации семейного взаимодействия. Со временем, акценты в понятии «партнерский брак» смещаются в сторону рыночных, ориентированных на чёткое исполнение договорных обязательств, при игнорировании любви, эмпатии, жертвенности, то есть тех аспектов, которые эти отношения и составляют.

Итак, право обретает статус одного из ключевых регуляторов общественных отношений в эпоху Нового времени и напрямую связано со становлением капиталистических отношений.

Однако сегодня в пространстве современной западной цивилизации наблюдается устойчивая тенденция к абсолютизации юридической нормы при тотальном игнорировании традиционных регуляторов: религии и морали, и целесообразности правового регулирования приватной сферы жизни человека. Ярким примером деструктивного влияния правовой экспансии являются попытки вмешательства и контроля во внутрисемейное взаимодействие, в том числе и путём использования механизмов, предусмотренных системой ювенальной юстиции. Последняя в перспективе приведёт к формализации семейного взаимодействия и, как следствие, к формированию атомизированного индивида без определённой самоидентичности, чётких нравственных и идеологических ориентиров.

Сложившаяся ситуация является результатом трансформаций внутри капиталистической общественно-экономической формации, весь парадокс которой заключается в конфликте между частной собственностью (с имманентными ей законами) и порожденным ею правом, которое этими же законами попирается.

Библиографический список:

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / Д. Антисери, Дж. Реале; в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. – С-Пб.: Пневма, 2002. – 880 с.
2. Габуев А. Р. Ювенальная юстиция: теоретико-правовой аспект // Управленческое консультирование. – 2014. – № 3 (63). – С. 38-50.
3. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 5-16.
4. Зрячкин Н. А. Нигилизм и идеализм в региональной правовой политике // Государственно-правовые исследования – 2019. – Вып.2. – с.164-166.
5. Кант И. Критика практического разума / И. Кант / Соч. в 4 т., на нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. М.: Моск. Филос. фонд, 1997. – С.276-733.
6. Матузов Н. И. Правовой идеализм как обратная сторона правового нигилизма. – Правовая культура. – 2013. – №1 (14). – С.8-18.
7. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер.с англ.и коммент. Ю. А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
8. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. – 877 с.
9. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. – 840 с.

R e f e r e n c e s :

1. Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei. Ot Vozrozhdeniya do Kanta / D. Antiseri, Dzh. Reale; v per. i pod red. S.A. Mal'cevoj. – S-Pb.: Pnevma, 2002. – 880 s.
2. Gabuev A.R. Yuvenal'naya yusticiya: teoretiko-pravovoj aspekt // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2014. – № 3 (63). – S. 38-50.
3. Zor'kin V. D. Sut' prava // Voprosy filosofii. – 2018. – № 1. – S. 5-16.
4. Zryachkin N.A. Nigilizm i idealizm v regional'noj pravovoj politike // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – 2019. – Vyp.2. – s.164-166.
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma / I. Kant / Soch. v 4 t., na nem. i rus. yaz. / Podgot. k izd. N.V. Motroshilovoj, B. Tushlingom. T. 3. M.: Mosk. Filos. fond, 1997. – S.276-733.
6. Matuzov N.I. Pravovoj idealizm kak oborotnaya storona pravovogo nigilizma. – Pravovaya kul'tura. – 2013. – №1 (14). – S.8-18.
7. Mid M. Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya. Per.s angl.i komment. Yu. A. Aseeva. – M.: Nauka, 1988. – 429 s.
8. Novejshij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Gricanov. Minsk, 1998. – 877 s.
9. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya. Gl. redakciya: L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. 1983. – 840 s.

УДК 101.1

А. В. Гижа

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ

ХАЙДЕГГЕР И ГЕРАКЛИТ: РАЗНИЦА В ПОПЫТКАХ МЫСЛИТЬ БЫТИЕ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению учения Гераклита в отношении возможности его обобщенного понятийного истолкования, включающего в свой эвристический ресурс проблему сознания. Антитезой продуктивному прочтению Гераклита выступает хайдеггеровский подход к проблематизации бытия с позиций декларируемой безрезультативности.

Ключевые слова: Гераклит, становление, противоречие, покой, мышление, Хайдеггер, внепонятийное мышление.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

HEIDEGGER AND HERACLITUS: THE DIFFERENCE IN TRYING TO THINK ABOUT BEING

Abstract. The article is devoted to the consideration of Heraclitus' doctrine in relation to the possibility of its generalised conceptual interpretation, which includes the problem of consciousness in its heuristic resource. The antithesis to a productive reading of Heraclitus is the Heideggerian approach to the problematisation of being from the position of declared ineffectiveness.

Key words: Heraclitus, becoming, contradiction, rest, thinking, Heidegger, extra-conceptual thinking.

В практике социально-исторического познания особую роль играет философская компонента рассуждений. Понимание же специфики самого мышления выражает имманентную доминанту философской теоретизации. Она, в свою очередь, может раскрываться в нескольких формах и направлениях, соответственно многообразию социально-личностных ожиданий и мотиваций. Здесь, например, находят свое выражение и особенности мышления обыденного, рассудочного уровня. В этом случае читающий ищет некие наставления и мудрые, афористически выраженные мысли. Прочитав их, он с удовлетворением в очередной раз убеждается,

во-первых, в правильности и ясности собственного сознания, поскольку житейские вещи взрослому человеку понятны сами по себе; а во-вторых, он получает подтверждение, по крайней мере, в ненужности философствования. Это фрагментированное и несистемное, логически слабо структурированное мышление, субъект которого эгоцентрически самодостаточен и живет в близлежащих жизненных реалиях. Это одна крайность. Но есть и другая, где, напротив, все существенное – в философском ракурсе - видится предельно неясным, запутанным и максимально отдаленным от сущего. Второй разворот реализует как значимую часть своей познавательной стратегии М. Хайдеггер. Речь идет «...о попытке мыслить бытие, не принимая во внимание обоснование бытия сущим» [8, с. 81].

«До сих пор, - пишет М Хайдеггер в работе 1954 г, - мы не вошли в собственную сущность мышления, чтобы поселиться там. В этом смысле мы еще не мыслим по-настоящему» [11, с. 142]. Здесь Хайдеггер пишет максимально общими мазками – дело, по его мнению, касается всех «нас». Однако историческое человечество как-то справлялось «до сих пор» без поселения в сущности мышления, делая ставку на развитие технически-инструментальных средств преобразования природы и создания искусственной среды обитания. Этого, конечно, совершенно недостаточно для формирования нормальных человеческих условий жизни, требующих развития и духовной составляющей культуры. С другой стороны, если философ настойчиво, раз за разом, говорит о некоем фатальном недостатке мышления, то хотелось бы приобщиться к мышлению «настоящему», с которым он, конечно, хорошо знаком.

Однако возможность настоящего мышление, как мы понимаем, это, прежде всего, результат собственных усилий и настойчивости – причем, с неизвестным заранее исходом. Иными словами, «собственная сущность мышления» не наличествует как нечто предметно-идеальное, как то, что поддается познанию в развитой рациональной субъект-объектной форме или же в художественно-образном виде. А судя по тому, что задача Хайдеггера по восстановлению вопроса о бытии, в целом, осталась к настоящему времени не менее проблемным делом, что и сто лет назад, можно утверждать ее принципиально граничный характер относительно познания вообще. В этом ее смысл, требующий не содержательной экспликации в понятиях, пусть даже в обновленном терминологическом и стилевом аспектах, а являющийся обозначением ограниченности разумности вопрошания вообще. И поэтому он, этот смысл, самотождественен, и, как результат, содержательно неподвижен.

Этот момент неоднократно отмечал сам Хайдеггер: «...Эта мысль (о бытии – А. Г.) не относится ни к теории, ни к практике. Она имеет место прежде их различения. ...Она осмысливает бытие. Такая мысль не выдает никакого результата» [10, с. 351]. Безрезультатность здесь относительна, и носит в большой мере игровой и демонстративный характер, предполагающий момент произвольности толкований и манипуляции сознанием. Последнее заключается в попытке создания неидеологического или над-идеологического варианта философствования, для чего и потре-

бывалось оборвать все связи мышления с реальной предметностью, данной как в теории, так и в практике. Вопрос о мышлении, однако, безусловно остается и включает в свое рассмотрение, кстати сказать, и тему манипуляций и мнимой деидеологизации.

Полюс хайдеггеровского бытийного осмысления обозначен им максимально претенциозно: «Но “онтология”, будь то трансцендентальная или докритическая, подлежит критике не потому, что продумывает бытие сущего и при этом вгоняет бытие в понятие, а потому, что не продумывает истину бытия и тем самым упускает из виду, что есть более строгое мышление, чем понятийное» [10, с. 350]. Внимание к демонстрируемой философом непонятности, однако, если и находит строгость мысли, то исключительно в пределах его собственного разумения.

Нам более интересно мышление, которое, прямо или косвенно, но имеет отношение к теории и практике, позволяя достигать осязаемых результатов. Сам Хайдеггер, заметим, прекрасно мог раскрывать вполне предметную тематику (в основном, историко-философского плана), отставляя в стороне любимую тему весьма неясной бытийности.

Достижение качественной и результативной формы действительного, т.е. понятийного мышления постоянно сохраняет актуальность для исторически выверенного развития общества. Некоторые способы активизации мышления указаны тем же Хайдеггером. Они заключаются в обращении к текстам раннегреческой философии. Сам он, правда, делал это, в большой степени, в ракурсе феноменологических описаний, периодически с изрядной долей домысливания.

Обратимся к творчеству одного из первых греческих мыслителей и постараемся показать не только актуальность его взглядов, но и их эвристический характер. При этом образность и метафорическая символика Гераклита, невзирая на его прозвище «Темный» может получить внятную интерпретацию в понятийной плоскости.

Темнота и непонятность Гераклита, о которых говорят его современники, вызваны тем, что Гераклит стремится не к формальной правильности, требующей внешне непротиворечивых высказываний, а к истине, суть которой как раз и состоит в единстве нерасторжимых и противоположных моментов. Дело, причем, усложняется двойственностью самой истины по отношению к миру: мало того, что мир раздвоен в противоположных отношениях, так и истина по отношению к нему также имеет два образа, устанавливающие различную подлинность существования, своего рода множественную правду. Речь идет о подлинности мирской и мировой. Мирская подлинность отягощена фрагментарностью и засильем превращенных форм жизни, различных вариантов видимости. Эта изнанка бытия не может рассматриваться как бытие недостаточное или ложное. «Они не понимают, - говорит Гераклит, - как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония)» [7, с. 199]. Оно, это враждебное человеку существование, имеет истину, заключающуюся в том, что на пути становления самосознания снимается

отчуждение субъекта от мира, и они, субъект и мир, взаимопревращаются: мир становится человеческим, а человек выходит на мировой уровень и освобождается в качестве всемирно-исторической личности. В развернутой философской форме эти отношения фиксирует Гегель в «Философской пропедевтике»: «Самосознание является... 1) деятельным: снимает инобытие предметов и отождествляет их с собой, 2) отчуждает само себя и тем сообщает себе предметность и наличное бытие» [3, с. 85].

Гераклит призывает прислушиваться к голосу самого космического Логоса, говоря, не мне, но Логосу внемля, мудро согласиться, что все едино [7, с. 199]. Это высказывание свидетельствует о преодолении Гераклитом своей частной субъективности, когда мыслитель ссылается не на свое мнение, а на голос бытия. Он отмечает соотношение мирского и мирового таким образом: «И с чем они в самом непрерывном общении {с логосом, управляющим всеми вещами}, с тем они в разладе» [7, с. 191]. Здесь отражена и ситуация, описанная в известном высказывании Анаксимандра (из чего вещам рождение...). Логос управляет через сами же вещи, которые окружают человека и потому космический Логос пребывает не где-то в небесных сферах и недостижимых высотах, но постоянно присутствует в мире человека.

Однако за мирскими вещами Логос для бытового мышления неразличим — этот факт позволяет утверждать полноту и замкнутость мирской истины, ее самодостаточность. Так проявляются фундаментальные, онтологические структуры человеческого существования и выявляется ракурс умо-зрения, позволяющий убежденно предположить в индивидуальном внутреннем опыте мировую всеобщность бытия. Философия здесь выступает как практика перенастройки сознания, его перифокусировки, отстройки от доминирования бытовых требований. Можно сказать, что возникает ситуация полноценного видения действительности мыслителем, — если вспомнить платоновский миф о пещере, как в его теневой форме, так и в солнечной. В связи с этим действительность приобретает проблемный характер, лишенный безусловной очевидности непосредственно воспринимаемого. Философская проблемность имеет принципиальное отличие от проблемности научного познания. Она оформлена так, что ее вопрошающий характер и ответы находятся в диалектическом единстве, а это подразумевает их нахождение в исторически данном становлении. Те или иные ответы в философской плоскости развертываются в контексте деятельного сознания: мир и вообще вся предметность осознается не во внешне-объективном качестве — это задача науки — а в терминах самого сознания.

Терминами сознания являются не термины психологии, а все те же обозначения вещно-предметной сферы, взятые в специфике иносказательного выражения ими внутренней, идеальной активности субъекта. Т.е. мир в философском измерении носит личностный отпечаток. Так реализуется формула Маркса, что «Сознание [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием

[das bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [6, с. 25]. Поэтому, когда мы говорим философски, мы высказываемся о мире, и, соответственно, критикуя то или иное учение, мы критикуем действительность. Маркс отмечал это обстоятельство так: «Критика немецкой философии государства и права, ..., есть, одновременно и критический анализ современного государства и связанной с ним действительности...» [5, с. 7].

Гераклит, не будучи в строгом смысле рационально мыслящим философом (он, скорее, мыслитель-практик), тем не менее, утверждает максимум познания и понимания: «Кто намерен говорить [=изрекать свой логос] с умом ($\xi\acute{\upsilon}\nu \nu\acute{o}\phi$), те должны крепко опираться на общее ($\xi\acute{\upsilon}\nu\tilde{\omega}$) для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче» [7, с. 197]. Это общее может быть высказано образно или понятийно, но в любом случае оно получает внятную интерпретацию – в отличие от феноменологически выполненной хайдеггеровской индивидуализации рассматриваемой темы.

Гераклит развертывает универсально-детерминистическое видение мира, фиксируя представление о судьбе как необходимости и полагает сущностью судьбы «разум (логос), творящей (все) вещи через (их) “бег-в-противоположные стороны”» [7, с. 201]. Здесь видим прямое описание процесса творения вещей, без образов и метафор. Продумаем вопрос: как это возможно и что это вообще означает?

В рамках обиходного, формально-логического дискурса это суждение звучит явно неосмысленно. Речь идет об определенном творении вещей. Они уже есть, но отдельно от человека; чтобы расположить их в плоскости человеческого бытия, разум должен совершить с ними операцию трансляции, переводящую их в сферу понимания, подать их в таком ракурсе, в котором они могут быть истолкованы и соответственно поименованы. Для этого разум и производит такое разбегание-раздвижку содержательной стороны вещи, позволяющее представить ее в соответствующей *мере*, определенной границами противоположных сторон-определений. Представление-перевод ставит вещь перед человеком, она попадает в область его понимающего внимания. Поставить вещь – значит сделать ее, подобно тому, как режиссер ставит спектакль. Вместо слова «спектакль» так и говорится – постановка, потому что все дело в этом становлении, когда определяющим фактором становится участие разума – режиссера ли или иного субъекта. Таким образом, в этом высказывании Гераклит, говоря о творении вещей, утверждает принципиальную *переводимость* вещей мира из их статуса вещей-самих-по-себе в ранг вещей человеческого бытия, а, следовательно, таких объектов, которые, во-первых, определенным образом содержательно выстроены, а, во-вторых, принципиально познаваемы. Вещи при этом становятся действительными, и «все действительное содержит в себе противоположные определения» [1, с. 167]. Соответственно, «постижение предмета в понятиях... означает познание его как как конкретного единства противоположных определений» [1, с. 167]. Гегель выполнил, по факту, процедуру предельно развернутой понятийной интерпретации диалектики Гераклита.

Оригинально становится мыслителем и вопрос о соотношении личностной свободы человека и его зависимости от общественных установлений, социальной необходимости. Он решается Гераклитом не в пользу выбора одной из этих альтернатив, а пониманием их точного соответствия. Для него свобода не есть синоним своеволия как некоего акта демонстративного нарушения норм поведения. Свобода в том, что граждане должны отстаивать законы полиса как крепостные стены, и даже еще решительней. Здесь нет никакого противоречия между необходимостью следования законам и свободой человека, эти два модуса времени человеческого бытия совпадают, как это и должно быть. Ведь следование необходимости здесь не определяется безволием и бессилием субъекта, который и хотел бы сопротивляться, но не может этого сделать. Как раз наоборот, чтобы неуклонно следовать разумным законам полиса, его воля должна получить форму разящего клинка, действующего мощно и неукоснительно. Эту необходимость он принял как безусловную и сделал это свободно. Таков сам Гераклит - выполняемая им необходимость, она же свобода, суть качества мирового времени. Жители же Эфеса пребывали в закрытом состоянии мирского бытия. Оставались ли они свободными, не выполняя требования законов? Нет, конечно. Они оставались рабами мирского существования. В мирском времени его модусы свободы и необходимости отчетливо разделены и разобщены, в мировом они совпадают в *пресуществляющем* единстве. Вот парадокс: Гераклит следовал исполнению необходимости и был свободен, жители, напротив, следовали своей личностной свободе и оказывались в тисках бытовой необходимости.

Язык Гераклита поэтически образен, метафоричен. Он, по сути, творит миф, высказывая в своих изречениях собственный мистический опыт постижения единства и противоречивости сущего. Его речь сказывает в обиходных словах, в противоречии, но направлена из мирского в мировое. В силу метафорической образности высказывания Гераклита нуждаются в работе по их интерпретации и, вместе с тем, их можно понимать и совершенно буквально.

Широко известен знаменитый отрывок из Гераклита: «Этот Космос, единый для всего сущего, не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся и мерно угасающий» [7, с. 217].

В этом фрагменте знаменательны, кроме всего прочего, слова «..., и никто из людей...». Почему вдруг Гераклит заговорил о таком фундаментальном деле, как создание Космоса, с точки зрения неучастия в этом человека? Разве это не очевидно? Ладно, оговорка по поводу богов может быть принята, с ними дело обстоит туманно, но какое отношение к возможному генезису Космоса имеет человек? Можем ли мы предположить, что самомнение человека в ту далекую, технически и научно неразвитую эпоху было столь велико, что потребовалось это гераклитовское замечание? Претензии человека пришлось ограничить, поскольку они не соответствовали качеству его разума. В «Феноменологии духа» Гегель пишет о подоб-

ной ситуации: «Разум заверяет только, что он – вся реальность, но сам этого не понимает, ибо названный забытый путь есть понимание этого непосредственно выраженного утверждения» [2, с. 125]. Предварительно Гегель говорит о необходимости проделать определенный путь к распознаванию смысла высказывания, тогда как «непосредственно выступающий разум» считает себя готовым сразу дать его значение. Разум, не проделавший предварительного пути к пониманию, говорит формальными декларациями. Он воображает себя свободным высказывать какие угодно мнения, тогда как на самом деле не ведает о своем незнании предмета суждения.

Здесь начинает звучать вторая тема гераклитовской мысли, которая не обозначена ясно у других раннегреческих философов – тема человека, его самопознания. Обычно она при изучении Гераклита особо не акцентируется, затушеванная его метафорической поэтической речью, звучащей как бы из самой вечности в наглядно-универсальной символической форме. Между тем, здесь особенно отчетливо и ясно видно совпадение противоположностей в познании – то, о чем он и учил. Речь идет о тождестве двух процессов познания: относительно внешнего, предметно-материального мира и внутреннего мира человека, о *совпадении* познания и самопознания. Гераклит не отделяет себя от мира, он слышит внутренним слухом мировую Речь и удивлен, что другим она не доступна. «Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный» [7, с. 198].

Появление множества миров – сколько людей, столько и миров – при том, что все живут совместно, в одних пространственно-временных координатах, говорит о проявляющемся взаимном *отстранении* людей. Как только человек вышел из объединяющей организации родовой общины с ее религиозно-мифологическими структурами власти, базирующимися на бессознательном начале в человеке, как сразу возникают центробежные силы обособления личности. Рост личностного сознания начинается с формирования замкнутого эго, самости. Свобода получает не собственную форму своеволия. Со временем простое отстранение дойдет до состояния отчуждения. Пробуждение (бодрствование) здесь понимается как приход к самому себе в существующей же реальности. «Всем людям, - говорит Гераклит, - дано познавать самих себя...Мудрость же в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осознавая» [7, с. 198].

Чем же является дальнейшая европейская философия как не развернутым комментарием к этим словам?

Все дело в данном случае в ответах на вопросы: что есть истина, о которой говорит Гераклит? Что вообще есть? Как истину высказать адекватно? Согласно какой природе надо действовать? Каково это согласие? Что значит «осознавая» - учитывая, что человек должен пробудиться, не будучи реально спящим? И, вместе с тем, интуитивно, на невербальном уровне эти продуманные и наполненные мыс-

лю слова понятны, но таково это понимание, что оно хочет реализовать себя и вот это его рождение в мире происходит медленно, в заблуждениях и слепоте.

Суждения Гераклита выражают уровень космического обобщения, хотя и построены на обыденном материале. Читателю необходимо уметь следовать за ним, не ограничиваясь первым буквальным восприятием.

Гераклит оперирует смыслообразами, образами-понятиями (река, лук, лира, война, дорога и т.д.). Это позволяет ему различать, но не отрывать друг от друга всеобщее и единичное, сущность и явление, рациональное и чувственное.

Как отнестись к тому, что речь Гераклита допонятийна, проста, наглядна и безыскусна? Потеряла ли она существенное, истинное и необходимое для нас, не будучи уснащенной сложными и рационально проработанными терминами? Хайдеггер по аналогичному поводу (в отношении Анаксимандра) говорит так: «...Там, где не предпосланы отраслевые границы, вовсе не обязательно господствует лишь безграничность неопределенного и расплывчатого. Пожалуй, напротив, там может приходиться к речи свободный от всякого отраслевого упрощения собственный остов чисто мыслимого предмета» [7, с. 36]. Действительно, сложность технических терминов, обильно присутствующих в речи современного отраслевого ученого, инженера, мнимая, она возникает из дробления и формализации предмета и механистична по существу. Поэтому, внешне сложные, рационально определенные термины являются как раз следствием упрощения дела и здесь язык простых, но продуманных слов, обладает преимуществом в удержании искомой целостности предмета рассмотрения.

Ф. Кессиди отмечает, что «со времен Платона и Аристотеля одной из главных идей в мировоззрении Гераклита считается идея всеобщего течения и изменения» [4, с. 78]. Это как раз то, о чем говорил Хайдеггер, а именно, что история раннегреческой философии оценивается через призму учений Платона и Аристотеля [9, с. 29].

Учитывая эту особенность, необходимо осторожнее подходить к оценкам, укоренившимся в учебной литературе и стремиться высказываться по существу дела, не пересказывая устоявшиеся мнения, а если и пересказывать, то так их и называть – мнения. Необходим собственный анализ фрагментов Гераклита (и, конечно, других мыслителей).

Наиболее известен у Гераклита образ реки (нельзя войти дважды в одну реку...), которая символизирует вечно изменяющийся, но остающийся постоянным мир. «Изменяясь, покоится» - говорит Гераклит. Поэтому нельзя односторонне говорить, что философия Гераклита – это учение о становлении мира и только, поскольку всегда Гераклит подчеркивает единство обеих сторон – движения и покоя, преходящего и вечного. Лишь Космос чужд относительности: он вечен и ему присущи абсолютные красота, благо и справедливость.

Поскольку нашей задачей является универсализирующее прочтение выбранных философских текстов, такое, которое позволит вписать их в общий культурно-

исторический контекст становления человека, его *самосознания*, преодолеть их частную форму изложения и ближайшую буквальность, то мы берем эти положения Гераклита в отношении к *сознанию* в первую очередь, и лишь во вторую - к материально-природному миру. Спекуляции на тему непосредственно авторского понимания здесь становятся неуместными. Здесь мы можем только гадать. Но если мы видим, что существует возможность более широкого прочтения текста, иного толкования, чем это было видно (как мы думаем!) во время его создания, то мы признаем это достижением именно автора, сумевшего дать идее ее собственную форму изложения. Собственная форма идеи определяет ее всеобщее звучание и фундаментальный смысл.

Мы констатируем, таким образом, что Гераклит продолжает основополагающую мысль Анаксимандра о соотношении изменения и покоя и ориентирован в целом на утверждение нового видения мира: в *мирское* существование погружено без остатка *исходное* и *мировое* бытие, которое требуется узнать в обыденном и привычном повседневном порядке. С таким ракурсом хорошо соотносится положение Гегеля, что «идея налична и действительна в явлениях, а не где-то за пределами и позади явлений» [1, с. 127]. А что означает утверждаемое совпадение двух уровней действительности с их двойственной истиной? Точка, в которой происходит онтообразующий *поворот* в бытии, ведущий к раздвоению мира и его истины, есть то, что поначалу противопоставляет себя бытию – сознание человека. Сознание, начиная мыслить, раздваивает мир на явления и сущность, и это его способ узнать, что есть оно само.

Но при таком рассудочном подходе сознание так и остается в рамках голого и абстрактного противопоставления себя бытию – либо в рамках подчинения ему, в плохо понятом материализме, либо подходит с позиций первенства, самодостаточности – в идеализме. Чтобы разорвать порочный круг соперничества с бытием – а это соперничество иначе как онтологической игрой Космоса с самим собой не назовешь – сознание понуждается довести свое же разделение до правильного завершения, продолжить разделение уже в рамках рассмотрения нескольких равновеликих истин о мире, нескольких сущностей мира. Если этого не делать, мир заполняется призраками, образованными дурной мифологией не только идеологии, но и науки, и религии, заполняется разного рода *видимостью*, превращенными формами бытия и его деформация мало-помалу становится составной частью реальности. Вывести призраки на свет самосознания, растворить их в истинной мысли – и увидеть всю *относительность* этого растворения, разглядеть их *действительное* место в мире – вот это прозрение разума делает его дальновидным и умеющим эффективно действовать в гармоническом созвучии с Универсумом. Призраки бытия при этом перестают быть *только* призраками и, наконец, получают долгожданное освобождение в своей раскрывшейся истине.

Гераклитовское видение прокладывает путь к Логосу из состояния обыденной повседневности. Из «здесь и сейчас» он предлагает сразу очутиться в вечности и

его собственное внимание умеет совмещать эти два полюса текущего времени-становления и пребывающей вечности-пространства. Состояние совмещения означает доминирование *покоя*, но не как антитезы движению, а в том тонком различении значений, о чем мы вели речь. Гераклитовское видение в окончательной редакции суть не непрекращающееся движение, как его обычно толкуют, а *специфическая форма покоя*. На этом фоне последующая элейская философия есть продолжение мышления в прежних основополагающих канонах вечности и временности, свободы и необходимости.

Библиографический список:

1. Гегель. Наука логики // Энциклопедия философских наук. В 3 – х т. Т. 1. - М.: Мысль, 1974. – 452 с.
2. Гегель. Феноменология духа. - М.: Изд. соц.-экон. лит-ры, 1959. – 440 с.
3. Гегель. Философская пропедевтика // Работы разных лет. В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – С. 7 – 209.
4. Кессиди Ф.Х. Гераклит (мыслители прошлого). - М.: 1982. – 200 с.
5. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произ. В 9-ти т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1984. – С. 1 – 14.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произ. В 9-ти т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1984. - С. 9 – 508.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. – 576 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. - С. 80-101.
9. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. – С. 28-68.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314-356.
11. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. – С. 134-145.

References:

1. Gegel'. Nauka logiki // Jenciklopedija filosofskih nauk. V 3 – h t. T. 1. - M.: Mysl', 1974. – 452 s.
2. Gegel'. Fenomenologija duha. - M.: Izd. soc.-jekon. lit-ry, 1959. – 440 s.
3. Gegel'. Filosofskaja propedevtika // Raboty raznyh let. V 2-h t. T. 2. – M.: Mysl', 1971. – S. 7 – 209.
4. Kessidi F.H. Geraklit (mysliteli proshlogo). - M.: 1982. – 200 s.
5. Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie // Marks K., Jengel's F. Izbr. proiz. V 9-ti t. T. 1. – M.: Politizdat, 1984. – S. 1 – 14.
6. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija // Marks K., Jengel's F. Izbr. proiz. V 9-ti t. T. 2. – M.: Politizdat, 1984. - S. 9 – 508.

7. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vozniknovenija atomistiki. M.: Nauka, 1989. – 576 s.
8. Hajdegger M. Vremja i bytie // Razgovor na prosjolochnoj doroge. M.: Vysshaja shkola, 1991. - S. 80-101.
9. Hajdegger M. Izrechenie Anaksimandra // Razgovor na proselochnoj doroge. M.: Vysshaja shkola, 1991. – S. 28-68.
10. Hajdegger M. Pis'mo o gumanizme // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. – M.: Progress, 1988. – S. 314-356.
11. Hajdegger M. Chto znachit myslit'? // Razgovor na proselochnoj doroge. M.: Vysshaja shkola, 1991. – S. 134-145.

УДК 130.2

Н. А. Безгусько

(к. филос. наук, доцент)

Донецкая академия управления и государственной службы
г. Донецк, Донецкая Народная Республика – Российская Федерация

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные подходы к раскрытию сущности категорий «ценность», «традиция», а также определены социокультурные факторы их формирования. Исследование трансформации духовных ценностей сквозь призму культурно-мировоззренческих картин мира, позволило определить их специфику, роль и значение в определении человеком своего места в мире, понимании и воссоздании идеалов, определении духовных смыслов в различные культурно-исторические периоды развития общества.*

***Ключевые слова:** ценности, традиция, традиционные ценности, мировоззренческая картина мира.*

N. A. Bezgusko

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk Academy of Management and Public Administration
Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL VALUES IN SOCIETY

***Abstract.** The article considers the main approaches to the disclosure of the essence of the categories "value", "tradition", and also defines the socio-cultural factors of their formation. The study of the transformation of spiritual values through the prism of cultural and ideological worldviews made it possible to determine their specificity, role and significance in determining a person's place in the world, understanding and recreating ideals, determining spiritual meanings in various cultural and historical periods of society development.*

***Key words:** values, tradition, traditional values, worldview.*

В современном обществе, которому присущи культурное многообразие и социальная дифференциация, восприятия человеком окружающего мира происходит сквозь призму культурно-мировоззренческих установок, в рамках которых складывается его личность, формируются предпочтения и выстраиваются планы на будущее, а также формируются поведенческие стратегии. Современное состояние общества характеризуется глубокими трансформациями в социальной, политической

и духовной сферах что, в свою очередь, влечет за собой переосмысление всей его нравственно-смысловой составляющей.

В связи со значительными изменениями, произошедшими в культурно-нравственном сознании в последние десятилетия, изменились ценностные ориентации и мировоззренческие установки, что может в конечном итоге оказать значительное влияние на формирование личности индивидов, их национальной идентичности и утрату своих исторических корней.

Категория «ценность» в культурно-нравственной ее интерпретации широко используется не только в философии, но и в социологии, политологии, социальной и культурной антропологии, истории. В философском и научном дискурсе данная категория не раз подвергалась уточнению и переосмыслению, что отражает ее внутреннюю противоречивость, сложность и неоднозначность. В античной и средневековой философии она прочно отождествлялась с онтологическим понятием «благо», а с конца XIX столетия приобрело антропологическую составляющую и стало предметом изучения аксиологии [4]. Значительный вклад в становление аксиологии и выделения ценности в самостоятельную категорию принадлежало представителям неокантианской школы, прежде всего Г. Лотце и В. Виндельбанду, которые не только ввели в научный оборот термин «ценности», но и внесли значительный вклад в становление науки о ценностях как отдельной отрасли философии. Ценности рассматривались ими как «идеальное бытие сознания, как стремление к онтологическому благу, де философия занимается «критикой науки об общеобязательных ценностях» [9, с.132]. В это же время ценности начинают интерпретироваться как экономическое, политическое, моральное, эстетическое и социальное понятия, что было обусловлено достижениями научно-технической революции. Огромный вклад в теоретическую разработку ценностной проблематики этого периода в философии и социологии внесли такие ученые как М. Вебер, Т. Парсонс, П. Сорокин, А. Тоффлер, К. Маркс и другие.

Среди отечественных авторов, занимавшихся разработкой ценностно проблематики следует отметить работы А. Г. Здравомыслова, М. К. Мамардашвили, О. Г. Дробницкого, С. Л. Рубинштейна.

Рассмотрение динамики трансформации традиционных духовных ценностей на современном этапе, в том числе в Российской Федерации, также получили широкое освещение в трудах отечественных социологов, психологов и философов, таких как Е. И. Головаха, К. А. Абульханова-Славская, Т. А. Нестик, А. Е. Шишкин и других авторов, что свидетельствует о неизменном интересе к данной проблематике.

Ввиду сложности и неоднозначности самого понятия «ценность» его непротиворечивое толкование становится весьма проблематичным. Нами ценность будет рассматриваться как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности,

интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [2].

Генезис ценностных представлений тесно соотносится с развитием первых человеческих цивилизаций, формированием норм совместного общежития, что находит подкрепление в обрядовости и первых культах, а также ложится в основу формирования мировоззренческой картины мира данного периода. Мифологическое мышление, характерное для доклассовых и патриархальных обществ, прежде всего было направлено на сохранение баланса в отношениях между людьми и окружающим их миром, содержало ответы на сакральные вопросы о благе и справедливости. Данные установки находили свое проявление в поступках, жизненных целях и поведении людей. Миф постепенно становится не только способом осмысления мира, но и самопознания человеком самого себя, его окультуривания.

С течением времени на смену мифологической картины мира приходит религиозная, в основе которой заложена вера в высшего Бога-Абсолюта. Религия, в частности христианство, не только отражает произошедшие в обществе социально-экономические трансформации, но и закрепляет их в непререкаемых религиозных установках и нормах поведения. Религиозная картина мира формирует модель действительности, созданную на основе веры в Бога, как источнике всякого блага, высшей духовной ценности, определяющим и регламентирующим жизнь человека, предлагает целостное представление о человеке, воссоздает идеал того, каким человек хотел бы быть. Поскольку природа человека двойственна, только духовностью через искупление греховности плоти можно достичь приближения к Создателю. Религия оказывает значительное влияние на культуру, право, мораль, систему экономических отношений, формирует устойчивые формы поведения практически во всех сферах социального взаимодействия.

Ключевыми элементами мифологического и религиозного мировоззрения становятся традиции. Прежде всего они связаны с закономерностями поведения, передающимися из поколения в поколение. Традиция понимается как «анонимная, стихийно сложившаяся система образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей» [7]. Можно утверждать, что традиции являются элементами общего культурного наследия, они присущи определённым социальным классам и социальным группам, охватывают материальные и духовные ценности [там же]. К ним относятся не только обычаи и обряды. Традиции представляют собой более широкие установки поведения, нормы, ценности, идеи, обычаи и т.д. В классовом обществе традиции также приобретают классовую окраску, что порождает их множественность и противоречивость, что также оказывает влияние на общенациональное наследие. Поскольку в различных социальных группах и классах традиции разнятся, они могут быть дифференцированы на те, которые разделяются большинством населения (позитивные) и те, которые отвергаются (негативные) [8].

Процесс перехода от традиционных обществ к современным и постиндустриальным закономерно сопровождается глубокой трансформацией традиционных ценностей. Современные картины мира, многообразны и противоречивы, а общество характеризуется повышением динамики социальных процессов, сопровождающейся усилением информационных потоков, повышением уровня социальной напряженности и как следствие возрастанием неопределенности и неустойчивости существования человека, как в природной, так и в социальной среде. Усложняющаяся структура общества, возникновение новых видов реальности, в частности виртуальной, мультикультурализм, утрата связи с прошлым, неопределенное будущее – все это приводит к значительным изменениям в культурно-нравственном сознании, переосмыслению ценностных ориентаций и мировоззренческих установок, формированию новых форм возможных типов поведения в процессе социализации индивидов. В сложившихся условиях именно культурно-мировоззренческие установки и традиции, присущие тому или иному региону, нации или народу, могут выступать в качестве определенного «фильтра», благодаря которому формируются конкретные формы поведения и мышления, определяются ценностные нормативы, жизненные цели и формируются поведенческие стратегии их достижения. При этом следует учитывать, что в условиях глобализирующейся социальной реальности, а также кризисных явлений, связанных с переустройством и перераспределением центров влияния, происходят и процессы переосмысления ставших уже привычными значений, установок, регулирующих социальные взаимоотношения в рамках ценностно-нормативных установок, формируются жизненные цели и определяются приемлемые средства их достижения, оправдывающие предписываемую им деятельность [1].

Однако, ошибочным было бы утверждение о том, что традиционные нормы и ценности в условиях социальных трансформаций полностью нивелируются и исчезают. Напротив, по мнению некоторых исследователей, «традиционные ориентиры, ментальные программы, встраиваясь в ткань современных ценностных систем, влияют на решение политических, экономических, социальных задач, успех-неуспех общественных преобразований, сдерживание процессов общественной дезорганизации» [4]. Также можно отметить, что в периоды социальных изменений и связанных с ними культурных разломов, а также преобладания социальной напряженности и неопределенности, страхом перед будущим, отсутствием предопределенности, повышается запрос в обществе на уже проверенные временем и оправдавшие себя традиционные нормы и ценностные ориентиры. Именно они могут способствовать предупреждению и снятию опасности конфликтов, повышать эффективность социальной регуляции необходимой для мобилизации сил людей, имеющей внутренний, добровольно-инициативный характер. В таких условиях неизменно повышается интерес к традиционной национальной духовной культуре, сохранившейся на протяжении истории.

В данном контексте духовно-нравственные ценности могут пониматься как «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [5]. Сохранение традиционных духовных ценностей в условиях глобальной универсализации, повсеместного насаждения либерально-демократической повестки западными странами, встречает неприятие и противление во многих государствах, в частности в Российской Федерации. Здесь на уровне государства проводится политика сохранения и повсеместной популяризации традиционных ценностей и норм. Достаточно четкое определение, отвечающее сегодняшним реалиям, тому, что относится к традиционным ценностям можно найти в Указе Президента Российской Федерации, согласно которому в нашей стране таковыми можно считать: «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [6]. Из самого факта подписания данного документа следует, что на уровне государственной политике сегодня огромное внимание уделяется сохранению и распространению традиционных ценностей, особенно в молодежной среде, а также формированию традиционного мировоззрения. К таким ценностям прежде всего относятся сохранение прав и свобод человека, патриотизм, гражданственность, приверженность традиционным семейным ценностям и др., которые имеют глубокие культурно-исторические корни. Одной из специфических черт русской философской и культурной традиции, оказывавшей влияние на формирование духовно-нравственных норм на протяжении веков, особенно на ранних этапах ее существования, стала тесная взаимосвязь с религиозной традицией.

Само развитие философии на территории Руси было сопряжено с принятием восточно-православной традиции, которая легла в основу русской религиозно-философской парадигмы. Философско-антропологическая проблематика русской философии в большей степени была ориентирована на поиски нравственно-этических оснований бытия человека, праведное существование, духовное самосовершенствование. Также поднималась проблематика дуальности человеческой природы и сущности, бессмертия души и возможности уподобления Богу. Так же, как и в западной, в русской философии утвердились представления о том, что человек как результат божественного творения обладает бессмертной душой и материальной плотью, а жизненный путь человека должен быть направлен на постоянное духовное и нравственное самосовершенствование и на стремление приблизиться к Творцу.

Русская культура и философия отвергают идею индивидуализма, присущую Западу и развивают учения о человеке как части природы, его сопричастности к миру, о значении отдельной личности, раскрываемые на основе принципа всеединства. В отличие от западной философской мысли, образ человека в русской антропологии все же ближе к восточной традиции, ему присуще стремление к гармонизации с природой и окружающим миром, основанные на принципе всеединства [3].

Таким образом, для славянской культурно-мировоззренческой парадигмы, во многом определяющей становится идея духовного саморазвития человека, наделение его высоконравственными качествами. В отличие от западной религиозной концепции, человек не рассматривается только как творение Бога, но и наделяется свободой воли в рамках выбора нравственной позиции, что также характерно и для восточной религиозно-философской доктрины.

Подводя итог, следует отметить, что проблематика духовно-ценностных ориентаций традиционно рассматривается как философском, так и социально-гуманитарном дискурсе. В результате анализа основных подходов к пониманию категории «традиция» и «ценность», нами установлено, что на формирование духовности, человеческих норм и ценностей определяющее значение имеет та культурно-мировоззренческая матрица, в рамках которой происходит формирование целостного представления человека о мире и своем месте в нем, формируются поведенческие установки и духовные смыслы человеческого существования. Со смелой культурно-мировоззренческой картины мира происходит и постепенная трансформация духовно-нравственного сознания людей, социальных групп и общества в целом. В условиях современного глубокого социального и глобального духовного кризиса, возвращение к традиции имеет большое значение, а мероприятия, направленные на сохранения и популяризацию традиционных ценностей, не только способствуют их сохранению и преумножению, но и становятся основой для формирования устойчивых нравственных ориентиров и ценностных установок, лежащих в основе поведения и мышления человека в современном обществе.

Библиографический список:

1. Безгусько Н.А. Ценностный аспект изучения смысложизненных стратегий молодежи / Н. А. Безгусько // Научный аспект. – 2024. - №6. – С. 236-244.
2. Большой толковый словарь по культурологии / сост. Б. И. Каноненко – [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm>. – Загл. с экрана.
3. Зырина, Я. А., Безгусько, Н. А. Интерпретации образа человека в мировоззренческих картинах мира: социально-философский анализ / Я. А. Зырина, Н. А. Безгусько // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2021 года / Отв. редактор к. фи-лос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. – С.46-54.

4. Рассадина Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян: автореф. дис. ... доктор. социол. наук: 22.00.06 / Рассадина Татьяна Анатольевна. – М., 2005. – 46 с.
5. Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 731 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502>
7. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
8. Философский энциклопедический словарь /Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983 – 839 с.
9. Шишкин А. Е. Трансформация ценностей в контексте национальных и цивилизационных разломов / А. Е. Шишкин // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2021. – Т. 21, – № 2. – С. 130–140.

References:

1. Bezgus'ko N.A. Cennostnyj aspekt izuchenija smyslozhiznennyh strategij molodezhi / N. A. Bezgus'ko // Nauchnyj aspekt. – 2024. - №6. – S. 236-244.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii / sost. B. I. Kanonenko – [Jelektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm>. – Zagl. s jekrana.
3. Zyryna, Ja. A., Bezgus'ko, N. A. Interpretacii obraza cheloveka v mirovozzrencheskih kartinah mira: social'no-filosofskij analiz / Ja. A. Zyryna, N. A. Bezgus'ko // Filosofija i kul'tura v gumanitarnom diskurse. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii 27-28 aprelja 2021 goda / Otv. redaktor k. fi-los. nauk, doc. Sulimov S. I. – Voronezh: Voronezhskij CNTI – filial FGBU «RJeA» Minjenergo Rossii, 2021. – S.46-54.
4. Rassadina T.A. Transformacii tradicionnyh russkih cennostej v npravstvennyh orientacijah rossijan: avtoref. dis. ... doktor. sociol. nauk: 22.00.06 / Rassadina Tat'jana Anatol'evna. – М., 2005. – 46 с.
5. Slovar' filosofskih terminov / Nauch. red. prof. V. G. Kuznecova. – М.: INFRA-М, 2013. – 731 с.
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-npravstvennyh cennostej» – [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502>
7. Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. A. A. Ivina. – М.: Gardariki, 2004. – 1072 с.
8. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' /Gl. redakcija: L. F. Il'ichjov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovaljov, V. G. Panov. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983 – 839 с.
9. Shishkin A. E. Transformacija cennostej v kontekste nacional'nyh i civilizacionnyh razlomov / A. E. Shishkin // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki. – 2021. – Т. 21, – № 2. – S. 130–140.

П о л и т и ч е с к и е н а у к и

УДК 101.1

С. В. Дрожжина

(д. филос. наук, профессор)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика – РФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО (к 160-летию со дня рождения)

***Аннотация.** Работа посвящена 160-летию со дня рождения русского экономиста, социолога, историк М. И. Туган-Барановского. Представлено развитие политических взглядов ученого от приверженности идеям марксизма до сотрудничества с Центральной Радой и Директорией. Противоречивость политических идей и действий отразилась в научных трудах одного из величайших экономистов XX столетия и предопределила социальное бессмертие выдающейся личности – Михаила Ивановича Туган-Барановского.*

***Ключевые слова:** марксизм, оппортунизм, народники, субъективный реализм, объективный реализм, диалектический материализм, промышленные кризисы, кооперация.*

S. V. Drozhzhina

(Doctor of Philosophy, Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic – Russian Federation)

POLITICAL VECTORS OF SCIENTIFIC CREATIVITY OF M. I. TUGAN-BARANOVSKY (on the 160th anniversary of his birth)

***Abstract.** The work is dedicated to the 160th anniversary of the birth of the Russian economist, sociologist, and historian M.I. Tugan-Baranovsky. The development of the scientist's political views from adherence to the ideas of Marxism to cooperation with the Central Rada and the Directory is presented. The contradictory nature of political ideas and actions was reflected in the scientific works of one of the greatest economists of the twentieth century and predetermined the social immortality of an outstanding personality - Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovsky.*

***Key words:** Marxism, opportunism, Narodniks, subjective realism, objective realism, dialectical materialism, industrial crises, cooperation.*

В январе 2025 года исполняется 160 лет со дня рождения русского экономиста, социолога, историка Михаила Ивановича Туган-Барановского, труды которого со второй половины 20-х годов XX века до 1989 года в Советском Союзе не издавались. Об этом известном в научном мире экономисте написано, к сожалению, крайне мало. К счастью, сын Михаила Ивановича Туган-Барановского (Михаил Михайлович Туган-Барановский) оставил мемуары, которые легли в основу труда Джучи Михайловича Туган-Барановского (внука Михаила Ивановича), посвященного деду. Будучи студентом исторического факультета Саратовского университета, Джучи Михайлович изучал труды своего знаменитого деда и слушал, как лекторы называли М.И. Туган-Барановского «оппортунистом», «кадетским профессором», «открытым апологетом капитализма», «хотя сам он до конца своих дней считал себя социалистом и строил различные планы социалистического переустройства» [5, с. 4].

Д. М. Туган-Барановский в своей монографии [6, с. 8] пишет об изучении отношений М. И. Туган-Барановского и В. И. Ленина академиком Н.Г. Чумаченко, который выбрал из трудов Владимира Ильича эпитеты, предназначенные Туган-Барановскому: «кадетский профессор», «прислужник буржуазии», «либеральный профессор», «редкостно тупой», «образцовый эклектик», «вульгарный экономист», «тупость», «невежество», «недобросовестность», «уничтожение социализма» и т.п., в то время, как книги М. И. Туган-Барановского издавались в Англии, Германии, Италии, США, Франции, Японии. «В 1924 г. на XIII съезде ВКП(б) с возмущением говорилось, что советские студенты изучают политэкономия «по учебникам М.И. Туган-Барановского», и только в 1926 г. эти учебники были изъяты из вузовских библиотек» [6, с. 7].

Джучи Михайлович пишет, что в 30-50-е годы у отца возникали сложности с государственными и партийными чиновниками даже из-за фамилии (приходилось подписываться «М. Туган»), но однажды Михаил Михайлович сказал: «Я из-за своего отца имел в основном одни неприятности, но мой сын и его дети, их дети будут гордиться тем, что был мой папа» [5, с. 5].

Только в 1989 г. была издана книга «Социальные основы кооперации». С этого момента начинается публикация книг знаменитого во всем мире ученого.

Архив М. И. Туган-Барановского не сохранился, в том числе второй том научной работы «Русская фабрика». Библиотека Туган-Барановского была вывезена немцами из Украины во время первой мировой войны. Она насчитывала, по словам Джучи Михайловича, 40 тыс. томов.

Ученый, имя которого замалчивалось долгие десятилетия, более того, фамилия которого была нежелательной даже для его сына по политическим причинам, заслуживает самого пристального, внимательного изучения как в формате его трудов, так и в смысле картины мира, ценностных ориентиров, политических векторов личности.

Но какой бы значимой ни была личность «мы не можем понять, а следовательно, не должны рассматривать личность, как бы она не была велика, вне общественной среды, в которой сложилась и действовала эта личность» [4, с. 8], поскольку общественная среда – это не фон для личности, а бурно протекающие процессы, активно влияющие на формирование, развитие личности.

Следовательно, изучение жизни и научного пути М. И. Туган-Барановского невозможно без ссылок на историческую, общественно-политическую, экономическую, культурную среду. В то же время и общественную жизнь необходимо рассматривать сквозь призму личностей, знаковых для своего времени: «...Рассматривая общественные процессы сквозь призму темперамента личности, мы в силу своеобразия каждой личности и вытекающих отсюда особенностей преломления общественных явлений в личных переживаниях и действиях получаем в результате более многогранное и глубокое представление об этих процессах» [4, с. 10].

Михаил Иванович Туган-Барановский родился 8 января 1865 г. Отец его – отставной штаб-ротмистр гусарского полка Иван Якубович Туган-Барановский.

В конце XIX – начале XX века в России в дворянских семьях часто происходил раскол на сторонников революции и сторонников самодержавия. Семья Туган-Барановских не была исключением. Брат Михаила Ивановича – Николай Иванович стал сенатором, товарищем министра путей сообщения. Одна сестра Михаила Ивановича – Людмила вышла замуж за Д. Н. Любимова (губернатор Вильно); вторая, Елена, – за очень богатого человека – Г. Нитте.

Жизнь же Михаила Ивановича Туган-Барановского сложилась совсем иначе. «В 1883 г. он поступил на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Вероятно, именно университет и сама обстановка столицы России сыграли наибольшую, роль в его общественном определении», – пишет Джучи Михайлович [5, с. 17]. Кондратьев Н.Д. (самый преданный ученик Михаила Ивановича) пишет, что научная работа давалась Михаилу Ивановичу чрезвычайно легко, без труда, «доставляя величайшее интеллектуальное наслаждение» [4, с. 19].

Среди университетских товарищей М. И. Туган-Барановского были В.В. Вересаев, А. С. Чеботарев, Александр Ульянов. Именно знакомство с Александром Ульяновым привело к сближению Михаила Туган-Барановского с членами «Террористической фракции «Народной воли»».

Во время организованной студентами панихиды на Волковом кладбище по случаю 25-летия со дня смерти Н. Добролюбова М. И. Туган-Барановский оказался в списке особо неблагонадежных (кроме этого, фамилия была еще и подчеркнута) и был задержан полицией. 20.11.1886 г. он и еще пятеро студентов были отправлены в Дом предварительного заключения, после чего Михаил Туган-Барановский был выслан в Харьковскую губернию, в имение отца. Далее последовало исключение Туган-Барановского из Петербургского университета.

И это удержало М.И. Туган-Барановского от участия в подготовке царевубийства террористической фракции «Народной воли», за что А. Ульянов, П. Шевырев, П. Андреюшкин, В. Генералов и Осипанов были казнены.

Джучи Михайлович пишет, что дед признавался: «Высылка спасла мне жизнь» [5, с. 27].

Иван Яковлевич (отец Михаила Ивановича) способствовал продолжению обучения сына в Харьковском университете. Но и в Харькове из-за неблагонадежности поведения М. И. Туган-Барановский пребывал под постоянным надзором полиции.

Университет Михаил Иванович закончил в 1889 году (естественный факультет и экстерном – юридический). Политэкономия увлекла ученого в Харьковском университете. Михаил Иванович «тщательно проработал не только 1-ый том «Капитала», но и 2-ой, и 3-ий... Читал эти книги, конечно, в подлиннике. Вообще... знал пять языков и практически на всех пяти говорил» [5, с. 34].

Первая работа М. И. Туган-Барановского «Учение о предельной полезности» опубликована в 1890 г. После этого опубликованы одна за другой книги об известнейших деятелях социалистического и общественного движения – о П. Ж. Прудоне и о Дж. Милле.

Михаил Иванович «жил ... в эпоху первых ярких побегов русского капитализма и споров о путях развития России. И чисто научный интерес, и политический энтузиазм, и приверженность к своей доктрине – все это толкало его к исследованию специально русского капитализма» [4, с. 38].

«Начало 90-х годов... Россия вплеталась тесными нитями в сеть мирового хозяйства, обнаруживая мощные и яркие признаки капиталистического развития... Доселе господствовавшее старое народническое мировоззрение с его верой в возможность «особого пути» общественного развития России, в «народные формы» мелкой кустарной промышленности уступало шаг за шагом свои позиции перед новым течением – марксизмом» [4, с. 33].

В 90-е годы XIX века, во времена бурных споров марксистов и народников, М. И. Туган-Барановский и его друг П. Б. Струве были на стороне марксистов. Для них «каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна» [5, с. 43].

Эти слова приведены из воспоминаний А. Тырковой-Вильямс. Но Джучи Михайлович Туган-Барановский считает, что М.И. Туган-Барановский, и П. Б. Струве, будучи увлечены марксистской теорией, не всё разделяли в ней. Впоследствии, как пишет Джучи Михайлович, П. Б. Струве «развивался по пути апологии капитализма как несущего прогресс для России. ... М. И. Туган-Барановский не прекращал поиски наиболее совершенной социалистической организации общества» [5, с. 45], все более отходя от марксизма, особенно в вопросе абсолютизации Марксом роли производительных сил в историческом процессе. По мнению М. И. Туган-Барановского, сами производительные силы зависят от социальной сферы. Народничество и марксизм отмечались «и в сфере философских воззрений. ... Народничество стояло... на позиции субъективного реализма, марксизм стоял на крайней

позиции объективного реализма, на позиции диалектического материализма» [4, с. 39].

Мировую известность экономисту М. И. Туган-Барановскому принесла книга «Промышленные кризисы в современной Англии» (1894 г.), которая издавалась во всех передовых странах мира. Очень большое внимание ее изучению уделил В. И. Ленин. Но «...работы о кризисах и фабрике дали выводы, быть может, неожиданно для самого автора далеко не во всем укладывавшиеся в схему марксизма» [4, с. 41].

В 1898 г. М. И. Туган-Барановский защитил в МГУ докторскую диссертацию (работа «Русская фабрика»). Сама защита имела огромный общественный, политический резонанс, побудила народников и марксистов к новой волне непримиримых идеологических сражений.

Джучи Михайлович ссылается в своей работе на воспоминания очевидца защиты студента В. И. Пичета: «... Диспутант принес сугубое разочарование народникам и победу марксистам... Провозглашение Туган-Барановского доктором политической экономии было встречено громом аплодисментов всего зала, который продолжал рукоплескать, когда диспутант проходил через весь зал к выходу ...» [5, с. 47–48].

Знакомство М. И. Туган-Барановского с В. И. Лениным и П. Б. Струве произошло в конце февраля 1894 г. Статьи В. И. Ленина часто печатались в журналах, основанных и редактируемых Михаилом Ивановичем и Струве П. Б. («Новое слово», «Начало»). М. И. Туган-Барановский опубликовал в «Новом слове» пять статей по проблемам русской фабрики. Но в этих журналах, кроме экономистов и политиков, печатались М. Горький, В. Вересаев, публиковались переводы произведений Э. Золя. Кстати, журнал «Начало» имел подзаголовок – «Журнал литературы, науки и политики». Из-за высокого уровня популярности журнал был закрыт по решению правительства.

В 1899 г. правительство закрыло и журнал «Начало», в котором печатались «писатели Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Гарин; историки Е. В. Тарле, А. Дживилегов; социал-демократы В. И. Ленин, П. Маслов... И разумеется, среди авторов были П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Франк и другие представители русской интеллигенции... Журнал впервые на русском языке напечатал отрывки из семейной переписки К. Маркса и статью Ф. Энгельса...» [5, с. 55].

Печатался в журнале «Начало» и В. И. Ленин, хотя «осуждал редакцию журнала за чрезмерный... плюрализм в выборе авторов» [5, с. 56].

К этому времени относится резкое ухудшение отношений М. И. Туган-Барановского и П. Б. Струве с В. И. Лениным. Это было связано со статьей Михаила Ивановича «Основная ошибка абстрактной теории К. Маркса», выводы которой ставили под сомнение некоторые идеи Маркса. «Вообще у В. И. Ленина М. И. Туган-Барановский упоминается около 100 раз. Если до 1899 г. В. И. Ленин оценивает его нейтрально или положительно, то с 1899 г., когда он выступает с критикой марксизма, отношение к нему становится резко враждебным» [6, с. 8].

В начале XX в. «в недрах ортодоксального марксизма начинается кризис, появляются признаки ревизионизма. ... Наметившийся сдвиг к пересмотру позиций, к ревизионизму и идеализму не прошел бесследно для Михаила Ивановича. Наоборот, прослеживая шаг за шагом его работы, мы видим, как последовательно он переживает такой же идейный кризис» [4, с. 40].

В. И. Ленин призвал к размежеванию и борьбе с критиками марксизма. Михаил Иванович, переживая разногласия с В. И. Лениным, писал в 1905 г. в книге «Теоретические основы марксизма»: «Моя критика не направлена против Маркса как представителя отдельных социальных идеалов... Я хотел бы лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию...» [5, цит. по с. 59].

В конце концов непримиримая позиция В. И. Ленина привела к полному разрыву отношений. По настоянию В. И. Ленина ни М. И. Туган-Барановский, ни П. Б. Струве в «Искре» не печатались, хотя при ее создании на Псковском совещании в 1900 г. присутствовали.

После лишения права преподавать в вузах Петербурга в виду политической неблагонадежности (1899 г.) и ареста за участие в демонстрации протеста у Казанского собора (4 марта 1901 г.) М. И. Туган-Барановский поселился в с. Лохвицы Полтавской губернии, где проживал до 1905 г. В эти годы он подготовил работы по экономике, которые, кроме того, имели огромное общественно-политическое значение: 1900 г. – «Очерки из новейшей истории политической истории политической экономии и социализма», 1905 г. – «Теоретические основы марксизма» (два издания). А уже после полтавского периода жизни: 1906 г. – «Современный социализм в его историческом развитии» и «Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы», 1909 г. – полный курс лекций «Основы политической экономии».

Джучи Михайлович цитирует Д. Н. Овсяннико-Куликовского по поводу названных выше работ: «М. И. Туган-Барановский от марксизма «ортодоксального» и «еретического» прямо перешел к самостоятельному творчеству, и в его книгах и статьях современная социалистическая мысль получила глубоко оригинальное выражение» [5, с. 78].

Высказывает свое мнение Джучи Михайлович и по вопросу отхода М.И. Туган-Барановского от марксизма: «От марксизма и тем более от большевизма М. И. Туган-Барановского отталкивала теория классово-борьбы и неверие в близкий крах капитализма. Хотя он полагал, что капитализму будет нанесен удар, но это произойдет на определенном высоком уровне развития экономики и производительных сил. Кроме того, он критиковал марксизм с этических позиций... С этим также был связан его интерес к философии Канта» [5, с. 79].

В своем письме П. Струве Михаил Иванович писал, что у него складывается свое философское мировоззрение, в основе которого учение Канта. В письме Кузько П.А. Михаил Иванович пишет: «... Меня удивляет быстрота и решительность суждений о Канте. Вы считаете возможным просмотреть в короткое время и уже

заранее составили свое мнение, а я на него употребил целый год, перечитал «Критику чистого разума» семь раз, а прочие работы раза по четыре» [5, с. 126].

К сожалению, философских трудов у Михаила Ивановича нет. Он писал П.Б. Струве: «Меня очень интересует философия, но писать на философскую тему я еще буду не скоро. Нужно еще выступить в качестве философа» [5, с. 118]. Но и этой теме он уделял внимание: написал предисловие к русскоязычному переводу книги К. Форлендера «Кант и Маркс: очерки этического социализма». В философии Канта М.И. Туган-Барановского чрезвычайно привлекала проблема верховенства ценности человеческой личности, понимание И. Кантом нравственности как одного «из самых существенных факторов общественной жизни, общественного развития и исторического прогресса, мораль заключается в добровольном самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий членов общества с чувствами, стремлениями и действиями сограждан, их интересом и достоинством всего общества в целом. Нравственное чувство – некоторая ощущаемая зависимость частной воли от общей» [3, с. 309]. Истинно нравственным и, соответственно, моральным философ считал такое отношение к окружающим, когда желание делать добро не связывается с той или иной причиной, а является органичной потребностью творения добра ради добра, как некоторый естественный душевный порыв.

Исходя из этого, Туган-Барановский судил об этической стороне марксизма:

- «вся система общественной философии марксизма проникнута принципиальным отрицанием этики. Внеклассовую этику марксизм признает предрассудком, а классовая этика есть внутренняя невозможность. И поэтому марксизм вполне последовательно ставит на место морали классовый интерес. Получается очень стройное социологическое построение, в котором для этики в собственном смысле слова места нет. И если на практике марксизм не в силах удержаться на этом принципиальном аморализме, то в теории он твердо стоит на этой позиции»;

- «я никак не могу считать аморализм марксизма настолько несущественным элементом марксистской теории, что теория эта может быть просто дополнена этической точкой зрения и не изменит своей внутренней природы»;

- «признание внеклассовой морали несовместимо с материалистическим пониманием истории и с классовой точкой зрения – ибо, если этика для всех общественных классов одна, значит, есть нечто высшее, чем классовый интерес, значит, классовый интерес не играет такой преобладающей роли в общественной жизни, как это думали творцы материалистического понимания истории»;

- «марксисты прекрасно понимают, что дополнить материалистическое понимание истории Канта значит в корне разрушить стройность марксистской теории»;

- «этическая точка зрения Канта не может быть примирена с аморализмом Маркса» [7].

Внимательное прочтение работы «Кант и Маркс» заставляет задуматься о научном предвидении Туган-Барановским репрессий времен сталинизма, поскольку признание классового характера морали и есть оправдание политических ре-

прессий. Джучи Михайлович пишет: «Рассуждения В.И. Ленина о классовом характере морали привели к новым понятиям «революционное правосознание», «революционная целесообразность», «диктатура пролетариата – это власть, не связанная никакими нормами» и т.д., которые и послужили оправданием политических репрессий после Октября 1917 г.

Создавая свою модель «этического социализма», М. И. Туган-Барановский говорил, что если отбросить тезис об абсолютной ценности человеческой морали, то все демократические требования «нашего времени окажутся простым разглагольствованием». Подобные утверждения шли вразрез с постулатами социализма. Не случайно В. И. Ленин называл Ф.М. Достоевского «архи-скверным», а Н. И. Бухарин в 1913 г. писал, что в трудах М. И. Туган-Барановского «кроме этической болтовни», «которую всерьез принимать невозможно, мы не находим ровно ничего» [5, с. 81].

Таким образом, отход М. И. Туган-Барановского от марксизма был связан не только с научной позицией ученого, но и в огромной степени с его представлениями о морали, нравственности. «В 1904 г. в журнале «Мир Божий» появляются его статьи «Психические факторы общественного развития», «Борьба классов как главнейшее содержание истории», а в журнале «Новый путь» – «Крушение капиталистического строя как научная проблема» и др. Существование этих статей с различными изменениями и дополнениями составило затем работу Михаила Ивановича «Теоретические основы марксизма». В ней, как и в статьях, Михаил Иванович развивает взгляды, близкие к марксизму, но отличные от него. На Михаиле Ивановиче уже отчетливо видны влияние философии Канта, более сильное, чем ранее, влияние австрийской школы экономистов...» [4, с. 43].

В 1905 г. М. И. Туган-Барановский вернулся на кафедру Петербургского университета. Кроме того, работал и в других университетах. Везде пользовался огромным уважением, авторитетом. Джучи Михайлович пишет, что Михаил Иванович читал лекции в актовом залах, поскольку аудитории не вмещали желающих. В семинарах М. И. Туган-Барановского обучалось несколько сот человек.

В Петербург Михаил Иванович переселился окончательно только в 1911г. Внимание полиции к ученому было пристальным, в том числе из-за точных научных прогнозов, основанных на экономическом анализе (он предсказал кризис в России 1899 г., в Германии – 1901 г., в Америке – 1907 г., а также Первую мировую войну).

Наступившие годы реакции побуждают вообще некоторый уклон к теоретическим вопросам, к проблемам идеализма, религии, искусства. И мы видим в это время Михаила Ивановича, с одной стороны, за попыткой более или менее систематически изложить свои социально-экономические воззрения, в результате чего появились его «Основы политической экономии» (1909); с другой стороны, он выступает с рядом статей по вопросам общественной морали и общественного идеала. Эти статьи затем вошли в сборник «К лучшему будущему» (1912). Среди них

необходимо в особенности отметить «Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского)», «Русская интеллигенция и социализм» (по поводу сборника «Вехи»), «Кант и Маркс» (по поводу сборника статей Форлендера о Канте и Марксе) [4, с. 44].

Перед первой мировой войной Михаил Иванович «увлекается кооперативным движением» [4, с. 45] – статьи «В поисках нового мира» (1913 г.), «Социальные основы кооперации» (1916 г.).

В 1916 г. был напечатан один из главных трудов Михаила Ивановича – «Социальные основы кооперации». Февральскую революцию 1917 г. М. И. Туган-Барановский принял восторженно. Однако с приездом в Петербург В. И. Ленина в апреле 1917 г., Михаил Иванович стал опасаться военной диктатуры. Революция 1917 г. вновь подняла вопрос о земельной реформе. Появились статьи Михаила Ивановича «Социализм как положительное учение» (1917), «О кооперативном идеале», «Русская земельная реформа и кооперация».

В это время он усиленно работает над анализом всех теорий социализма, что вылилось в известнейший труд – «Социализм как положительное учение». Изучать этот труд следует основательно, вдумчиво. Джучи Михайлович приводит в «Биографическом очерке» фразу из этой работы, которая является стимулом к изучению этого исследования не только экономистом, но и любым мыслящим человеком: «В неподготовленной социальной среде социализм, вместо того чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты» [5, с. 98]. В этой работе Михаил Иванович, по сути, изложил план НЭПа, поскольку не верил, что Россия в ближайшем будущем станет социалистической страной.

«Михаил Иванович приветствовал революцию... Затем, когда начался период коренного перелома в центре и взрыв национально-сепаратистских устремлений на окраинах, он увлекается потоком украинофильского движения» [4, с. 47].

В августе 1917 г. М. И. Туган-Барановский принял предложение Семёна Петлюры возглавить руководство финансами в Центральной Раде, отказав в таком же предложении главе крымско-татарского Курултая.

После падения Центральной Рады Михаил Иванович приехал в Москву (январь 1918 г.), где читал лекции, председательствовал в совете кооперативных съездов. Но в июле 1918 г. он вновь вернулся в имение в Лохвице. Украина была оккупирована немцами. Потом переехал в Киев, получил кафедру в университете, стал деканом юридического факультета. М. И. Туган-Барановский начал работу по созданию Украинской Академии наук, возглавил в ней социально-экономическое отделение. В это время он закончил работу «Влияние политэкономии на естествознание и философию».

Михаил Иванович принял предложение председателя Украинской Директории Винниченко возглавить финансовую миссию, направлявшуюся во Францию. По

дороге в Одессу М. И. Туган-Барановский умер в поезде 8 января 1919 г. (около станции Затишье). Ему было 54 года. Похоронен в Одессе.

Чем более углубляешься в изучение биографии Михаила Ивановича Туган-Барановского, тем более понимаешь, что гениальность его как ученого была вызвана и общественно-политической обстановкой, и сложным генетическим фоном, и особенностями характера, таившего по воспоминаниям многих современников, особенно Кондратьева Н.Д., черты детской наивности. Он был блестящим ученым, но не сплотил вокруг себя последователей, учеников. Он был человеком необыкновенной доброты и душевности, умевшим горячо любить, обожавшим детей, но многие не любили его за холодность и эгоизм. Он писал, что устал от общественной деятельности, считая это участием в ярмарке тщеславия, но согласился на сотрудничество с Центральной Радой и Директорией. Он был потомком польских татар, но пошел на службу в правительство Петлюры. Однако, при всей своей противоречивости Михаил Иванович Туган-Барановский – ярчайший ученый-экономист, имя которого носит старейший университет Донбасса – Донецкий национальный университет экономики и торговли.

Завершить рассказ о М.И. Туган-Барановском хочется словами его преданного ученика: «Различные люди обладают различной степенью социального бессмертия... Социально выживают лишь единицы, которые, как светлые точки, горят разноцветными и различной силы огнями на горизонтах прошлого и которых мы подводим под категорию выдающихся личностей. Михаил Иванович должен быть отнесен и будет отнесен к числу последних» [4, с. 8].

Библиографический список:

1. Баркова, Э. В. Экофилософская картина мира в историко-персонологическом освоении культурного наследия / Э.В. Баркова // Сахаровские чтения 2020 года: экологические проблемы XXI века : материалы 20-й междунар. науч. конф., 21–22 мая 2020 г., г. Минск, Респ. Беларусь: в 2 ч. / Междунар. гос. эколог. ин-т им. А.Д. Сахарова Белорус. гос. ун-та; редкол.: А.Н. Батян [и др.]. – Минск, 2020. – Ч. 1. – С. 7–10. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/251149> (дата обращения: 23.05.2024).
2. Иконникова, С.Н. История культурологических теорий / С.Н. Иконникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 477 с.
3. Кант, И. Трактаты и письма / Иммануил Кант; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1980. – 710 с. – (Памятники философской мысли).
4. Кондратьев, Н.Д. Михаил Иванович Туган-Барановский / Н.Д. Кондратьев. – Петроград: Колос, 1923. – 152, [2] с. – (Биографическая библиотека) // Викитека. – [Б. м.], 2023. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Михаил_Иванович_Туган-Барановский_\(Кондратьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Михаил_Иванович_Туган-Барановский_(Кондратьев)) (дата обращения: 23.05.2024).
5. Туган-Барановский, Д.М. Михаил Иванович Туган-Барановский: биографический очерк / Д.М. Туган-Барановский; Донец. нац. ун-т экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского. – 2-е изд. – Донецк: ДонНУЭТ, 2009. – 130 с.

6. Туган-Барановский, Д.М. Туган-Барановский Михаил Иванович: жизнь и идеи: монография / Д.М. Туган-Барановский. – Волгоград: Издатель, 2015. – 320 с.
7. Туган-Барановский, М.И. Кант и Маркс: по поводу русского перевода сборника статей Форлендера о Канте и Марксе / М.И. Туган-Барановский // Викитека. – [Б. м.], 2024. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Кант_и_Маркс_\(Туган-Барановский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Кант_и_Маркс_(Туган-Барановский)) (дата обращения: 23.05.2024).
8. Хрушов-Сокольников, Г.А. Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы: исторический роман-хроника / Г.А. Хрушов-Сокольников. – [Б. м.]: Харвест, 1889. – 667 с. – ISBN 978-985-18-4504-6 // ЛитРес. – Москва, 2021. – URL: <https://www.litres.ru/book/gavriil-hruschov-sok/grunvaldskiy-boy-ili-slavyane-i-nemcy-istoricheskij-r-63521081> (дата обращения: 27.03.2024).

R e f e r e n c e s :

1. Barkova, Je.V. Jekofilosofskaja kartina mira v istoriko-personologicheskom osvoenii kul'turnogo nasledija / Je.V. Barkova // Saharovskie chtenija 2020 goda: jekologicheskie problemy XXI veka: materialy 20-j mezhdunar. nauch. konf., 21–22 maja 2020 g., g. Minsk, Resp. Belarus' : v 2 ch. / Mezhdunar. gos. jekolog. in-t im. A.D. Saharova Belorus. gos. un-ta; redkol.: A.N. Batjan [i dr.]. – Minsk, 2020. – Ch. 1. – S. 7–10. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/251149> (data obrashhenija: 23.05.2024).
2. Ikonnikova, S.N. Istorija kul'torologicheskikh teorij / S.N. Ikonnikova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Sankt-Peterburg: Piter, 2005. – 477 s.
3. Kant, I. Traktaty i pis'ma / Immanuil Kant; AN SSSR, In-t filosofii. – Moskva: Nauka, 1980. – 710 s. – (Pamjatniki filosofskoj mysli).
4. Kondrat'ev, N.D. Mihail Ivanovich Tugan-Baranovskij / N.D. Kondrat'ev. – Petrograd: Kolos, 1923. – 152, [2] s. – (Biograficheskaja biblioteka) // Vikiteka. – [Б. м.], 2023. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Mihail_Ivanovich_Tugan-Baranovskij_\(Kondrat'ev\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Mihail_Ivanovich_Tugan-Baranovskij_(Kondrat'ev)) (data obrashhenija: 23.05.2024).
5. Tugan-Baranovskij, D.M. Mihail Ivanovich Tugan-Baranovskij: biograficheskij ocherk / D.M. Tugan-Baranovskij; Donec. nac. un-t jekonomiki i trgovli im. Mihaila Tugan-Baranovskogo. – 2-e izd. – Doneck: DonNUJeT, 2009. – 130 s.
6. Tugan-Baranovskij, D.M. Tugan-Baranovskij Mihail Ivanovich: zhizn' i idei : monografija / D.M. Tugan-Baranovskij. – Volgograd: Izdatel', 2015. – 320 s.
7. Tugan-Baranovskij, M.I. Kant i Marks: po povodu russkogo perevoda sbornika statej Forlendera o Kante i Markse / M.I. Tugan-Baranovskij // Vikiteka. – [Б. м.], 2024. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Kant_i_Marks_\(Tugan-Baranovskij\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Kant_i_Marks_(Tugan-Baranovskij)) (data obrashhenija: 23.05.2024).
8. Hrushov-Sokol'nikov, G.A. Grjunval'dskij boj, ili Slavjane i nemcy: istoricheskij roman-hronika / G.A. Hrushov-Sokol'nikov. – [Б. м.]: Harvest, 1889. – 667 s. – ISBN 978-985-18-4504-6 // LitRes. – Moskva, 2021. – URL: <https://www.litres.ru/book/gavriil-hruschov-sok/grunvaldskiy-boy-ili-slavyane-i-nemcy-istoricheskij-r-63521081> (data obrashhenija: 27.03.2024).

Теория и история культуры, искусства

УДК 7.011

И. И. Бартагариева

(старший преподаватель кафедры философии)

Донецкий государственный университет

г. Донецк, Донецкая Народная Республика – Российская Федерация

ЭСТЕТИКА МИСТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу мистической эстетики современного театра. Автор выделяет основные тенденции влияния мистико-религиозных оснований театра на театральное искусство как современную художественную деятельность. Сделан вывод о том, что мистико-религиозные традиции и символизм в современном театре не являются архаичным наследием, а скорее ценным ресурсом, который может быть использован для создания глубоких, многогранных и значимых театральных произведений.

Ключевые слова: искусство, эстетика, театр, театральное искусство, мистицизм, религия, ритуал, символ.

I. I. Bartagariyeva

(Senior Lecturer of the Chair of Philosophy)

Donetsk State University

Donetsk, Donetsk People's Republic – Russian Federation

AESTHETICS OF MYSTICAL SYMBOLISM IN MODERN THEATRICAL ART

Abstract. The article is devoted to a philosophical analysis of the mystical aesthetics of modern theater. The author highlights the main trends in the influence of the mystical-religious foundations of theater on theatrical art as a modern artistic activity. It has been concluded that mystical-religious traditions and symbolism in modern theater are not an archaic heritage, but rather a valuable resource that can be used to create deep, multifaceted and meaningful theatrical works.

Key words: art, aesthetics, theater, performing arts, mysticism, religion, ritual, symbol.

В XX–XXI веках театральное искусство стало полем для экспериментов с формой и содержанием, в котором значимое место занимают мистические и рели-

гиозные мотивы, уходящие корнями в глубокую древность. Современный период характеризуется стремлением к глубинному пониманию человеческой души, исследованию сфер бессознательного и сверхъестественного. Символизм в театре, как и в других формах искусства, использовал образы и знаки для выражения сложных идей и эмоций, часто обращаясь к религиозному мистицизму как к источнику вдохновения.

Мистико-религиозный аспект современного театрального искусства является весьма перспективной научной темой, как с позиции эстетики, так и с позиции психологии творчества и истории искусств. Эта проблематика частично рассмотрена в трудах А. А. Блока [1], М. Кортенской [10], В. А. Кудрявцевой [2], А. Ф. Лосева [3], Н. В. Отургашева [5], А. В. Петрова [6], Г. Пинтер [7], Л. Фейхтвангер [8], М. Элиаде [9] и др. При этом исследований, посвященных именно мистическому символизму в современном театральном искусстве очень мало, что говорит о необходимости заполнения этого пробела.

Целью данной работы является выявление особенностей влияния мистического символизма на современный театр.

А.Ф. Лосев в своем труде «Очерки античного символизма и мифологии» анализирует корни символизма и его связь с мифологическим сознанием. Хотя исследователь фокусируется на античности, его идеи о символе и мифе применимы и к анализу театра XX века, особенно в контексте использования мистических элементов и религиозных мотивов [3, с. 157-163].

Вся многовековая эволюция театрального искусства демонстрирует его глубокую связь с религиозными и культурными течениями каждой эпохи. Театр не только адаптировался к изменениям в общественном сознании, но и активно участвовал в формировании новых идей и общественных представлений, оставаясь весомым фактором духовного развития и самопознания.

Развитие театрального искусства от древности до современности представляет собой уникальный путь духовных трансформаций, на котором мистические и религиозные темы играли и продолжают играть весьма важную роль. От античных трагедий до средневековых мистерий драматурги всех времен обращались к мистико-религиозным сюжетам, исследуя вопросы бытия, судьбы, божественного предопределения и моральных дилемм человечества.

В античной Греции театр зародился из религиозных ритуалов, посвященных Дионису – богу вина, плодородия и экстатических переживаний, а также вдохновения и театра. Это отразилось в содержании первых драматических произведений. Трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида глубоко проникнуты мифологическими мотивами и религиозными проблемами. В их пьесах герои сталкиваются с божественным предопределением (рок в представлении древних греков был даже выше, чем олимпийские боги), свободой воли и моральным выбором, что отражает мировоззренческие искания того времени. Эсхил в своей трилогии «Орестея» исследует тему божественного правосудия и возможность искупления, в то время как Софокл

в «Царе Эдипе» размышляет о предопределении и слепоте человеческого разума перед лицом судьбы.

Римский театр, во многом вдохновленный греческим, привнес в драматургию новые элементы, включая более ярко выраженные развлекательные и спектакульные (от лат. *“spectaculum”* – «зрелище») аспекты. При этом даже в работах таких авторов, как Плавт и Теренций, сохраняется интерес к мифологии и религии, хотя и в комедийном контексте.

С приходом христианства и его утверждением как государственной религии Римской империи театральное искусство переживает значительные изменения. В Византии и в Западной Европе в раннее Средневековье театральные представления временно утрачивают свою популярность, однако затем возрождаются в форме религиозных мистерий и мираблей, которые ставятся при церквях и монастырях. Эти спектакли, основанные на библейских сюжетах и житиях святых, становятся важным средством религиозного просвещения и морального воспитания населения. Мистерии Средневековья, такие как знаменитая «Игра о Данииле», демонстрируют глубокую связь театра с христианской религией, исследуя темы веры, искупления и божественного провидения.

Эти мистико-религиозные темы продолжают оставаться актуальными и в более поздние эпохи, постоянно обогащая театральное искусство новыми интерпретациями и подходами. В работе «Театр и религия: история взаимодействий» А.В. Петров подчеркивает, что «религиозные мотивы и мистическое содержание пьес не только отражали духовные запросы эпохи, но и способствовали развитию театральных форм и методов выражения» [7, с. 97]. Это подтверждает, что театральное искусство во все периоды своего развития сохраняет свою глубокую связь с религией и мистицизмом.

В современном театральном искусстве мистико-религиозные мотивы продолжают играть значительную роль, преобразуясь и адаптируясь к новым культурным и социальным контекстам. Эта тенденция отражает не только продолжающийся интерес к вечным вопросам бытия, но и стремление драматургов и режиссеров исследовать глубинные аспекты человеческой психики и духовности через призму современности. Современные интерпретации мистико-религиозных мотивов в театре варьируются от прямого воссоздания библейских и мифологических сюжетов до более абстрактных и символических представлений, отражающих современные философские и этические дилеммы.

Одним из ярких примеров современного театра, в котором мистико-религиозные мотивы занимают центральное место, являются работы Роберта Уилсона, американского режиссера и художника, чьи постановки отличаются визуальной выразительностью и глубокой символикой [10]. Р. Уилсон неоднократно обращался к религиозной тематике, используя в своих спектаклях, как конкретные библейские сюжеты, так и более абстрактные духовные концепции. Его работы демонстрируют то, как современный театр может использовать мистико-религиозные

мотивы для создания мощного эмоционального и интеллектуального воздействия на зрителя.

В России значительный вклад в исследование мистико-религиозных мотивов в современном театре внесли такие режиссеры, как Лев Додин и Евгений Гришковец. Их работы часто затрагивают вопросы веры, искупления и поиска смысла жизни, используя при этом как традиционные религиозные тексты, так и современную драматургию.

Среди современных драматургов особое внимание заслуживает Гарольд Пинтер, Нобелевский лауреат по литературе, чьи пьесы часто исследуют темы изоляции, страха и поиска истины в условиях абсурда существования [7]. Хотя его работы редко обращаются к мистико-религиозным мотивам напрямую, они пронизаны глубоким духовным поиском и вопросами морали, что делает их актуальными для современного театрального искусства.

Важным аспектом современного театра является его способность отражать и комментировать актуальные социальные и политические вопросы через призму мистико-религиозных мотивов. Так, например, в работах таких авторов, как Тони Кушнер с его пьесой «Ангелы в Америке» (см. рис. 1), религиозные и мистические образы используются для исследования темы ВИЧ/СПИДа, гомосексуальности и политической идентичности в Америке конца XX века.

В начале XX века символизм в театре нашел яркое выражение в работах таких драматургов, как Морис Метерлинк, чьи пьесы «Синяя птица» и «Пеллеас» и «Мелизанда» исследуют незримые физические аспекты реальности и человеческого существования. М. Метерлинк использовал символические образы для создания атмосферы мистики и для передачи идей о неведомом и трансцендентном [4, с. 102].

В России символизм и мистицизм в театре были осмыслены в работах А. А. Блока и В. Мейерхольда, которые экспериментировали с формой и содержанием театрального действия, стремясь преодолеть границы реального и открыть зрителю путь к высшим истинам [1]. В частности, А. А. Блок в своей пьесе «Балаганчик» создает мир, где границы между реальностью и иллюзией стираются, а символы и мистические образы используются для исследования вечных тем любви, смерти и поиска смысла жизни.

В середине XX века театр абсурда, с его знаменитыми представителями – Сэмюэлом Беккетом, Эженом Ионеско и Жаном Жене, хотя и кажется далеким от мистики в прямом смысле, но, тем не менее, затрагивает религиозные и мистические темы на более глубинном, философском уровне. Их пьесы, полные абсурда и нонсенса, исследуют глубинные вопросы существования, одиночества и поиска Бога в абсурдном и бессмысленном мире.

XX век в театральном искусстве стал периодом активного исследования мистических и религиозных мотивов, которые были использованы для создания новых форм выражения сложных идей и чувств. Эти мотивы помогли театру не толь-

ко расширить границы своего воздействия на зрителя, но и обогатить культурное пространство новыми смыслами и значениями.

Именно в XX веке театральное искусство испытало значительные трансформации, активно включая в свой язык мистические и религиозные мотивы. Эти элементы стали не только средством художественной выразительности, но и способом исследования глубинных аспектов личностной экзистенции. Влияние мистико-религиозных традиций на современное театральное искусство является многоаспектным, поскольку затрагивает как тематику спектаклей, так и их визуальное и аудиальное оформление, а также методы взаимодействия актеров с аудиторией.

М. Элиаде в своей работе «Священное и мирское» исследует вопрос о том, как именно религиозные представления и мистический опыт воздействуют на различные культурные практики человечества, включая театр. М. Элиаде утверждает, что сакральное начало присутствует во всех сферах человеческого бытия, предоставляя «основу для символической интерпретации мира и самого себя» [9, с. 102]. Эта идея находит отражение в современном театре, где мистические и религиозные темы используются для создания сложных символических систем, позволяющих зрителям переосмыслить свои жизненные опыты и взгляды.

Современный театр использует мистические элементы не только для воссоздания религиозных ритуалов или мифологических сюжетов, но и для исследования современных духовных исканий. Спектакли, основанные на мистических традициях, часто обращаются к вопросам идентичности, Самости, смысла жизни и взаимосвязи человека с Универсумом, используя для этого как традиционные религиозные символы, так и современные художественные образы [8, с. 588].

Одним из направлений, где мистико-религиозные традиции нашли особенно яркое выражение, является постмодернистский театр. Здесь традиционные религиозные и мистические мотивы переосмысливаются, смешиваясь с культурными кодами разных стран и современными медийными образами. Это позволяет создавать многоуровневые спектакли, где древние мифы и религиозные предания взаимодействуют с современной реальностью, предлагая зрителям новый взгляд на вечные философские вопросы.

Важной функцией современного театра, использующего мистико-религиозные мотивы, является его способность способствовать духовному развитию индивида. Через символическое взаимодействие с мистическими образами и сюжетами зрители получают возможность для глубокой саморефлексии и духовного поиска, что делает театр пространством для личностного саморазвития.

Изучение перспектив развития современного театра в контексте сохранения и трансформации его мистико-религиозных корней открывает новые горизонты для понимания взаимосвязи между древними традициями и современными художественными практиками. Современный театр, наследуя мистические и религиозные мотивы, сталкивается с вызовами и возможностями, которые определяют его развитие в XXI веке.

С одной стороны, сохранение мистико-религиозных корней в современном театре является способом поддержания связи с культурным и духовным наследием человечества. Эти корни обогащают театральное искусство, предоставляя богатый арсенал символов, образов и идей, которые могут быть переосмыслены и адаптированы к современным условиям. Мистические и религиозные темы предлагают зрителям возможность глубокого духовного и эмоционального переживания, способствуя размышлениям о вечных вопросах бытия, смысла жизни и человеческой судьбы.

С другой стороны, трансформация этих корней в современном театре отражает стремление художников к инновациям и экспериментам, к поиску новых форм и методов выражения. Это проявляется в использовании современных технологий, нестандартных сценических решений и новых подходов к взаимодействию с аудиторией. Таким образом, мистико-религиозные традиции не только сохраняются, но и обретают новое звучание, становясь частью современного культурного диалога.

Перспективы развития театра в этом контексте тесно связаны с его способностью адаптироваться к меняющимся социальным и культурным условиям, сохраняя при этом свою уникальность и глубину. Важным аспектом является исследование и внедрение новых технологий, которые могут расширить возможности театрального искусства, делая его более интерактивным и иммерсивным. Одновременно, сохранение и развитие мистико-религиозных традиций требует от театральных деятелей глубокого понимания этих традиций и умения работать с ними в современном контексте.

В работе «Театр в поисках новой реальности» В. А. Кудрявцева справедливо подчеркивается, что современный театр находится на перекрестке множества культурных и исторических традиций, и его развитие зависит от способности художников интегрировать эти традиции в современное художественное выражение, сохраняя при этом актуальность и доступность для современной аудитории [2, с. 201].

Перспективы развития театра в контексте сохранения и трансформации его мистико-религиозных корней представляют собой многообещающее направление для современного искусства. Этот процесс не только подчеркивает важность традиций и культурного наследия, но и открывает новые пути для творческого самовыражения и коммуникации с аудиторией. В эпоху глобализации и технологического прогресса, когда многие аспекты жизни человека подвергаются ускоренным изменениям, театр, опирающийся на мистико-религиозные корни, может стать маяком, указывающим путь к духовным ценностям и глубинному самопознанию.

Одной из ключевых задач современного театра является поиск баланса между сохранением традиционных форм и методов и одновременным внедрением инноваций, которые отвечают запросам современной аудитории. Это требует от театральных деятелей не только глубоких знаний и понимания мистико-религиозных традиций, но и открытости к экспериментам, готовности исследовать новые технологии и формы взаимодействия со зрителем. В этом контексте особенно важным

становится использование мультимедийных средств, виртуальной реальности и других инновационных технологий, которые могут усилить воздействие театрального представления и сделать его более погруженным и вовлекающим.

Кроме того, важным аспектом развития театра является его социальная функция. Театр, использующий мистико-религиозные мотивы, может способствовать диалогу между различными культурами и религиями, способствуя взаимопониманию и толерантности в многообразном мире. В целом, вполне обоснованно можно утверждать, театр не только сохраняет свою роль как хранителя духовных традиций, но и активно участвует в формировании современной культурной и социальной среды.

В этом контексте очевидной является необходимость «государственной поддержки театрального искусства как важного элемента культурной политики» [5, с. 24]. Государственные и частные инвестиции в театр, образовательные программы для подготовки нового поколения театральных деятелей, а также создание платформ для межкультурного и межрелигиозного диалога могут стать ключевыми факторами успешного развития театра в будущем.

Перспективы развития театра в контексте сохранения и трансформации его мистико-религиозных корней обещают быть многообещающими и разнообразными. Современный театр имеет уникальную возможность стать мостом между прошлым и будущим, между традиционными ценностями и современными идеями, предлагая зрителям не только эстетическое наслаждение, но и пищу для размышлений о самых важных аспектах человеческого существования.

Театральные деятели используют мистические и религиозные мотивы для исследования актуальных вопросов современности, таких как поиск смысла жизни, проблемы идентичности и взаимодействия человека с окружающим миром. Это позволяет театру оставаться живым и динамичным искусством, способным влиять на общественное сознание и способствовать духовному развитию индивида.

Перспективы развития театра в контексте его мистико-религиозных корней во многом зависят от способности театрального сообщества к инновациям и экспериментам, а также от готовности зрителей к восприятию новых форм и идей. Важным условием успешного развития театра является диалог между театральными деятелями и аудиторией, который позволяет не только сохранять, но и обогащать театральное искусство, делая его более открытым и доступным для широкого круга зрителей.

Таким образом, мистико-религиозные традиции и символизм в современном театре не являются архаичным наследием, а скорее ценным ресурсом, который может быть использован для создания глубоких, многогранных и значимых театральных произведений. Современный театр, учитывая свои корни и традиции, имеет все шансы продолжать развиваться как важное культурное и духовное явление, способное отражать и формировать современное общество, а также выступать средством социальной психотерапии.

Библиографический список:

1. Блок А. А. О современном состоянии русского символизма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-blok/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma-3260125/chitat-onlayn/page-2/> (Дата обращения – 20.03.2024 г.).
2. Кудрявцев В. А. Театр в поисках новой реальности. - М.: Искусство, 2005. – 348 с.
3. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.: Академический проект, 2021. – 755 с.
4. М. Метерлинк в России Серебряного века / Под ред. Н.В. Марусяк. – М.: Рудомино, 2001. – 287 с.
5. Отургашева Н. В. Театр и театральность: современные трансформации // Человек. Культура. Образование. – 2013, № 4(10). – С. 22–31.
6. Петров А. В. Театр и религия: история взаимодействия. – М.: Искусство, 2010. – 242 с.
7. Пинтер Г. Коллекция: пьесы. – СПб.: Амфора, 2006. – 560 с.
8. Фейхтвангер Л. Актерское искусство и религиозность // Собрание сочинений в 12-ти томах, Т. 12, М.: Художественная литература, 1968. – С. 587–590.
9. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Академический Проект, 1994. – 144 с.
10. Kortenska M. American Avant-Garde Artist Robert Wilson in Europe and the Balkans // Postmodernism Problems. – 2015. – No. 5(2). – P. 119–130.

References:

1. Blok A. A. O sovremennom sostojanii russkogo simvolizma [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-blok/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma-3260125/chitat-onlayn/page-2/> (Data obrashhenija – 20.03.2024 g.).
2. Kudrjavcev V. A. Teatr v poiskah novoj real'nosti. - M.: Iskusstvo, 2005. – 348 s.
3. Losev A. F. Oчерki antichnogo sivolizma i mifologii. - M.: Akademicheskij proekt, 2021. – 755 s.
4. M. Meterlink v Rossii Serebrjanogo veka / Pod red. N.V. Marusjak. – M.: Rudomino, 2001. – 287 s.
5. Oturgasheva N. V. Teatr i teatral'nost': sovremennye transformacii // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. – 2013, № 4(10). – S. 22–31.
6. Petrov A. V. Teatr i religija: istorija vzaimodejstvija. – M.: Iskusstvo, 2010. – 242 s.
7. Pinter G. Kollekcija: p'esy. – SPb.: Amfora, 2006. – 560 s.
8. Fejhtvanger L. Akterskoe iskusstvo i religioznost' // Sobranie sochinenij v 12-ti tomah, T. 12, M.: Hudozhestvennaja literatura, 1968. – S. 587–590.
9. Jeliade M. Svjashhennoe i mirskoe. – M.: Akademicheskij Proekt, 1994. – 144 s.
10. Kortenska M. American Avant-Garde Artist Robert Wilson in Europe and the Balkans // Postmodernism Problems. – 2015. – No. 5(2). – P. 119–130.

Философская антропология, философия культуры

УДК 316.6

А. В. Цыбулевский

(аспирант)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
г. Москва, Российская Федерация

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДО КОНЦА XX ВЕКА. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ГЕЙМИФИКАЦИЮ

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены философские мировоззрения всемирно известных ученых и исследователей на игру как инструмента взаимодействия в социуме, а также развитие игровых методик в обучении, мотивации и оценке персонала. Человек познает окружающий мир еще с детства через игру. Игровые технологии на сегодняшний день являются эффективным инструментом для повышения производительности и конкурентоспособности в любой организации. С годами интерес к этому явлению возрастал, а в начале XXI века появилось определение «геймификация».

Ключевые слова: геймификация, мотивация персонала, история, игровые технологии, деловые игры, игра, общество.

A. V. Tsybulevskiy

(Graduate student)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA)
Moscow, Russian Federation

THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND APPLICATION OF GAMING TECHNOLOGY UNTIL THE END OF THE TWENTIETH CENTURY. PHILOSOPHICAL VIEWS ON GAMIFICATION

Annotation. This article will consider the philosophical worldviews of world-famous scientists and researchers on the game as a tool for interaction in society, as well as the development of game techniques in training, motivation and evaluation of personnel. A person learns about the world around him since childhood through play. Today, gaming technologies are an effective tool for increasing productivity and competitiveness in any organization. Over the years, interest in this phenomenon has increased, and at the beginning of the XXI century, the definition of "gamification" appeared.

Key words: *gamification, staff motivation, history, gaming technologies, business games, game, society*

Современное общество привыкло уже к тому, что технология геймификации затронула все сферы жизни – экономику, медицину, образование, политику. Термин придумали два десятка лет тому назад, но сама тенденция внедрения элементов игр в неигровых сферах была замечена намного раньше.

Внедрение игры в общество рассматривали известные философы своего времени. Свои взгляды по поводу игры Г. Спенсер излагает так, что деятельности, называемые играми, соединяются с эстетическими деятельностями одной общей им чертой, а именно тем, что ни те, ни другие не помогают сколько-нибудь прямым образом процессам, служащим для жизни.

Рассматривая происхождение импульса к игре, Г. Спенсер развивает свою теорию, которая обычно также называется теорией избытка сил. Он пишет, что «низшие роды животных имеют ту общую им всем черту, что все их силы расходуются на выполнение отправлений, имеющих существенное значение для жизни. Они непрерывно заняты отыскиванием пищи, убеганием от врагов, постройкою убежищ и заготовкою крова и пищи для своего потомства. У более высокоразвитых животных дело стоит так, что энергия, требующаяся здесь в каком-либо случае, оказывается часто в некотором избытке над непосредственными нуждами. Игра есть точно такое же искусственное упражнение сил, которые вследствие недостатка для них естественного упражнения становятся столь готовыми для разрядки, что ищут себе исхода в вымышленных деятельностях на место недостающих настоящих деятельностей».

Для Спенсера различие между игрой и эстетической деятельностью заключается лишь в том, что в игре находят выражение низшие способности, в то время как в эстетической деятельности – высшие [6].

Взгляды Ф. Шиллера на игру можно лучше понять, изучив его теорию избытка сил. Однако стоит уточнить его позицию в отношении этого названия, так как оно в полной мере отражает его взгляды, что видно из следующей цитаты из его работы «Письма об эстетическом воспитании человека». Он пишет, что «правда, природа одарила и неразумные существа превыше их потребностей и посеяла в темной животной жизни проблеск свободы. Когда льва не грызет голод и хищник не вызывает его на бой, тогда неиспользованная сила сама делает из себя свой объект: могучим ревом наполняет лев звонкую пустыню, и роскошная сила наслаждается бесцельным расходом себя. Насекомое порхает, наслаждаясь жизнью, в солнечном луче, и, конечно, в мелодичном пении птицы нам не слышатся звуки страсти. Несомненно, в этих движениях мы имеем свободу, но не свободу от потребности вообще, а только от определенной, внешней потребности. Животное работает, когда недостаток чего-либо является побудительной причиной его деятель-

ности, и оно играет, когда избыток силы является этой причиной, когда излишек силы сам побуждает к деятельности».

По мнению Ф. Шиллера, Игра — это удовольствие, возникающее в результате проявления избытка жизненных сил без учёта внешних потребностей. То, что вызывает желание играть, можно назвать живым образом, понятием, которое обозначает все эстетические свойства явления и, в общем смысле, всё то, что мы называем красотой [10].

Введение Ф. Шиллером удовольствия в качестве определяющего признака, общего для игры и эстетической деятельности, повлияло на дальнейшее изучение проблем игры.

Известный психоаналитик Зигмунд Фрейд подразумевает игру как реализацию вытесненных из жизни желаний, в игре разыгрывается и переживается то, что не удастся реализовать в жизни. Также игра в его понимании не имеет осознанных целей, а сам мотив находится в самом процессе. В конце XIX – начале XX веков Фрейд предложил психоанализ как один из методов психических заболеваний. Он считал, что с помощью игры ребенок может взаимодействовать с окружающим миром, а также урегулировать внутренние конфликты.

Фрейд выделил два основных компонента игры:

1. Удовольствие, это удовлетворение основных потребностей ребенка;
2. Активность, ребенок может развивать свои навыки и изучать все, что находится вокруг него.

Он также отмечал несколько видов игр:

- Символические игры – объект применяет образы и символы, чтобы выразить свои чувства и переживания, например, придумывать истории;
- Манипулятивные игры – чтобы объект был удовлетворен в своих потребностях, он использует для этого игрушки и другие предметы;
- Сюжетно-ролевые игры – объект включает воображение и принимает на себя определенную роль и действует в соответствии с ним.

Фрейд считал, что, если психоаналитик сможет проанализировать детские игры, он сможет понять мотивы ребенка и разработать стратегию лечения.

Первые явления управления поведением людей через систему мотивации с помощью игры заметили еще в XVIII веке. Ученые выделяют, так называемую, «благочестивую лотерею» Г. Тертсегена. Это игрофицированный молитвенник, имеющий в себе карточки, в которых были прописаны зарифмованные слова молитв. Например, «Это лотерея для верующих, и ничего нельзя потерять, но нет ничего лучше, чем вытянуть лучший жребий» или «Выбирая случайным образом карту из колоды, благочестивый игрок выполнял одновременно два действия: играл в алсаторную карточную игру и занимался христианской набожностью». [2]

В начале 20 века игры в предприятиях применялись не так активно, как в конце века. Однако некоторые примеры использования игр в этот период можно найти.

В конце XIX века первую программу лояльности разработала американская компания Sperry & Hutchinson (S&H), где они продавали марки Green Stamps продуктовым магазинам. Марки выступали в качестве бонусов для покупателей, что, своего рода, выступали игровой валютой. На определенное количество марок можно было приобрести товары из каталога. Этим они заинтересовали потенциальных покупателей, так как могли получить выгодное вознаграждение. [7]

Одним из первых примеров является использование игр для обучения персонала. В 1903 году компания Westinghouse Electric Company разработала игру, которая помогала обучать сотрудников работе с новым оборудованием. Эта игра стала известна как «Westinghouse Problem Box» и была популярна среди работников компании.

В 30е годы XX века знаменитый историк культуры Йохан Хейзинга считал игру формирующим началом для последней: «человеческая культура возникает и развертывается в игре и как игра». Игровое начало, по Й. Хейзинга, противопоставляет принудительности внешнего мира: «Только с вмешательством духа, снимающего эту всеобщую детерминированность, наличие игры делается возможным, мыслимым, постижимым. Бытие игры всякий час подтверждает, причем в самом высшем смысле, супралоогический характер нашего положения во Вселенной. Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит, мы более, чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие неразумное».

Й. Хейзинга говорил: «Свободный характер, самоценность – особый собственный смысл игры, нередко возвышенный и священный; временную и пространственную ограниченность, обособленность от остального мира, таинственность для непосвященных, собственные правила и особый порядок, связывающий игру со сферой эстетического». Он указывает на состязательную функцию игры, объединяя ее с функцией «представления»: «Игра «представляет борьбу за что-то, либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит».

Й. Хейзинга считает, что игра – это действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости.

В своей книге «Человек играющий» Хейзинга анализирует игру как явление культуры, начиная с древних времен и заканчивая современностью. Он рассматривает игру как основу культуры, подчеркивая её созидательную функцию и влияние на различные аспекты жизни, включая правосудие, ратное дело, искусство и эпоху [8].

В 1930 годах советский социолог Мария Мироновна Бирштейн предложила идею обучения руководящего персонала на манер подготовки военных руководителей в процессе военных игр. В июне 1932 г. эта игра была проведена. Результаты показали, что опыт, приобретенный участниками игры в условных ситуациях, можно с успехом применять на реальном объекте.

Она основала свою научную школу и её идеи продолжают развивать ее ученики и последователи. Мария Мироновна Бирштейн стала первым в мире автором концепции деловой игры.

Исследуя проблему применения деловых игр в различных областях деятельности общества, М.М. Бирштейн писала, что информационная структура деловой игры представляет собой то, что обуславливает способы связи между ее участниками. Язык имитационной модели лучше всего воспроизводит образ рассматриваемой ситуации, поэтому творческая деятельность участников игры состоит в поиске проблемы и способов ее решения в процессе ее проведения. Если разработчик деловой игры уже все подготовил заранее, то перед нами сухая схема аналитического или имитационного характера, которая лишена игровой творческой деятельности. Именно непредсказуемость деловой игры делает ее специфической формой познавательной деятельности.

Марией Бирштейн были созданы множество деловых игр, некоторые из них:

- Деловые игры по развитию города
- Деловые игры по охране природы
- Медицинские деловые игры
- Деловые игры по годовому планированию
- Деловые игры в сфере подготовки молодых специалистов в ВУЗах.

Особое внимание автор уделяла применению игровых технологии в обучении будущих специалистов [3].

Кроме того, компания Cracker Jack привлекала покупателей тем, что вкладывала в каждую коробку своей продукции игрушку-сюрприз. Этому примеру последовало множество других компаний для повышения продаж. Конечно же, это явление отличается от того, что мы сегодня называем геймификацией.

Американский писатель и бизнесмен Чарльз А. Кунрадт в своей книге «The Game of Work» (1973) выделяет пять принципов геймификации:

1. Перед тем, как «запустить игру», важно обозначить четкие цели и разобрать систему измерения результата. Можно усовершенствовать только те вещи, что постоянно измеряется, в том числе и производительность труда;
2. Обязательно демонстрируйте таблицу, который будет показывать успехи и достижения сотрудников, чтобы его видели все и стремились превзойти фаворита;
3. Обратная связь всегда необходима. Важно, чтобы результат приходил не в конце квартала, а моментально. Оперативность играет большую роль. «Игроки» сверяют достигнутые результаты с затраченными усилиями и, поэтому, продумывают стратегии;
4. Давайте сотрудникам больше времени на креативные и творческие идеи, так это позволит добиться лучшего результата;
5. В компании не должно быть тайн и секретов. Организуйте наставничество и обмен опытом с сотрудниками, это принесет дополнительные баллы. [1]

«Чак» Кундат одним из первых в XX веке открыл миру метод игр, которые способны повлиять на работу в организации. По мнению Forbes, его прозвали «дедушкой геймификации».

В 1980 году разработчик и исследователь игр Ричард Бартл создал первый мультиплеерный проект – MUDI, который стал прообразом таких игр, как World of Warcraft. Заслуга основателя так называемого многопользовательского «подземелья» заключалась в превращении работы в игру. В дальнейшем, широкое распространение получили видео-игры, многие из которых помогали детям в обучении. Один из разработчиков Джеймс Паул провел углубленные исследования и написал несколько книг о том, как игры помогают обучать, мотивировать, оценивать пользователей.

Начало XXI в. стало новым мощным скачком в изучении и применении игровых технологии. В 2002 году британский программист и исследователь Ник Пеллинг ввел в оборот термин «геймификация». Он подразумевал под ним «использование в программных инструментах сценариев, характерных для компьютерных игр в сферах, далеких от игры» и оно применялось исключительно в игровой индустрии. Понятие «геймификация» происходит от английского слова «game», что в переводе на русский означает «игра». Данный термин используется для обозначения уникального способа решения задач всех уровней сложности. Это способ превратить скучный, рутинный процесс в более интересный и увлекательный.

В 2010 году всемирно известный эксперт в области геймификации Ю-Кай Чоу основал модель «Октализ». «Октализ» – это модель геймификации, состоящий из восьми элементов мотивации: значимости, творчества, влияния, тайны, избегания негатива, дефицита, владения и достижения.

Суть этой модели заключается в том, чтобы использовать ее для анализа мотивации людей, деятельность которой будет подвергнута игрофикации, а также для создания нового пользовательского опыта в рамках дизайна, ориентированного на учет интересов человека [9].

Другие ведущие мировые эксперты и ученые рассматривают технологию геймификации следующим образом:

Г. Зикерманн и Дж. Линдер трактует геймификацию как возможность использования игровых механик и игрового мышления для того, чтобы решить неигровые проблемы и для вовлечения людей в какой-либо процесс [5]. К. Вербах и Д. Хантер считают, что геймификация – это использование игровых элементов и игровых механик в неигровом контексте. [4]

Выводы. Игра является важной частью в жизни каждого человека, игры помогают ему развиваться с ранних лет. Сегодня существует целая отрасль по применению игровых технологии с целью обучения, мотивации, оценки персонала. Технология была востребована как несколько столетий назад, так и в наши дни, и по сей день доказывает свою эффективность.

Библиографический список:

1. Coonradt C. The game of work. Coonradt C., Nelson L. // Gibbs Smith, Publisher. 2007. – С. 49
2. Fuchs M.J. Rethinking gamification / M. Fuchs – Germany: Meson press. 2014. – с. 344.
3. Бирштейн М. М. Деловые игры / Бельчиков Я.М., Бирштейн М.М. - Рига: Авотс, 1989. – с. 304.
4. Вербак К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
5. Зикерманн, Г. Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов / Г. Зикерманн, Дж. Линдер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.
6. Спенсер Г. Основания психологии. М., 1898. Ч. VI, VII, VIII, IX.
7. Уфельман В.Д., Кохова И.В., Белогруд И.Н. Исторические аспекты развития геймификации / Современная научная мысль. 2020. С. 125-128.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / М.: Азбука. - 2022. – с. 400.
9. Чоу Ю-Кай. Геймифицируй это. Как стимулировать клиентов к покупке, а сотрудников – к работе. – М.: Издательство Бомбора, 2021. 519 с.
10. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании: собр. соч. в 7 т. Мю, 1957.

R e f e r e n c e s :

1. Coonradt C. The game of work. Coonradt C., Nelson L. // Gibbs Smith, Publisher. 2007. – С. 49
2. Fuchs M.J. Rethinking gamification / M. Fuchs – Germany: Meson press. 2014. – с. 344.
3. Birshtein M. M. Business games / Belchikov Ya.M., Birshtein M.M. - Riga: Avots, 1989. – p. 304.
4. Verbakh K., Hunter D. Involve and rule. Game thinking in the service of business - М.: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. 224 p.
5. Zickermann, G. Gamification in business: how to break through the noise and capture the attention of employees and customers / G. Zickermann, J. Linder. – М.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. – 272 p.
6. Spencer G. The foundations of psychology. М., 1898. Ch. VI, VII, VIII, IX.
7. Ufelman V.D., Kochova I.V., Belogrud I.N. Historical aspects of the development of gamification / Modern scientific thought. 2020. pp. 125-128.
8. Huizinga J. Homo ludens. A man playing / М.: ABC. - 2022. – p. 400.
9. Chou Yu-Kai. Gamify it. How to encourage customers to buy, and employees to work. – М.: Bombora Publishing House, 2021. 519 p.
10. Schiller F. Letters on aesthetic education: collected works in 7 vols., 1957.

ОБРАЗЕЦ
ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика - РФ)

E-mail: nragozin@inbox.ru

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...

Библиографический список:

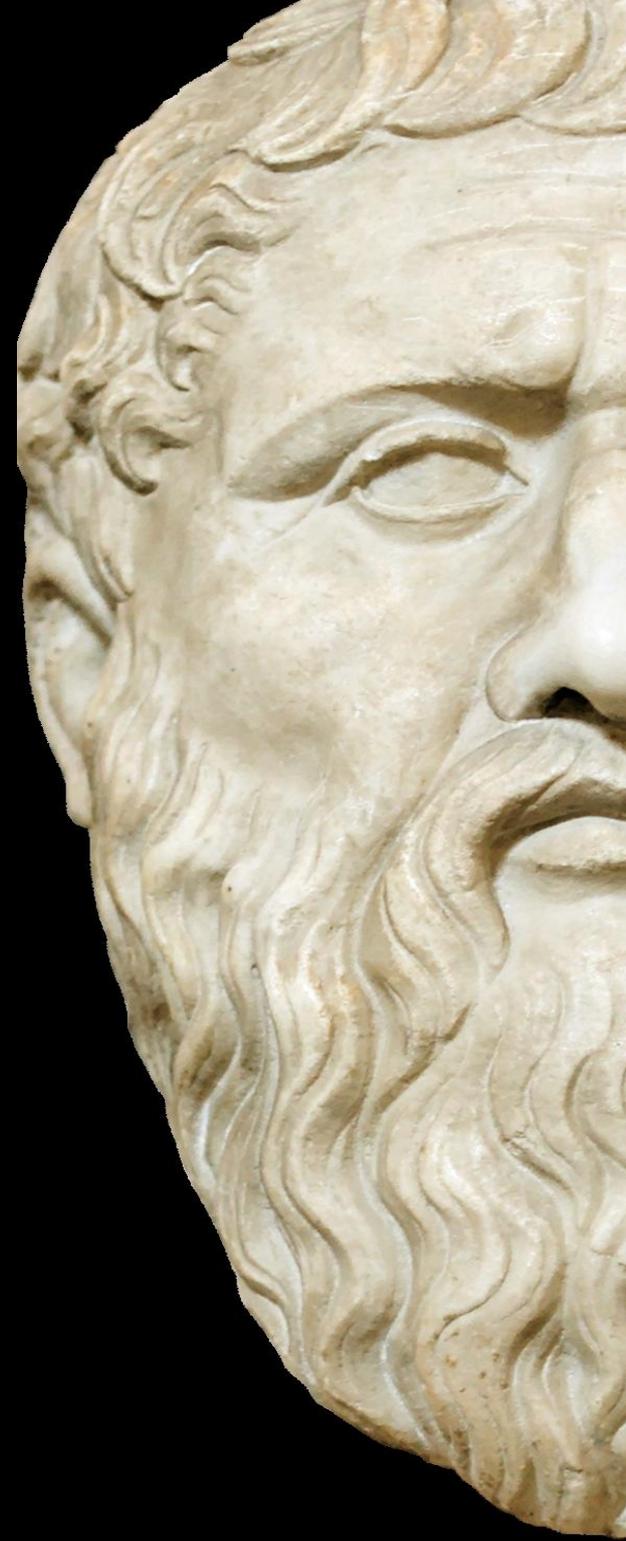
1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
4. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
5. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.

References:

1. Behkon F. Novyj Organon // Behkon F. Soch. v 2-kh tt. T. 2. Sost., obshchaya red. A.L. Subbotina. – M.: Nauka, 1978, S. 5-222.
2. Shackij E. Utopiya i tradiciya: Per. s pol'skogo / Obshch. red. i poslesl. V. A. Chalikovoj. – M.: Progress, 1990. – 456 s.
3. Mejneke F. Vozniknovenie istorizma / Per. s nem. – M.: ROSSPEHN, 2004. – 480 s.
4. Marks K. Filosofskij manifest istoricheskoy shkoly prava // Marks K., Ehngel's F. Soch., 2-e izd. – M.: Politizdat, 1955, T.1. – S. 85-92.
5. Tradicii i innovacii v sovremennoj Rossii. Sociologicheskij analiz vzaimodejstviya i dinamiki / Pod redakciej A. B. Gofmana. – M.: ROSSPEHN, 2008. – 543 s.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISSN 2522-9788